ВВЕДЕНІЕ.

I. Среди обширнаго круга языковъ индо-европейскаго корня болѣе тѣсную семью составляютъ *словянскіе* языки.

Въ семью эту входятъ языки: русскій, болгарскій, сербскій, словинскій, чешскій со словацкимъ нарѣчіемъ, серболужицкій, польскій и кашубскій.

Къ этой же семьѣ относится и вымершій полабскій языкъ, о которомъ изслѣдователь можетъ судить лишь по скуднымъ нѣмецкимъ записямъ конца XVII и XVIII вѣка, да по полабскимъ именамъ, встрѣчающимся въ латино-нѣмецкихъ грамотахъ и лѣтописяхъ средневѣковья.

Примѣчаніе. Русскимъ языкомъ,—который дѣлится на три главныхъ нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское,—помимо русскаго населенія Россіи говорятъ въ Австро-Венгріи: въ восточной части Галиціи, въ западной части Буковины и сѣверо-восточномъ углу Венгріи.

Словяне, говорящіе болгарскимъ языкомъ, живутъ въ восточной части Балканскаго полуострова—въ королевствѣ Болгаріи и нѣкоторыхъ вилайетахъ Турціи (адріанопольскомъ, салоникскомъ и битольскомъ); кромѣ того болгарскія поселенія находятся въ Румыніи (въ Добруджѣ), въ Россіи (въ бессарабской, херсонской и таврической губерніяхъ), въ Банатѣ и Семиградской области (Венгрія). Численность ихъ превышаетъ 5 милліоновъ: по исчисленію Флоринскаго 5,440,000, по Нидерле 5,000,000.

Сербскимъ или сербо-хорватскимъ языкомъ говоритъ словянское племя, живущее, главнымъ образомъ, въ западной части Балканскаго полуострова: въ королевствѣ сербскомъ, въ княжествѣ Черногоріи, въ нѣкоторыхъ вилайетахъ Турціи (новобазарскій, призренскій, Косово поле, скадрскій и скопійскій санджакъ), въ областяхъ Босніи и Герцоговинѣ, недавно аннексированныхъ Австро-Венгріей, въ австрійскихъ провинціяхъ Истріи и Далмаціи, въ венгерскихъ провинціяхъ Хорватіи, Славоніи, Срѣмѣ, Бачкѣ, Банатѣ и Приморьи, наконецъ на островахъ Адріатическаго моря: Рабъ, Керкъ (Велья), Оссоръ, Брачъ, Хваръ, Млѣтъ, Корчула. Флоринскій исчисляетъ сербо-хорватъ въ 9,135,000, Нидерле—въ 8,550,000.

Словинцы или словенцы, небольшой словянскій народъ (около 1½ милліона) обитаетъ, главнымъ образомъ, въ австрійскихъ провинціяхъ—Крайнѣ, Штиріи и Хорутаніи, отчасти же въ Венгріи (въ саладской, желѣзной и веспримской жупаніяхъ) и Италіи (Резьянская долина).

Чехи или чехо-мораване населяютъ Чешское королевство, Моравію и нѣкоторыя части Силезіи и Нижней Австріи; ихъ насчитываютъ 7 слишкомъ

милліоновъ (7,237,200). Къ чешскому языку ближайшимъ образомъ примыкаетъ словацкое нарѣчіе, коимъ говорятъ словяне, живущіе къ востоку отъ чехо-мораванъ—въ сѣверной Венгріи и юго-восточной Моравіи (всего, считая и эмигрантовъ, живущихъ въ Америкѣ и Россіи, насчитываютъ 2,671,000).

Сербы-лужичане,—остатокъ когда то обширной вѣтви словянства, нынѣ насчитывающій немногимъ болѣе полутораста тысячъ (157,000) человѣкъ, живутъ по верхнему теченію р. Шпре, въ предѣлахъ Пруссіи и Саксоніи. Ихъ языкъ складывается изъ двухъ нарѣчій: верхнелужицкаго и нижнелужицкаго.

Языкомъ польскимъ говоритъ словянскій народъ, въ политическомъ отношеніи раздѣленный на три части: одна входитъ въ составъ Россіи (Царство Польское), другая—въ составъ Пруссіи (герцогство Познанское, часть Восточной Пруссіи, а также часть Западной Пруссіи и восточная часть Силезіи до р. Ниссы) и третья въ составъ Австріи (восточная часть Силезіи или т. н. Тѣшинское Княжество и западная часть Галиціи). Численность поляковъ, по вычисленіямъ Флоринскаго, доходитъ до 19—20 слишкомъ милліоновъ, по Нидерле—17,500,000.

Кашубскимъ языкомъ говоритъ небольшой народецъ, живущій на южномъ берегу Балтійскаго моря—въ предѣлахъ Западной Пруссіи и Помераніи. Считая и кашубовъ, живущихъ въ Америкѣ, ихъ исчисляютъ приблизительно въ 365 тысячъ. Кашубы являются потомками словянскаго племени поморянъ, на западъ отъ которыхъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Мекленбурга и Голштиніи, въ старину помѣщались ближайше родственныя имъ вѣтви полабскихъ (т. е. живущихъ по Лабѣ-Эльбѣ) словянъ: бодричи и лютичи. Ср. Т. Д. Флоринскаго „Славянское племя". 1907 г., Нидерле, «Обозрѣніе современнаго славянства», 1909.

Всѣ эти языки были нѣкогда говорами одного языка, который въ наукѣ принято называть *праслоowянскимъ*; языкомъ этимъ говорилъ единый въ смыслѣ языковомъ и культурномъ словянскій народъ, жившій, по новѣйшимъ выводамъ науки, на территоріи, ограничиваемой съ сѣвера Припятью, съ запада Вислой, съ юго-запада Карпатами, съ востока приблизительно Днѣпромъ и Десной и съ юга степной полосой, на которой съ незапамятныхъ временъ кочевали народы иранскаго корня.

Примѣчаніе. О прародинѣ словянъ ср. Niederle «Slovanské starožitnosti» I, 1902, 3—34 с.с. Иначе Розвадовскій, Sprawozdania Akad. въ Краковѣ 3 т. 2 с.

Расширяясь постепенно въ различныхъ направленіяхъ, встрѣчаясь въ различныхъ мѣстахъ съ различными этническими и культурными вліяніями, словянскій пранародъ распался съ теченіемъ времени на отдѣльные, самостоятельные народы, которые въ настоящее время довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ языкомъ, такъ и складомъ политической жизни и культуры.

Былые говоры, развиваясь и измѣняясь на длинномъ протяженіи вѣковъ, постепенно сложились въ самостоятельные языки. Однако старыя отношенія между этими языками,—отношенія говоровъ одного языка,—

не стерлись совершенно, и болѣе тѣсное родство между ними, былое единство безъ труда можно установить научнымъ путемъ и въ настоящее время. Мало того: перемѣщаясь съ территоріи прародины на новыя мѣста, говоры эти очень долгое время еще находились въ сношеніяхъ другъ съ другомъ,—а сношенія поддерживаютъ единство,—долгое время сохраняли прежнюю картину взаимныхъ отношеній; удивительнымъ образомъ, современныя отношенія между словянскими языками соотвѣтствуютъ тѣмъ отношеніямъ между ними, которыя можно предполагать встарину въ виду данныхъ историко-географическихъ.

Языки—болгарскій, сербскій и словинскій въ настоящее время обнаруживаютъ взаимную близость въ такой мѣрѣ, которая позволяетъ думать, что говоры: болгарскій, сербскій и словинскій были на словянской прародинѣ ближайшими сосѣдями.

Примѣчаніе. Ср. однообразную вокализацію звуковыхъ сочетаній, соотвѣтствующихъ русскому полногласію (серб. болг. брада, слов. brada=русс. борода), слоговые r, l въ соотвѣтствіи русскому ор, ол (въ словахъ *горло, волкъ* и т. п.), твердые гласные въ положеніи предъ гласнымъ *е* (въ русскомъ смягченные: небо и т. п.); совпаденіе въ законахъ развитія количества между сербскимъ и словинскимъ языками, а съ другой стороны нѣкоторыя сходныя явленія ударенія и количества въ болгарскомъ и словинскомъ.

Русскій языкъ нѣкоторыми своими чертами сближается съ болгарскимъ, иными съ польскимъ.

Примѣчаніе. Русское сонъ (род. сна) и западноболгарское сон; болгарскій постпозитивный членъ (гостът, главата) и то-же явленіе въ великорусскихъ говорахъ: крикот, избата, маслото и т. п. ср. Изв. 1901, № 3, 139 и сл. Съ польскимъ русскій сближается, напримѣръ, въ смягченіи согласныхъ предъ *е* (пол. niebo, но чеш. nebe), въ судьбѣ праслов. слоговыхъ r, l (р. горло, пол. gardło, чеш. hrdlo, серб. грло), также въ словарномъ отношеніи.

Точно такъ-же чешскій языкъ съ одной стороны образуетъ одну группу западно-словянскихъ языковъ съ лужицкимъ, польскимъ и кашубскимъ (поморскимъ), сближаясь съ ними въ цѣломъ рядѣ пунктовъ.

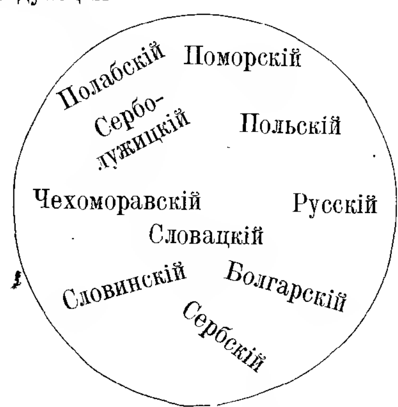
Примѣчаніе. Ср звуки c, dz (или упрощеніе его z) на мѣстѣ праслов. tj, dj (русское ч, ж: *ночь, межа*), непосредственное смягченіе губныхъ согласныхъ (пол. ziemia, чеш. země=русс. земля), kv—gv (русс. цв, зв) и др.

Съ другой стороны, однако, чешскій языкъ въ нѣкоторыхъ чертахъ своей фонетики подаетъ руку южнословянскимъ языкамъ.

Примѣчаніе. Ср. чеш. brada: ср. серб. слов. brada, болг. брада; чеш. твердые согласные предъ e: nebe; слоговые r, l.

Наконецъ, лужицкія нарѣчія занимаютъ промежуточное положеніе между чешскимъ и польскимъ языкомъ, а кашубскій, близко подходя къ польскому въ большинствѣ характерныхъ чертъ своихъ, нѣкоторыми своими особенностями связанъ съ былымъ полабскимъ языкомъ (каш. karva=пол. krova, русск. корова).

Если сопоставить эти нынѣшнія соотношенія между словянскими языками съ ихъ географическимъ положеніемъ въ настоящее время и съ ихъ географическимъ положеніемъ въ прошломъ, то можно предполагать, что взаимное положеніе говоровъ словянскаго праязыка на ихъ прародинѣ было слѣдующимъ:

Говоры болгарскій, сербскій и словинскій примыкали къ южной и юго-западной границѣ словянской территоріи, и, соотвѣтственно своему положенію, носители ихъ впослѣдствіи начали движеніе въ юго-западномъ направленіи, просачиваясь постепенно чрезъ ущелья Карпатъ въ подунайскую равнину и затѣмъ на Балканскій полуостровъ; предки чехоморавань и словаковъ, поляковъ, лужичанъ, кашубовъ и полабянъ двигались въ западномъ и сѣверо-западномъ направленіи; предки русскихъ— на сѣверъ и востокъ. Новыя отношенія—по выселеніи изъ прародины, были, такимъ образомъ, продолженіемъ старыхъ.

Примѣчаніе. Въ IX вѣкѣ южно-словянскія племена (болгарскія, сербскія и словинскія) занимали почти весь Балканскій полуостровъ, за исключеніемъ небольшихъ полосъ, принадлежавшихъ грекамъ и албанцамъ, и почти всю подунайскую равнину; на сѣверо-востокѣ, какъ и встарь, они примыкали къ русскимъ племенамъ, на сѣверо-западѣ поселенія словинцевъ доходили до Дуная, на противоположномъ берегу котораго сидѣли представители чехоморавскаго племени; надъ чехоморавaнами сидѣли лужичане и поляки, еще сѣвернѣе полабцы и поморяне, къ востоку отъ поляковъ русскіе; такимъ образомъ, въ IX вѣкѣ словянская территорія представляла почти сплошь замкнутый кругъ словянскихъ нарѣчій, находившихся въ томъ же отношеніи другъ къ другу, какое мы предполагаемъ для праcловянской эпохи. Ср. „Карту разселенія славянъ въ IX вѣкѣ“ Кочубинскаго 1885 г. или „Карту разселенія славянъ во второй половинѣ IX вѣка“ Флоринскаго 1907 г.

II. Единство словянскихъ языковъ по происхожденію обусловливаетъ единство науки словянскаго языкознанія. Какой бы изъ словянскихъ языковъ мы ни изучали исторически, для полнаго и яснаго пониманія

его историческихъ основъ и его исторической жизни намъ необходимо широкое знакомство съ остальными словянскими языками: только сравнительное изученіе всѣхъ словянскихъ языковъ можетъ рѣшить задачу научной реконструкціи ихъ общаго родоначальника,—прасловянскаго языка, а безъ такой реконструкціи прасловянской системы звуковъ и формъ нельзя освѣтить корней исторической жизни отдѣльныхъ словянскихъ языковъ.

Очень важное значеніе въ такой реконструкціи, въ сравнительномъ изученіи словянскихъ языковъ имѣетъ грамматика древне-церковно-словянскаго языка. Для того, чтобы было ясно это значеніе, нужно прежде всего выяснить самый терминъ—«древне-церковно-словянскій языкъ», а для этого необходимо нѣсколько остановиться на дѣятельности первоучителей словянскихъ Константина и Меѳодія, съ коей неразрывно связано самое возникновеніе этого древне-церковно-словянскаго языка.

Примѣчаніе. Дѣятельность первоучителей освѣщается цѣлымъ рядомъ источниковъ какъ словянскихъ, такъ и греческихъ и латинскихъ. Среди нихъ важнѣйшими являются такъ называемыя паннонскія житія Константина и Меѳодія на словянскомъ языкѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей однако представляющія словянскій переводъ съ греческаго (ср. Вороновъ „Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшие источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія". 1877). Составлены эти житія были, повидимому, въ IX или X вѣкѣ. Изданіе ихъ можно найти: житія Константина въ Denkschriften der Kaiserl. Akad. d. Wiss. ph.-hist. Cl. XIX B. 1870. Wien (Дюммлеръ и Миклошичъ); житіе Меѳодія издано Миклошичемъ также въ 1870 г.: Vita Sancti Methodii ed. Fr. Miklosich; другія изданія указаны Лавровымъ въ статьѣ „Свв. Кириллъ и Меѳодій...", въ „Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ" (подъ ред. Виноградова) вып. 2 гдѣ данъ русскій переводъ житій, а также въ предисловіи къ его собственному изданію житія Меѳодія 1898 г. (въ Чтеніяхъ въ И. О. И. и Др. Р. 1899 г.); ср. еще изданіе житій въ книгѣ Пастрнека Dějiny slovanských apoštolů Cyrila a Methoda, 1902, Praha, гдѣ текстъ ихъ данъ въ искусственно-архаизированной формѣ (ср. Ж. М. Н. Пр. 1902 г., № 8, 454 и сл.). Изъ новой литературы житій ср. Вондрака (Vondrák) Studie z oboru církevněslovanského písemnictví, Ламанскаго „Славянское житіе св. Кирилла..." въ Ж. М. Н. Пр, 1903, Лаврова „Die neuesten Forschungen..." Arch. XXII, 1905, Голубинскаго въ Изв. XII 2, 368—80.

Изъ общихъ пособій по кирилломеѳодіевскому вопросу кромѣ отмѣченныхъ выше работъ Воронова и Пастрнека,—изъ старыхъ—Малышевскаго (свв. Кириллъ и Меѳодій, 1885 г.), Голубинскаго (Святые Константинъ и Меѳодій... 1885 г.), Гетца (Goetz) Geschichte der Slawenapostel... 1897, Ягича (Jagić) Zur Entstehungsgeschichte der kirchen-slavischen Sprache, 1900: Denkschriften d. Kais. Ak. d. W. in Wien, ph.-hist. Cl. B. XLVII.

III. Въ 863 году къ императору византійскому Михаилу II явилось посольство отъ моравскаго князя Ростислава: по словамъ житія Константина,—съ просьбой прислать ему такихъ учителей, которые бы научили его народъ христіанской вѣрѣ на его родномъ языкѣ; мораване въ это время не были уже язычниками, но, будучи обращены въ хри-

стіанство латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, имѣли богослуженіе на латинскомъ языкѣ.

Если мысль, дать народу богослуженіе и христіанскую проповѣдь на понятномъ ему языкѣ, организовать національную церковь, дѣйствительно принадлежала Ростиславу, то она была не безъ связи съ его желаніемъ уничтожить церковную зависимость Моравіи отъ нѣмецкаго епископа и его политическими планами. Впрочемъ, возможно, что мысль о словянскомъ богослуженіи, вопреки разсказу житія, не принадлежала Ростиславу, и посольство его имѣло цѣлью лишь заключить политическій и церковный союзъ съ Византіей, въ противовѣсъ такому же союзу нѣмцевъ съ Болгаріей. Ср. Златарскій «Извѣстията за българитѣ»... Сб. Н. У. XXIV, 58 и сл.; ср. Изв. XII, 2 кн. 375—6.

Моравская миссія была предложена братьямъ Константину и Меѳодію. Сыновья знатнаго греческаго вельможи, Константинъ и Меѳодій были уроженцы города Солуня, который въ ту эпоху былъ окруженъ словянскими поселеніями; житіе Меѳодія влагаетъ въ уста императора Михаила слѣдующія слова, обращенныя къ братьямъ: «вы оба—солуняне, а солуняне всѣ говорятъ хорошо по словянски». (вꙑ бо юста селоунѧнина ·да селоунѧне вьси чисто словѣньскꙑ бесѣдоують: изд. Лаврова).

Руководящая роль въ миссіи принадлежала младшему брату Константину, который, принадлежа къ духовному сословію, въ то же время извѣстенъ былъ въ моментъ прибытія моравскаго посольства своею ученостью.

Предъ отправленіемъ въ Моравію, Константинъ, по свидѣтельству его житія, «сꙑложи писмена», т. е. составилъ словянскую азбуку и началъ переводъ евангелія-апракосъ: начеть бесѣдоу писати ювангельскоу· испрьва бѣ слово и т. д.; именно этими словами,—чтеніемъ изъ св. Іоанна I, 1—25, начинается неполное евангеліе т. е. сборникъ евангельскихъ чтеній, употребляемыхъ на богослуженіи въ воскресные и праздничные дни.

Прибывъ въ Моравію, братья работали здѣсь надъ организаціей моравской церкви болѣе 3 лѣтъ, по сообщенію житія Константина,—40 мѣсяцевъ. Эта работа состояла, конечно, главнымъ образомъ въ словянскомъ переводѣ богослужебныхъ книгъ и въ подготовкѣ учениковъ, которые должны были дать первый кадръ служителей національной церкви—словянскихъ священниковъ и прочихъ лицъ духовнаго званія; для этого имъ приходилось, конечно, обучать словянскому чтенію и письму, равно какъ и церковному пѣнію, пріемамъ богослуженія и, быть можетъ, также иконописи.

Послѣ этой трехлѣтней работы братья должны были въ силу историческихъ обстоятельствъ отправиться въ Римъ: ихъ организаціонная дѣятельность въ Моравіи была, такъ или иначе, вмѣшательствомъ въ

сферу вліянія римской церкви, и по желанію ли папы, или князя, или наконецъ по собственному почину,—имъ приходилось дать отчетъ въ этой дѣятельности римскому престолу.

По дорогѣ въ Римъ Константинъ посѣтилъ словянское княжество Коцела на Блатенскомъ озерѣ, въ исторической Панноніи (между верхнимъ Дунаемъ, Дравой и Муромъ) и организовалъ здѣсь также славянскую церковь: **приѥть же и идоущь Коцьль кнѧзь панонькскыи, и вьзлюбль вельми словѣнькскы книгы наоучити сѧ имь вьда до ·н· оученикъ оучити сѧ имь** (житіе Константина, XV); по національности подданныхъ Коцела, давшаго Константину 50 (·н·) учениковъ, должно опредѣлить, какъ словинцевъ.

Путешествіе братьевъ въ Римъ, по разсказу житія, было удачно: словянская литургія была признана папой, и ученики Константина были посвящены въ священники, вмѣстѣ съ ними и Меѳодій. Однако Константинъ въ Римѣ заболѣлъ, принялъ монашество подъ именемъ Кирилла и умеръ въ 869 году. Меѳодій же возвратился сперва въ Паннонію: житіе его разсказываетъ, что объ этомъ Коцелъ хлопоталъ у папы; затѣмъ онъ попадаетъ въ руки архіепископа Зальцбургскаго Адалвина и епископа Фрейзингенскаго Германриха, которые заключаютъ его въ тюрьму; отсюда онъ освобождается лишь чрезъ 3 года—въ 873 году по настояніямъ папы и снова является въ Моравію, гдѣ между тѣмъ обстоятельства существенно измѣнились: Ростислава смѣнилъ на моравскомъ престолѣ его племянникъ Святополкъ, не раздѣлявшій симпатій своего предшественника къ словянской церкви. Меѳодію приходится бороться съ нѣмецкимъ духовенствомъ до самой смерти—въ 885 г.

Послѣ смерти Меѳодія его ученики, представители словянской церкви въ Моравіи, изгоняются Святополкомъ, словянская литургія исчезаетъ въ Моравіи и Панноніи и переносится учениками Константина и Меѳодія въ Болгарію; здѣсь переписываются кирилломеѳодіевскіе оригиналы богослужебныхъ книгъ, и въ то же время продолжается литературная—переводческая дѣятельность.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что занятые довольно сложнымъ дѣломъ организаціи словянской церкви въ Моравіи и Панноніи Константинъ и Меѳодій не могли перевести на словянскій языкъ всего Священнаго Писанія.

Житіе Меѳодія разсказываетъ, что Меѳодій вмѣстѣ съ братомъ перевелъ Евангеліе, Псалтырь, Апостолъ и **избьраныѩ слоужьбы цръкъвьныѩ**, а самъ онъ съ помощью двухъ священниковъ-борзописцевъ перевелъ въ 6 мѣсяцевъ весь Ветхій Завѣтъ, за исключеніемъ книги Маккавеевъ; послѣднее извѣстіе можно признать вѣроятнымъ развѣ въ томъ смыслѣ, что ими былъ переведенъ лишь сборникъ ветхозавѣтныхъ чтеній, необходимыхъ для богослуженія т. е. Паремейникъ; и дѣйствительно, дошед-

шіе до насъ древніе списки Паремейника, напр. Паремейникъ Григоровича, изданный Брандтомъ, обнаруживаютъ въ общемъ тотъ-же подборъ формъ и словарнаго матеріала, что и древнѣйшіе списки Евангелія и Апостола; но того же самаго нельзя сказать о дошедшемъ до насъ полномъ переводѣ отдѣльныхъ частей Ветхаго Завѣта. (Иначе Лавровъ Изв. VI, кн. 1, 268 и сл.).

Такимъ образомъ, оставался просторъ для переводческой дѣятельности учениковъ словянскихъ первоучителей на новой исторической аренѣ—въ Болгаріи. Эпохой расцвѣта на этой новой аренѣ древнецерковнословянской письменности было царствованіе болгарскаго царя Симеона (893—927 г.), которое называется золотымъ вѣкомъ болгарской литературы.

IV. Краткій исторический очеркъ возникновенія словянской письменности, данный выше, въ извѣстной мѣрѣ уже выяснилъ значеніе термина *древне-церковно-словянскій.* Подъ этимъ терминомъ разумѣется древнѣйшій литературный языкъ словянскаго племени, языкъ перваго словянскаго перевода Священнаго Писанія, совершеннаго Константиномъ и Меѳодіемъ во 2-й половинѣ IX вѣка.

Этотъ языкъ легъ въ основу церковнаго и шире-литературнаго языка не одного словянскаго народа: отъ болгаръ словянскія богослужебныя книги, написанныя этимъ языкомъ, перешли къ сербамъ и русскимъ; сербскіе и русскіе писцы, переписывая древніе церковно-словянскіе оригиналы, вносили въ работу черты своего живого—народнаго языка, и съ теченіемъ времени получился особый церковный языкъ у русскихъ:—русскій типъ церковно-словянскаго языка и особый церковный языкъ у сербовъ:—сербскій типъ церковно-словянскаго языка; точно такъ же и на болгарской почвѣ древній церковно-словянскій языкъ не оставался неизмѣннымъ: болгарскій языкъ переживалъ новыя явленія въ области звуковъ и въ области формъ, и эти измѣненія новыми пластами ложились на древнюю систему звуковъ и формъ языка словянскихъ первоучителей.

Въ отличіе отъ такого церковно-словянскаго языка новаго типа—болгарскаго, сербскаго, русскаго,—предметъ этой книги и называется *древне-церковно-словянскимъ.* Задача ея, задача грамматики древне-церковно-словянскаго языка,—охарактеризовать и освѣтить научно, исторически литературный языкъ словянъ, какимъ онъ былъ въ первый періодъ своего существованія.

Однако данное разъясненіе предмета не вполнѣ еще его опредѣляетъ. Остается вопросъ о народности древне-церковно-словянскаго языка, такъ-какъ единый словянскій языкъ въ IX вѣкѣ давно уже не существовалъ, а были на лицо, каждый со своими особенностями, отдѣльные словянскіе языки: русскій, болгарскій, словинскій, чешскій и т. д.

Всякій литературный языкъ въ извѣстной мѣрѣ искусственен.

Въ извѣстной степени искусственнымъ можно признать и древне-церковно-словянскій языкъ; если онъ не былъ чехо-моравскимъ, то играя роль органа церковной и литературной жизни, онъ долженъ былъ принять нѣкоторый отпечатокъ мѣстныхъ условій, отпечатокъ окружающей жизни въ формѣ моравскихъ словъ или укоренившейся здѣсь уже раньше церковной терминологіи латино-нѣмецкаго происхожденія.

Тѣмъ не менѣе въ его основѣ, какъ въ основѣ всякаго литературнаго языка, конечно, лежалъ вародный языкъ, лежало одно изъ живыхъ словянскихъ нарѣчій второй половины IX вѣка.

Какое же изъ нарѣчій IX вѣка лежало въ основѣ литературнаго языка Константина и Меѳодія, какова народность этого языка?

Въ настоящее время на вопросъ этотъ можетъ быть только одинъ, и вполнѣ увѣренный, отвѣтъ. Однако отвѣтъ этотъ признанъ всѣми лишь въ недавнее сравнительно время, и вопросъ о родинѣ или народности древне-церковно-словянскаго языка имѣетъ за собой длинную и сложную исторію.

Чтобы отвѣтить на него, примемъ прежде всего во вниманіе нѣкоторые историческіе моменты, уже отмѣченные въ приведенномъ выше очеркѣ дѣятельности Константина и Меѳодія.

Какъ мы видѣли выше, Константинъ уже до отправленія въ западнословянскія области началъ переводить Евангеліе на словянскій языкъ; ни съ языкомъ Моравіи, ни съ языкомъ Панноніи онъ не былъ въ это время знакомъ. Очевидно, если вѣрить сообщенію житія, языкъ перевода былъ тѣмъ языкомъ солунскихъ словянъ, который былъ Константину знакомъ съ дѣтства, какъ солунянину. Это былъ языкъ той словянской вѣтви, которая въ настоящее время извѣстна подъ именемъ болгаръ.

Во всякомъ случаѣ языкъ церковно-словянскій не есть языкъ чехо-моравскаго племени, такъ-какъ его звуковыя и формальныя особенности, насколько онѣ отражаются въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ, совершенно не совпадаютъ съ особенностями, съ основными чертами чехо-моравскаго языка.

Остается еще одна возможность: что Константинъ и Меѳодій положили въ основу своего литературнаго языка нарѣчіе паннонскихъ словянъ. Однако такое предположеніе исторически невѣроятно: мы видѣли, что первые 3 года своей миссіи солунскіе братья посвятили Моравіи, и только чрезъ 40 мѣсяцевъ, когда необходимыя на первыхъ порахъ богослужебныя книги были переведены, по дорогѣ въ Римъ посѣтили Паннонію.

Ясно, что историческія соображенія, если не прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ и необоснованнымъ предположеніямъ, вродѣ того,

что княжество Ростислава въ IX вѣкѣ было населено не моравaнами, а тѣми же словинцами, что и Паннонія (см. ниже примѣч.),—прямо указываютъ на словянское нарѣчіе окрестностей Солуня, какъ на народную основу церковно-словянскаго языка.

Къ тому же выводу приводятъ изслѣдователя и соображенія чисто языкового характера. Одна изъ самыхъ характерныхъ звуковыхъ чертъ церковно-словянскаго языка, какъ онъ рисуется намъ по древнѣйшимъ памятникамъ, это—сочетанія **шт** и **жд** на мѣстѣ прасловянскихъ tj, dj и kt, gt въ положеніи предъ палатальными гласными: ц.-с. **ношть, межда, свѣшта, рождьство**; въ русскомъ мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ *ч* и *ж*: *ночь, межа, свѣча, рожество* (*рождество*—церковная форма). Эти сочетанія **шт, жд** въ соотвѣтствіи съ прасл. tj, dj, kt, gt—въ то же время служатъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ болгарскаго языка, тогда какъ въ словинскомъ языкѣ на мѣстѣ указанныхъ прасловянскихъ сочетаній находимъ звуки č (ч) и j; въ древнѣйшемъ памятникѣ словинскаго языка,—такъ называемыхъ Фрейзингенскихъ отрывкахъ,—на мѣстѣ прасл. tj находимъ звукъ, выражаемый латинской буквой c или k (напр. uzemogoki=ц.-сл. **въсемогѫшти**).

Другія звуковыя черты церковно-словянскаго языка также вполнѣ совпадаютъ съ діалектическими чертами болгарскаго языка; такъ буква ѣ, какъ мы увидимъ ниже, въ говорѣ Кирилла и Меѳодія произносилась вѣроятнѣе всего, какъ широкое ä, звукъ близкій на слухъ къ звуку ꙗ (я); такое произношеніе ѣ мы находимъ и нынѣ въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ, какъ указалъ въ 1896 г. Облакъ.

Примѣчаніе. Такъ произносится ѣ въ говорѣ Сухо: ср. Macedonische Studien Облака, 25 с.

Звукъ dz, слитный согласный, для котораго въ церковно-словянской азбукѣ существуетъ особая буква, отличающая его отъ простого зубного z,—также извѣстенъ до сихъ поръ македонскимъ говорамъ.

Примѣчаніе. Macedonische Studien, 51 с.

Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія языковой вопросъ о родинѣ или, иначе говоря, народности церковно-словянскаго языка можетъ быть рѣшаемъ только въ пользу болгаро-македонскаго нарѣчія.

Примѣчаніе. Вопросъ о родинѣ или народности церковно-словянскаго языка былъ поставленъ въ наукѣ словянской филологіи при ея зарожденіи. Основатель этой науки, Добровскій, отвѣчалъ на него въ сущности такъ же, какъ и мы въ настоящее время, хотя и не могъ обосновать своего отвѣта, какъ твердое научное положеніе. Для Добровскаго церковно-словянскій языкъ былъ языкъ „несмѣшанный болгаро-сербо-македонскій“;—формула, которая находитъ себѣ объясненіе въ тогдашнемъ состояніи словянской этнографіи: болгаръ и сербовъ еще не различали, и терминъ „сербы“ обозначалъ въ то время всѣхъ

словянъ къ югу отъ Дуная. Неопредѣленность приведенной формулы Добровскаго искупается его основнымъ соображенiемъ при рѣшенiи даннаго вопроса: основатель славистики указываетъ на то обстоятельство, что Константинъ и Меѳодiй были уроженцы полугреческаго—полусловянскаго города Солуня; слѣдовательно, заключаетъ Добровскiй, ихъ словянская рѣчь была скорѣе всего языкомъ словянъ, жившихъ вблизи Солуня.

Эта вѣрная точка зрѣнiя Добровскаго не нашла однако столь горячихъ послѣдователей и защитниковъ, какъ иная теорiя: паннонскаго, т. е. словинскаго, происхожденiя церковно-словянскаго языка,—теорiя, долгое время едва ли не господствовавшая въ наукѣ благодаря тому, что защитниками ея являлись такiе крупные слависты, какъ Копитаръ и Миклошичъ.

Уже Копитаръ въ обоснованiе этой теорiи ссылался на тотъ историческiй фактъ, что Паннонiя или княжество Коцела входила въ епархiю словянскихъ первоучителей; въ то же время онъ подчеркивалъ присутствiе въ церковно-словянскомъ языкѣ словъ западнаго, латино-нѣмецкаго происхожденiя, какъ-то: олтарь, цѣсарь, оцьтъ, (лат. acetum), постъ(др.-верхне-нѣм. fasta), попъ (др.-врх.-нѣм. pfaffo).

Эти слова въ составѣ церковно-словянскаго языка были въ глазахъ Копитара яснымъ указанiемъ, что языкъ этотъ принадлежалъ народу, жившему вблизи латино-германскаго мiра, находившемуся въ сферѣ его влiянiя. Такимъ народомъ могли быть жители Паннонiи, но не болгарскiе словяне.

Теорiю Копитара развилъ Миклошичъ, присоединивъ къ указанiямъ своего учителя новые аргументы.

Эти аргументы съ одной стороны имѣли въ виду доказать невозможность болгаризма церковно-словянскаго языка, а съ другой—возможность его паннонскаго происхожденiя. Миклошичъ указывалъ на то, что въ церковно-словянскомъ языкѣ ъ и ь измѣнились въ *о* и *е*: сонъ (изъ сънъ), день (изъ дьнь), тогда какъ въ болгарскомъ находимъ глухой ъ на мѣстѣ стараго ъ и ь: мъглъ' (церк.-сл. мьгла), стъ'клън (ср. ц.-сл. стькльникъ, стькленъ), сън (цер.-сл. сънъ, въ памятникахъ также въ формѣ сонъ).

Различiе между церковно-словянскимъ и болгарскимъ Миклошичъ видитъ и въ рефлексахъ праcловянскихъ носовыхъ гласныхъ; въ церковно-словянскомъ они сохранялись, какъ носовые гласные (ѫ, ѧ), тогда какъ въ болгарскомъ носовыхъ гласныхъ не находимъ. Наконецъ, въ соотвѣтствiи церковно-словянскимъ звуковымъ сочетанiямъ шт, жд, — указывалъ Миклошичъ, — въ македонскихъ говорахъ, къ числу которыхъ относился говоръ солунскихъ братьевъ, находимъ смягченныя к', ч', г', д'.

Въ то же время Миклошичъ приписывалъ языку былого населенiя Паннонiи и церковно-словянское шт, жд, и носовые, хотя современный словинскiй языкъ не имѣетъ первыхъ, а вторые не оставили никакихъ слѣдовъ въ большинствѣ словинскихъ говоровъ. Въ данномъ случаѣ Миклошичъ опирался на языкъ нынѣшняго населенiя Паннонiи,—мадьярскiй (венгерскiй), въ которомъ находимъ заимствованныя изъ словянскаго слова со слѣдами былыхъ носовыхъ гласныхъ и сочетанiй št, žd (шт, жд): galamb (ц.-сл. голѫбь), rend (ц.-сл. рѧдъ), pentek (ц.-сл. пѧтъкъ), Pest (произносится, какъ pešt т. е. Пешт, названiе города; ц.-сл. пешть, русск. *печь*), roszda (произносится, какъ rožda, ц.-сл. рождие, производное отъ розга).

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ Шафарикъ, первоначально бывшій сторонникомъ болгаризма церковно-словянскаго языка, а позже примкнувшій къ Миклошичу, присоеднилъ еще одно указаніе: въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянскаго языка онъ находилъ цѣлый рядъ такихъ словъ, которыя въ настоящее время встрѣчаются лишь въ языкѣ словинскомъ, въ чешскомъ, да въ нарѣчіи хорватскаго Приморья, жители котораго представляютъ потомковъ паннонскаго населенія, бѣжавшаго сюда послѣ нашествія мадьяръ. Слова эти, на которыя ссылался Шафарикъ, слѣдующія: локва (дождь), отълѣкы (остатокъ), рѣснота (истина), балии (врачъ), натроути (напитать), ашоуть (напрасно), ближика (родственникъ), братръ (братъ), година (часъ), отокъ (островъ), спыти (напрасно), крижь (крестъ), кмотръ (кумъ) и др.: изъ нихъ hodina, bratr, kmotr—находимъ и нынѣ въ чешскомъ языкѣ; братръ встрѣчаемъ также въ древнѣйшемъ словинскомъ памятникѣ—Фрейзингенскихъ отрывкахъ; спыти—также содержится въ чешскомъ имени Spytihněv; выраженію ашоуть соотвѣтствуетъ др.-чеш. ješutný, локва часто встрѣчается, какъ названіе мѣста и озера, въ Хорватіи и Крайнѣ, отокъ находимъ у словинцевъ и жителей Приморья; рѣснота—въ словинскомъ.

Въ древнѣйшихъ церковно-словянскихъ текстахъ употребляются прилагательныя небесьскъ, земьскъ, а не небесьнъ, земьнъ, и эти образованія помощью суффикса—ьskъ и до сихъ поръ преобладаютъ у словинцевъ, хорватъ и чеховъ (напр. чешск. nebeský, zemský).

Аргументація паннонистовъ была бы неполна и даже теряла бы все свое значеніе, если бы они помимо всего вышеуказаннаго не отвѣтили на одинъ, весьма существенный, вопросъ: какъ могли солунскіе братья переводить богослужебныя книги на языкъ словинскаго населенія Паннонiи для моравань, среди которыхъ они провели первые 3 года слишкомъ своей миссіи?

Это существенное препятствіе для паннонской теоріи должна была устранить гипотеза нѣмецкаго историка Дюммлера, что въ эпоху Кирилла и Меѳодія не только Паннонія, но и противоположный, лѣвый берегъ Дуная былъ занятъ предками словинцевъ, что нынѣшнее населеніе этой мѣстности, чехо-моравское, пришло сюда позже

Эту гипотезу Миклошичъ стремился поддержать слѣдующими указаніями: въ латинскихъ источникахъ X вѣка встрѣчается имя моравскаго князя Zuentibaldus, первая часть котораго (словянское svętъ—свѧтъ) указываетъ на сохраненіе въ ту эпоху въ языкѣ моравскихъ словянъ носовыхъ, тогда какъ въ чехо-моравскомъ носовыхъ не находимъ (svatý=svętъ). Отсюда выводъ: въ Моравіи въ X в. жили не чехо-мораване. Второй аргументъ: словаки, живущіе къ востоку отъ моравань въ сѣверной Венгріи, и нынѣ называютъ свою страну Slovensko, а свой языкъ—slovenský.

Таковы доказательства, приводившіяся паннонистами въ пользу своей теоріи. Историческая гипотеза Дюммлера, мадьярскія заимствованныя слова, да невѣрныя ссылки на болгарскій языкъ были главными основаніями паннонской теоріи.

По мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ изученіе болгарскаго языка, теорія эта теряла подъ собой твердую почву, причемъ особыя заслуги въ дѣлѣ этого изученія принадлежатъ Облаку, родомъ словинцу, какъ и Копитаръ и

Миклошичъ. Послѣ появленія его изслѣдованія о македонскихъ говорахъ (Macedonische Studien 1896 г.) кредитъ паннонской теоріи былъ окончательно подорванъ.

Начать съ того, что историческая гипотеза Дюммлера не имѣетъ за собой ни одного серьезнаго основанія: если чешскій языкъ въ настоящее время не имѣетъ носовыхъ гласныхъ, то ихъ не имѣетъ въ большинствѣ своихъ говоровъ и словинскій; уже въ древнѣйшемъ памятникѣ словинскаго языка находимъ: zodni=сѫдьнꙑи ze=сѧ, zueti=свѧтꙑи и т. п.; и въ древнѣйшую эпоху—въ IX—X вв. чешскій языкъ въ такой же мѣрѣ могъ знать носовые гласные, въ какой и словинскій. Что касается имени slověnsko у словаковъ, то это — фактъ повторенія въ различныхъ уголкахъ славянскаго міра общаго имени словянъ, ровно ничего не говорящій; иного пониманія этого факта и быть не можетъ, такъ-какъ языкъ словаковъ вовсе не обнаруживаетъ близости къ словинскому языку, а представляетъ скорѣе переходъ отъ чехо-моравскаго къ малорусскому и польскому.

Подобно исторической гипотезѣ Дюммлера и всѣ остальныя основанія паннонской теоріи оказываются въ настоящее время несостоятельными.

Мнимыя различія между церковно-славянскимъ и болгарскимъ языками, указанныя Миклошичемъ, въ дѣйствительности не существуютъ: западно-болгарскіе говоры имѣютъ такой же переходъ ъ въ *о* (*сон*) и ь въ *е* (*ден*), какъ и церковно-славянскіе памятники; въ восточно-болгарскихъ говорахъ слѣды стараго различія между ъ и ь также сохранились: *сън* и *ден*; между тѣмъ въ словинскомъ всюду ъ и ь совпали въ одномъ звукѣ *е* и *а*, съ различіемъ по говорамъ: san и dan или же sen и den. Слѣды того, что македонскіе говоры, какъ и нѣкоторые восточно-болгарскіе, имѣли въ древности носовые, сохранились и до сихъ поръ: Облакъ отмѣчаетъ въ македонскомъ говорѣ Сухо слоговые m̥, n̥ на мѣстѣ церковно-славянскихъ носовыхъ: zm̥p (зѫбъ), gm̥ba (гѫба), grn̥d'ä (грѫдь), rn̥ka (рѫка) и т. п.; въ говорахъ. расположенныхъ на сѣверъ отъ Солуня: zъmba (зѫбъ). Maced. Stud. 19, 21 с.с. Наконецъ, тѣ же македонскіе говоры имѣютъ шт и жд на мѣстѣ церковно-славянскихъ шт и жд ib. 123, 124, 125 с.с.

Въ то же время ссылки паннонистовъ 1) на церковно-славянскую терминологію латино-нѣмецкаго происхожденія, 2) на церковно-славянскія слова-параллели которымъ находятся въ словинскомъ, чешскомъ и хорватскомъ, и 3) на мадьярскія слова, заимствованныя изъ славянскаго, съ группами št (шт) и žd (жд) и слѣдами носовыхъ,—такъ же ничего не доказываютъ.

Церковно-славянскій языкъ — есть языкъ литературный и потому въ извѣстномъ смыслѣ искусственный; никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что нашъ русскій литературный языкъ въ своей основѣ есть нарѣчіе великорусское, а не малорусское и не бѣлорусское; однако въ немъ можно найти и слова малорусскаго происхожденія, можно найти и слова латинскія, французскія, нѣмецкія. Наличность въ церковно-славянскомъ языкѣ западной церковной терминологіи вполнѣ понятна: солунскіе братья, прибывъ въ Моравію, нашли здѣсь населеніе, уже привыкшее къ извѣстной церковной терминологіи, къ словамъ олтарь, оцьтъ, попъ и т. п.; эта терминологія. естественно, вошла и въ церковный славянскій языкъ, славянскій переводъ Писанія, законченный въ Моравіи. Точно такъ же понятно проникновеніе въ этотъ языкъ отдѣльныхъ выраженій западно-славянскаго характера; народная основа церковно-славянскаго языка, особенно звуковая, тѣмъ не менѣе остается болгарской.

Къ этому можно присоединить еще одно замѣчаніе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова, принимаемыя за исключительно свойственныя словинскому, хорватскому или чешскому языку, могли быть извѣстны и болгарскимъ говорамъ: такъ, слово сокачии (поваръ), которое раньше считали „паннонизмомъ“, встрѣчается въ юго-западныхъ болгарскихъ говорахъ, ср. Цоневъ. Сборникъ Н. У. XVIII, 359 с.

Мадьярскія слова, заимствованныя изъ словянскаго, со слѣдами носовыхъ и сочетаніями Št, Žd, конечно—фактъ безспорный: но чѣмъ можно доказать, что слова эти заимствованы мадьярами именно изъ словинскаго? и если словинскому языку были свойственны въ древности сочетанія Št ,Žd изъ праславянскихъ tj, dj, то какъ объяснить ихъ измѣненіе въ современные словинскіе č и j? Историческіе источники передаютъ, что передъ самымъ пришествіемъ мадьяръ территоріей между Дунаемъ и Тиссой владѣли болгаре; очевидно мадьяре заимствовали слова съ Št, Žd еще раньше прибытія своего въ Паннонію именно отъ болгаръ: ядро мадьярскаго народа первоначально находилось именно между Дунаемъ и Тиссой; соприкосновеніе мадьяръ съ болгарскими словянами предъ приходомъ въ Паннонію не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію. Ср. Ягичъ, Zur Entstehungsgeschichte, 35 с.

Нелишне отмѣтить, что при обычномъ Št въ мадьярскихъ заимствованныхъ словахъ, въ которыхъ отразилось праславянское сочетаніе tj, есть случаи, когда вмѣсто Št имѣется č (ч): lencse = ц.-сл. лѧшта (чечевица), szerencse = ц.-сл. сърѧшта. Такую двойственность въ передачѣ словянскаго tj : Št и č нѣкоторые изслѣдователи были склонны понимать въ томъ смыслѣ, что заимствованія съ Št на мѣстѣ праславянскаго tj—получены мадьярскимъ языкомъ отъ словянъ болгарскихъ, заимствованія же съ č—позже отъ словинцевъ Панноніи: Ягичъ, Облакъ, Вондракъ. Однако эта точка зрѣнія на мадьярское lencse, szerencse, подвергнутая подробному критическому разсмотрѣнію мадьярскимъ славистомъ Ашботомъ, должна быть отвергнута: какъ объясняетъ Ашботъ, эти слова съ č—результатъ простого звукового измѣненія на мадьярской почвѣ: сърѧшта дало szerenste т. е. serenšte и затѣмъ въ въ силу перестановки согласныхъ szerentse т. е. serentše или по современному правописанію szerencse (cs = č); такъ же lenste дало lentše (или lencse).

Причину звукоизмѣненія Ашботъ видитъ въ положеніи Št послѣ согласнаго: „st (т. е. Št, шт) послѣ согласныхъ и въ началѣ слога было трудно произносимо для органовъ венгерскаго языка“. Изв. VII т. (1902) 4 кн. 249 и сл.

Нами разсмотрѣны всѣ болѣе или менѣе существенныя указанія теоріи паннонизма. Въ результатѣ всего, что выше сказано по вопросу о народности церковно-славянскаго языка, можно твердо установить положеніе о его болгаро-македонскомъ происхожденіи.

Въ послѣднее время сдѣлано еще одно указаніе, подтверждающее болгаро-македонскую теорію,—Фасмеромъ: нѣкоторыя церковно-славянскія слова греческаго происхожденія являются въ памятникахъ въ такой формѣ, которая свидѣтельствуетъ не о книжномъ ихъ проникновеніи въ церковно-славянскій языкъ, а о непосредственномъ переходѣ изъ устъ народа; такъ ц.-сл. сѫбота съ носовымъ соотвѣтствуетъ не греческому литературному σάββατον (лат. sabbata, нѣм. Sabbat, ср. польск. sobota), а народному σάμβατον греческихъ говоровъ и современному македонскому *съмбота*; ц.-сл. крекато соотвѣтствуетъ не ли-

тературному κράββατος, а народному греческому κρέββατα (ср. серб. крѐвет, по русски кровать); ц.-сл. **параскевгиꙗ**, **левгиꙗ**, **левгитъ** соотвѣтствуетъ не литературному παρασκευή, λευείτης, а народнымъ греческимъ παρασκευγή, λευγίτης, ср. Изв. XI (1906), 2 кн. 388 с.

Ср. по вопросу о народности древне церковно-словянскаго языка Jagić Zur Entstehungsgeschichte.... и обширный рефератъ объ этой книгѣ Лаврова Изв. 1901 г. № 1, 242—324 с.с.

V. Итакъ, древне-церковно-словянскій языкъ есть литературный языкъ, въ основѣ котораго лежитъ живое народное нарѣчіе македонскихъ словянъ второй половины IX столѣтія.

Его значеніе въ наукѣ словянскаго языкознанія опредѣляется его давностью: ни одинъ изъ словянскихъ языковъ, ни одно изъ словянскихъ нарѣчій не было фиксировано письменностью столь рано; такъ, черты русскаго народнаго языка отражаются письменностью впервые со 2-й половины XI вѣка, притомъ отражаются робко—въ памятникахъ, представляющихъ копію съ церковно-словянскихъ текстовъ; сербскихъ памятниковъ—нѣтъ древнѣе XII вѣка, чешскихъ—нѣтъ древнѣе XIII, польскихъ—древнѣе XIV ст. Очень важно знать, какой видъ имѣла система звуковъ и формъ хотя бы одного словянскаго нарѣчія въ эпоху, болѣе раннюю: по аналогіи можно судить и о болѣе древней стадіи въ развитіи русскаго и другихъ словянскихъ языковъ; легче составить себѣ приблизительное представленіе и о системѣ звуковъ и формъ прасловянскаго языка, имѣя подъ руками факты, относящіеся къ эпохѣ IX—X вѣковъ, чѣмъ по матеріаламъ XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ. Должно оговориться: кирилломеѳодіевскихъ оригиналовъ мы не имѣемъ,—они не дошли до насъ; древнѣйшіе памятники церковно-словянскаго языка, которые имѣются,—XI вѣка, самое раннее конца X вѣка; тѣмъ не менѣе и эти памятники, какъ копіи съ болѣе раннихъ церковно-словянскихъ оригиналовъ, сохранили въ себѣ черты болѣе ранняго времени и позволяютъ, хотя бы отчасти, строить предположенія относительно говора, легшаго въ основу литературной работы солунскихъ братьевъ.

VI. Древнѣйшіе памятники церковно-словянской письменности, дошедшіе до насъ и являющіеся источниками для построенія грамматики древне-церковно-словянскаго языка, представляютъ оригинальное явленіе въ томъ отношеніи, что они писаны не одной, а двумя азбуками.

Одна изъ нихъ, такъ называемая кириллица, состоитъ изъ буквъ лежащихъ въ основѣ современнаго русскаго, сербскаго и болгарскаго шрифтовъ; другая, такъ называемая глаголица (терминъ довольно поздняго происхожденія), представляетъ иныя, болѣе вычурныя и на первый взглядъ неясныя по своему происхожденію начертанія.

Знаки той и другой азбуки находятся въ слѣдующемъ другъ къ другу соотвѣтствіи:

Глаголица:	Кириллица:	Глаголица:	Кириллица:	Глаголица:	Кириллица:
Ⰰ	а	Ⰿ	м	Ⱍ	ч
Ⰱ	б	Ⱀ	н	Ⱎ	ш
Ⰲ	в	Ⱁ	о	Ⱏ	ъ
Ⰳ	г	Ⱂ	п	Ⱐ	ь
Ⰴ	д	Ⱃ	р	ⰟⰊ	ъı
Ⰵ	є, ѥ	Ⱄ	с	Ⱑ	ѣ, ꙗ
Ⰶ	ж	Ⱅ	т	Ⱓ	ю
Ⰷ	ѕ	Ⱆ	оу	Ⱔ	ѧ
Ⰸ	з	Ⱇ	ф	Ⱘ	ѫ
Ⰺ, Ⰹ	і, ї	Ⱚ	ѳ	Ⱗ	ѩ
Ⰻ	и	Ⱈ	х	Ⱙ	ѭ
Ⰼ		Ⱉ	ѡ		ѯ
Ⰽ	к	Ⱋ	щ		ѱ
Ⰾ	л	Ⱌ	ц	Ⱛ	ѵ

Какъ видимъ, оба алфавита не совпадаютъ другъ съ другомъ вполнѣ: въ кириллицѣ есть особый знакъ для *е* нейотованнаго и особый—для *е* йотованнаго: є и ѥ; въ глаголицѣ тому и другому знаку соотвѣтствуетъ одно Ⰵ; кирилловскимъ двумъ знакамъ, обозначающимъ различные по происхожденію звуки, — ѣ и ꙗ, — соотвѣтствуетъ въ глаголицѣ одинъ знакъ — Ⱑ; кирилловскимъ двумъ знакамъ для одного звука, и и і, — въ глаголицѣ соотвѣтствуетъ 3 варіанта: Ⰻ, Ⰹ, Ⰺ; въ глаголицѣ есть особый знакъ Ⰼ, который обозначаетъ звукъ, соотвѣтствующій въ за-

имствованныхъ словахъ греческому мягкому г (напр. греч. ἄγγελος— слов. ангєлъ).

При наличности этихъ различій замѣчаются однако и сходныя черты между той и другой азбукой: звукъ у (латинская буква—u) и въ глаголицѣ, какъ въ кириллицѣ, передается знакомъ, который, повидимому, представляетъ двойное начертаніе; первая часть этого начертанія, несомнѣнно,— Ⰴ, т. е. О; знакъ для глухого шипящаго *ш*— въ обѣихъ азбукахъ одинъ—ш; знаки щ: въ кириллицѣ и соотвѣтствующій Ⱋ въ глаголицѣ очень сходны и даже тождественны по композиціи: кирилловское щ представляетъ слитное ш/т; глаголическое — слитное ш/ⱅ, съ упрощеніемъ нижней части; глаголическое *ы* представляетъ двойное начертаніе, состоящее изъ тѣхъ же частей, что и кирилловское (ъ и и или і).

Точно такъ-же можно указать на нѣкоторыя сходныя черты между глаголическимъ и кирилловскимъ письмомъ въ отношеніи надстрочныхъ знаковъ, напр. титлъ, т. е. знаковъ, обозначающихъ сокращеніе слова и имѣющихъ форму ⁻ ⁻ ⁻ ¨.

Отмѣченныя черты сходства между двумя словянскими алфавитами указываютъ на несомнѣнную историческую связь между ними, и вопросъ можетъ сводиться лишь къ тому, какого именно характера эта связь.

VII. Вопросъ объ условіяхъ появленія въ церковно-словянской письменности двухъ азбукъ, объ ихъ сравнительной древности и ихъ составителяхъ, равно—какъ и вопросъ объ источникахъ той изъ нихъ, которая называется глаголицей, долгое время былъ столь же крупнымъ и въ то-же время спорнымъ вопросомъ словянской филологіи,—сколько вопросъ о народности церковно-словянскаго языка. Въ настоящее время вопросъ этотъ рѣшается въ наукѣ въ томъ смыслѣ, что такъ-называемая глаголическая азбука древнѣе по своему происхожденію, чѣмъ кириллица, и что въ основѣ ея лежатъ знаки старой греческой скорописи. Какъ болѣе древняя, азбука эта имѣетъ болѣе правъ считаться первоначальнымъ орудіемъ кирилло-меѳодіевской письменности.

Бо́льшая древность глаголическаго письма явствуетъ уже изъ того, что ея система обозначенія звуковъ древне-церковно-словянскаго языка менѣе точна, менѣе совершенна, чѣмъ система кириллицы; въ ней нѣтъ еще особыхъ знаковъ для йотованныхъ гласныхъ јe (кирилловское ѥ) и јa (кирилловское ꙗ): первый обозначается нейотованнымъ є, второй—знакомъ ⰰ=ѣ.

Вполнѣ правдоподобно предположеніе Ягича, что первоначальная глаголическая графика, въ параллель одному Ⰵ=є и ѥ, имѣла одинъ знакъ для носового е: ⰵⱔ, все равно, было ли то ѧ или ѩ; ср. «Маріин-

ское Четвероевангеліе» 437 с. Знакъ же ꙿЄ въ роли ѧ, т. е. *е* носового нейотованнаго явился позже; сперва онъ былъ лишь обозначеніемъ носового характера гласнаго; ЭЄ обозначало носовое о, а ЭЄ — носовое е.

Далѣе, неоспоримымъ является тотъ фактъ, что древнѣйшіе *по языку* памятники древне-церковно-словянской письменности — суть памятники глаголическіе: языкъ Кіевскаго Миссала, языкъ Зографскаго Евангелія, несомнѣнно, древнѣе языка Саввиной книги или Супрасльской рукописи (ср. ниже).

Въ недавнее время открыта надпись кирилловская 993 года (см. ниже), но эта надпись не опровергаетъ только-что установленнаго положенія, имѣющаго притомъ отношеніе къ памятникамъ словянской литургической письменности. Если бы мы уравняли по палеографическимъ даннымъ старѣйшіе кирилловскіе памятники литургическаго характера съ надписью 993 года по древности, то Кіевскій Миссалъ и Зографское Евангеліе, памятники глаголическіе,—мы должны были бы по даннымъ языковымъ отодвинуть еще глубже въ древность на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ надобности: возможно, что кирилловское письмо впервые входило въ житейскій обиходъ, тогда какъ въ церковной письменности еще господствовала глаголица; поэтому столь ранній памятникъ кирилловскаго письма, какъ надпись 993 года, нисколько не подрываетъ положенія о большей древности глаголическаго алфавита.

Съ другой стороны, для настоящаго времени не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что основа глаголической азбуки—греческая, т. е. въ этомъ отношеніи глаголица подтверждаетъ тотъ же историко-культурный принципъ, что̀ и такъ-называемая кириллица: алфавиты заимствуются извѣстнымъ народомъ у другого, и именно у того, подъ общимъ культурнымъ вліяніемъ котораго онъ находится.

Мысль о греческой основѣ глаголицы очень стара: еще въ 1777 г. одинъ изъ піонеровъ славистики, Дурихъ, старался вывести фигуру глаголическаго н изъ греческаго *ν*.

Въ 1788 г. Лингартъ далъ первую таблицу, въ которой глаголица сопоставлялась съ греческимъ алфавитомъ.

Примѣчаніе. Дурихъ въ соч. «De slavo-bohemica sacri codicis versione». Лингартъ въ соч. «Versuch einer Geschichte von Krain», 347—357: указывая на сосѣдство южныхъ словянъ съ болѣе культурными греками, Лингартъ приписываетъ имъ заимствованіе греческаго алфавита, съ нѣкоторыми измѣненіями въ характерѣ буквъ («auf Hieroglyphen gewohnt, verzierten sie das Einfache der griechischen Züge auf eine geschmacklose Art, dass es schwer wurde, das Original an den sonderbaren Figuren zu erkennen»); Лингартъ сопоставлялъ

глаголическое є съ греч. ε; глагол. ѕ съ греч. ζ; глагол. і (ꙑ) съ греч. η; глаг. к съ греч. κ; глаг. л съ греч. λ; глаг. м съ греч. μ; глаг. н съ греч. ν; глагол. о съ греч. ο; глагол. п съ греч. π; глагол. р съ греч. ρ; глагол. с съ греч. σ; глагол. т съ греч. τ; глагол. оу съ греч. ου; глагол. ф съ греч. φ; глагол. х съ греч. χ; глагол. ѡ съ греч. ω.

Мысль Лингарта частично,—по отношенію къ отдѣльнымъ глаголическимъ буквамъ,—повторяется и позже,—у славистовъ Шафарика, Миклошича, Григоровича, у палеографа Ваттенбаха, но первая печатная попытка объяснить весь глаголическій алфавитъ изъ греческаго курсивнаго письма принадлежитъ Тейлору и относится къ 1880 году.

Примѣчаніе. Taylor, Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets, Arch. V, 191 с.

Дальнѣйшая разработка теоріи греческаго происхожденія глаголицы принадлежитъ Ягичу, который, соглашаясь вполнѣ съ Тейлоромъ въ основной точкѣ зрѣнія на глаголическій алфавитъ и отвергая наличность въ глаголицѣ какихъ бы то ни было другихъ—негреческихъ элементовъ, вноситъ въ теорію Тейлора рядъ поправокъ.

Примѣчаніе. Ягичъ, «Четыре критико-палеографическія статьи» 1884 г., статья 4. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. XXXIII.

И Тейлоръ, и Ягичъ сопоставляютъ глаголическія буквы со знаками греческой *скорописи*, тогда какъ такъ называемая кириллица основана на греческомъ уставномъ письмѣ.

Сопоставленіе глаголическихъ и греческихъ курсивныхъ буквъ, какъ оно дано у Ягича, см. на прилагаемой таблицѣ.

Какъ азбука болѣе древняя, чѣмъ кириллица, и такъ-же, какъ и послѣдняя, греческаго происхожденія, глаголица, естественно, можетъ быть усвоена Константину (Кириллу).

Было бы непонятно появленіе глаголицы въ Болгаріи, если предположить, что начало словянской письменности, положенное Константиномъ, было связано съ такъ-называемой кириллицей. Наоборотъ, вполнѣ естественно было вытѣсненіе вычурнаго и труднаго глаголическаго алфавита болѣе простой и удобной «кириллицей». Къ этому соображенію, прежде всего приходящему на мысль, можно присоединить и иныя. Древнѣйшій памятникъ церковно-словянскаго языка, Кіевскій Миссалъ,—писанъ глаголицей; представляя текстъ словянской обѣдни по западному, римско-католическому обряду, онъ во всякомъ случаѣ относится къ западно-словянскимъ областямъ, къ которымъ первоначально была пріурочена дѣятельность Первоучителей; слѣдовательно, онъ свидѣтельствуетъ, что въ этихъ областяхъ въ древнѣйшую эпоху органомъ письменности была глаголица, а не кириллица. Церковно-словянская письменность была перенесена изъ Моравіи также къ хорватамъ, и къ нимъ была принесена

именно глаголическая письменность, а не кирилловская, какъ свидѣтельствуютъ ихъ богослужебныя книги, напечатанныя глаголическимъ шрифтомъ и употребляющіяся и до сихъ поръ.

Примѣчаніе. Вопросъ о словянскихъ азбукахъ, подобно вопросу о народности церковно-словянскаго языка, ведетъ свое начало отъ первыхъ дней существованія славистики. Основатель ея, Добровскій, считалъ глаголицу очень позднимъ явленіемъ,—приблизительно XIV вѣка,—и относилъ возникновеніе ея къ Хорватіи: кирилловское письмо, какъ носившее ясный отпечатокъ Византіи, подвергалось гоненіямъ со стороны Рима; стремясь сохранить богослужебныя книги на родномъ языкѣ, хорваты придумали глаголицу. Такой взглядъ на глаголицу господствовалъ до 1836 года и вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнимъ научнымъ даннымъ: глаголическія рукописи древнѣе XIV вѣка и нехорватскія не были извѣстны. Раннимъ защитникамъ глаголицы, т. е. ея древности, какъ Добперу, приходилось оперировать въ своей аргументаціи апріорными соображеніями о грубости глаголическихъ начертаній, объ ихъ оригинальности, которая болѣе соотвѣтствуетъ древнимъ свидѣтельствамъ о *новыхъ* письменахъ, изобрѣтенныхъ Константиномъ.

Въ 1836 году впервые дана была реальная основа для мысли о высокой древности глаголицы открытіемъ и изданіемъ глаголической рукописи, извѣстной подъ именемъ Glagolita Clozianus (ср. ниже, въ главѣ объ источникахъ церк.-слов. грамматики).

Этотъ памятникъ, представлявшій глаголическое письмо болѣе округлой формы, нежели хорватское, своимъ языкомъ не оставлялъ сомнѣній въ извѣстности глаголицы *болгарамъ*, и притомъ въ очень древнюю эпоху. На основаніи показаній этого памятника издатель его, Копитаръ, выставилъ гипотезу бо́льшей древности глаголицы сравнительно съ «кириллицей», считая первую изобрѣтеніемъ Константина (Кирилла). Конечно, выводъ этотъ въ 1836 году не покрывался фактами. Но послѣдующія научныя открытія все болѣе и болѣе утверждали мысль Копитара. Въ 40-хъ годахъ русскій славистъ, В. И. Григоровичъ, вывезъ изъ своего путешествія на Аѳонъ и Балканскій полуостровъ цѣлый рядъ данныхъ по глаголическому вопросу; имъ были открыты: глаголическое четвероевангеліе Зографское, глаголическое евангеліе Маріинское, греческое житіе св. Климента, въ которомъ сообщалось, что св. Климентъ изобрѣлъ новую, «болѣе ясную» азбуку; кирилловскій памятникъ XIII вѣка (по Григоровичу XII)—такъ называемый Боянскій палимпсестъ, въ которомъ нѣкоторыя страницы писаны кириллицей, по словамъ Григоровича, поверхъ стертаго глаголическаго письма, и кирилловскій (Охридскій) апостолъ XII вѣка, въ которомъ отдѣльныя строки и отрывки писаны глаголицей.

Эти открытія подготовили новую точку зрѣнія на вопросъ о взаимномъ отношеніи глаголицы и кириллицы.

Въ 1855 году были открыты Пражскіе глаголическіе отрывки, съ чешскими чертами въ языкѣ, и этотъ памятникъ, древность котораго первоначально переоцѣнили, заставилъ Шафарика, когда-то примыкавшаго къ Добровскому во взглядѣ на глаголицу (Славянскія Древности 1826 г.) пересмотрѣть вопросъ. Результатомъ этого пересмотра были двѣ статьи Шафарика 1858 года—«Ueber d. Ursprung und die Heimath des Glagolitismus», въ которыхъ знаменитый славистъ выставилъ 3 положенія: 1) глаголица древнѣе кириллицы; 2) она есть

изобрѣтеніе Константина; 3) такъ называемая кириллица есть изобрѣтеніе Климента, ученика Первоучителей. Первое положеніе основывалось на большей древности языка (формъ, лексики «паннонскаго» характера) глаголическихъ памятниковъ сравнительно съ кирилловскими, а также на существованіи глаголическихъ палимпсестовъ (Боянское Еван.), доказывающихъ, что глаголица уже отжила свое, когда входила въ употребленіе кириллица. Изъ большей древности глаголицы сравнительно съ кириллицей Шафарикъ дѣлалъ заключеніе объ ея принадлежности Кириллу, указывая также на то, что древнѣйшіе остатки словянскаго письма у сѣверо-западныхъ словянъ, въ средѣ которыхъ работали свв. братья,—именно глаголическіе: пражскіе отрывки. Указывалъ онъ и на неестественность замѣны ясной и простой кириллицы вычурной глаголицей. Конечно, изъ этихъ 3 положеній Шафарика наиболѣе слабымъ было 3-е: оно основано было на показаніи довольно поздняго греческаго житія Климента объ изобрѣтеніи имъ «болѣе ясныхъ письменъ».

Но и первыя два положенія Шафарика встрѣчали затрудненія. Первое изъ нихъ заключалось въ ссылкѣ на имя кириллицы: это имя какъ будто бы опредѣляетъ ея происхожденіе. Это затрудненіе Шафарикъ устранялъ указаніемъ на возможность смѣшенія потомствомъ названій обѣихъ словянскихъ азбукъ; Шафарику удалось даже найти фактическое подтвержденіе такому допущенію: до насъ дошелъ поздній списокъ Пророковъ, представляющій копію текста, писаннаго въ Новгородѣ въ 1047 году; писецъ дошедшаго до насъ списка точно копируетъ запись своего оригинала 1047 г., въ которой писецъ попъ Упырь Лихой отмѣчаетъ, что писалъ «книгы сиѧ ис-коурилокицѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дошедшемъ до насъ спискѣ встрѣчаются еще глаголическія слова и буквы, каковое обстоятельство и приводитъ къ мысли, что подъ «куриловицей» въ XI вѣкѣ разумѣлась именно глаголица: особая отмѣтка «ис-коурилокицѣ» врядъ ли имѣла бы даже смыслъ, если бы писецъ переписывалъ съ оригинала кирилловскаго: кирилловскіе оригиналы были обычны.

Второе затрудненіе, которое встрѣчало положеніе Шафарика о связи глаголицы съ дѣятельностью солунскихъ братьевъ, было болѣе существеннымъ: оно заключалось въ свидѣтельствѣ черноризца Храбра, жившаго въ X вѣкѣ, о томъ, что св. Кириллъ изобрѣлъ тридесатя и осьмь письмена ова оубо по чиноу грьчьскыхъ письменъ· ова же по слокѣнстѣи рѣчи. Слова—ова оубо по чиноу грьчьскихъ письменъ вполнѣ подходятъ, по мнѣнію сторонниковъ кириллицы,—къ этой послѣдней, но не подходятъ къ глаголицѣ. Это затрудненіе Шафарикъ устранялъ извѣстнымъ толкованіемъ словъ по чиноу грьчьскыхъ письменъ, которымъ онъ придавалъ смыслъ: «по сходству словянскихъ звуковъ съ греческими». Но если бы съ этимъ пониманіемъ словъ Храбра и не соглашались, если бы слова эти дѣйствительно содержали въ себѣ указаніе на греческій источникъ словянской азбуки, то они потеряли свое значеніе возраженія послѣ появленія теоріи Тейлора, устанавливавшей для глаголицы ту же греческую основу, что и для кириллицы. Теорія эта не можетъ не считаться единственно основательной при объясненіи происхожденія глаголицы, такъ-какъ она базируетъ на единственно вѣрномъ принципѣ научной палеографіи: алфавиты, обыкновенно, не изобрѣтаются, а вырабатываются народнымъ употребленіемъ и представляютъ, обычно, культурное заимствованіе со стороны одного народа у другого. Упомянутый выше болгарскій писатель X в., Храбръ,

сообщаетъ, что до выступленія Константина (Кирилла) въ качествѣ просвѣтителя словянъ, эти послѣдніе перебивались греческими и латинскими буквами: **прежде оубо словѣне не имѣахѫ книгъ. нъ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще. кръстивше же сѧ, римскыми и грьчьскыми письмены нѫждаахѫ сѧ словѣнскы рѣчь безъ оустроениꙗ.** Это сообщеніе въ высшей степени правдоподобно; тѣ словяне, которые находились въ сферѣ вліянія Византіи, пользовались для своихъ житейскихъ нуждъ знаками греческой скорописи. Конечно, употребленіе этихъ знаковъ не было систематическимъ и устойчивымъ. Роль Константина состояла отнюдь не въ изобрѣтеніи новаго алфавита, а въ приспособленіи уже употреблявшагося у словянъ греческаго курсивнаго письма къ нуждамъ церковной письменности. Ему принадлежала при этомъ заслуга установленія опредѣленныхъ пріемовъ обозначенія специфически-словянскихъ звуковъ, введеніе устойчивости тамъ, гдѣ до него были колебанія. Весьма вѣроятно, что стиль скорописныхъ знаковъ, употреблявшихся въ общежитіи у словянъ, былъ при этомъ видоизмѣненъ сообразно новымъ задачамъ: онъ сталъ болѣе торжественнымъ и въ то же время вычурнымъ; нѣкоторые знаки, какъ **д, г** (см. таблицу Ягича) получили измѣненіе, опредѣляемое требованіями симметріи.

Если принять во вниманіе это обстоятельство, съ одной стороны, а съ другой—то, что между начальнымъ моментомъ глаголической письменности и древнѣйшими, дошедшими до насъ. образцами глаголицы прошло приблизительно около полутора столѣтія, то врядъ ли сопоставленіе глаголическихъ знаковъ, какъ они дошли до насъ въ рукописяхъ конца X—начала XI вѣка. съ греческими курсивными буквами VIII—IX вѣковъ, можетъ быть признано неудачнымъ.

Что касается теоріи участія въ глаголицѣ восточныхъ элементовъ, которую встрѣчаемъ еще у Шафарика (1858 г.), то врядъ ли она *въ общемъ* дастъ болѣе счастливые результаты, чѣмъ теорія Тейлора-Ягича даже въ объясненіи глаголическихъ знаковъ, обозначающихъ спеціально словянскіе звуки. По этому вопросу ср. Вс. Миллера «Къ вопросу о славянской азбукѣ» Ж. М. Н. Пр. 1884 г. (теорія сассанидскаго происхожденія дополнительныхъ знаковъ глаголицы); Abicht «Ist die Aehnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall?» Leipzig 1895 (теорія грузинскаго происхожденія глаголицы); Vondrák «Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets» Arch. XVIII, XIX (1896—1897); Грунскій «Памятники и вопросы древне-славянской письменности», 1904 г., вып. II; Кульбакинъ—въ разборѣ книги Грунскаго «Памятники и вопросы...» Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 3.

Рядомъ съ попытками объяснить глаголическіе знаки изъ сассанидскихъ, грузинскихъ, еврейскихъ, коптскихъ и т. д. была также предложена теорія албанскаго происхожденія глаголицы: Geitler «Die Albanesischen und slavischen Schriften» 1883, не давшая положительныхъ результатовъ. Теорія греческаго происхожденія глаголицы была поддерживаема также Бѣляевымъ: «Исторія алфавита и новое мнѣніе о глаголицѣ» 1886 г. По вопросу о томъ, какъ понимать слова Храбра **по чиноу грьчьскыхъ письменъ,** и къ какой изъ словянскихъ азбукъ свидѣтельство Храбра относится,—ср. Ягича «Разсужденія южно-словянской и русской старины о церковно-словянскомъ языкѣ» гл. II; Вилинскаго «Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ» 1901 г. (Одесса); Лаврова въ Изв. 1901 г., 1 кн., стр. 287—289; Погорѣлова въ Изв. 1901 г.,

4, с. 340; Абихта «Das Alphabet Chrabrs» въ Arch. XXXI. Доказать, что Храбръ могъ имѣть въ виду только кириллицу, во всякомъ случаѣ не удалось, скорѣе онъ имѣлъ въ виду именно глаголицу; слова по чиноу грьчьскыхъ письменъ, намъ кажется, означаютъ, что Константинъ, устрояя словянскую азбуку, устанавливая извѣстные знаки для обозначенія словянскихъ звуковъ, руководился тѣми отношеніями, какія существовали между греческими звуками и буквами греческаго алфавита. Попытку—заглянуть въ этотъ процессъ устроенія глаголической азбуки Константиномъ—далъ Лескинъ въ статьѣ Zur glagolitischen Schrift въ Arch. XXVII, 161 и сл.

VIII. Источниками для древне-церковно-словянской грамматики являются слѣдующіе дошедшіе до насъ древнѣйшіе памятники.

А. Глаголическіе:

1. Кіевскій Миссалъ,—отрывокъ обѣдни по римскому обряду (7 пергаменныхъ листовъ), найденный въ 1874 году Срезневскимъ въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, куда памятникъ попалъ изъ Іерусалима (пожертвованіе архимандрита Антонина). Изданъ нѣсколько разъ, послѣдній разъ—исправно—Ягичемъ: Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente, Wien, 1900. (Denkschriften der k. Ak. d. Wiss. phil.-hist. Kl. B. XXXVIII); къ отдѣльнымъ оттискамъ этого изданія приложены фототипическіе снимки со всего памятника. Вопросъ о происхожденіи Кіевскихъ отрывковъ, спорный въ наукѣ,—имѣетъ свою литературу, которая указана въ послѣднихъ работахъ, посвященныхъ этому загадочному памятнику древней церковно-словянской письменности: Грунскій «Памятники и вопросы древне-славянской письменности», т. I, 1904; Vondrák O původu Kijevských listů, 1904; ср. также Кульбакинъ, разборъ работы Грунскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 3 и работы Вондрака въ Изв. X (1905) № 4, 320 и сл.

И по чертамъ палеографическимъ, и по чертамъ языка, памятникъ этотъ можетъ быть поставленъ во главѣ всѣхъ церковно-словянскихъ текстовъ, написанныхъ глаголицей.

Примѣчаніе. Въ палеографическомъ отношеніи Кіевскій Миссалъ примѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ мы находимъ древнѣйшіе типы нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ, параллели которымъ можно встрѣтить въ большинствѣ случаевъ только въ древнѣйшемъ изъ остальныхъ глаголическихъ памятниковъ,—Зографскомъ Евангеліи; остальные глаголическіе тексты даютъ уже болѣе новыя формы: таковы формы л (Ⰾ), м (Ⰿ); ш, т, ю,—всѣ три буквы отличаются вполовину меньшимъ размѣромъ, чѣмъ остальныя буквы; буквы ъ, ь являются въ болѣе старой формѣ, представляющей модификацію значка о— Ⱏ, Ⱐ; буква оу—еще съ яснымъ раздѣленіемъ частей; изъ знаковъ носовыхъ въ К. М. находимъ лишь 3 знака: одинъ съ глаголическимъ є въ первой части обозначаетъ и ѧ, и ѩ, другой съ глаголическимъ о въ первой части обозначаетъ ѫ, т. е. носовое о, третій соотвѣтствуетъ кирилловскому ѭ.

Характерно при этомъ, что вторая часть, во всѣхъ трехъ знакахъ общая и обозначавшая, очевидно, носовой характеръ гласнаго,—меньше по размѣрамъ первой части; этой черты не находимъ въ болѣе позднихъ памятникахъ. Замѣчателенъ памятникъ и богатымъ употребленіемъ надстрочныхъ знаковъ, изъ которыхъ многіе, несомнѣнно, обозначали ударенія. Анализъ этихъ знаковъ можно найти въ указанныхъ выше работахъ. Правописаніе памятника замѣчательно въ высшей степени правильнымъ употребленіемъ знаковъ ъ и ь, какого не найдемъ ни въ одномъ изъ остальныхъ, какъ глаголическихъ, такъ и кирилловскихъ памятниковъ. Въ то же время на мѣстѣ типичныхъ церковно-словянскихъ шт, жд, соотвѣтствующихъ русскимъ ч и ж, находимъ въ К. М. ц и з: даzь, тѫзѣ, тоуzімъ, просѧцѣ, обѣцѣниѣ и т. п. Эта-то черта и подала поводъ къ спорамъ о происхожденіи памятника: одни видятъ въ немъ копію съ церковно-словянскаго оригинала, писанную чехомъ; другіе видятъ въ языкѣ памятника извѣстную цѣльность, которую объясняютъ, какъ отраженіе въ памятникѣ особаго древне-словянскаго говора, имѣвшаго ц и з на мѣстѣ обычныхъ ц.-сл. шт и жд; эти двѣ основныя точки зрѣнія формулируются отдѣльными учеными съ различными варіаціями; ср. вышеуказанную литературу вопроса.

2. Зографское Ев., принадлежавшее первоначально Зографскому монастырю на Аѳонѣ, а въ 1860 г. поднесенное Имп. Александру II и нынѣ хранящееся въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ Петербургѣ.

Памятникъ изданъ Ягичемъ въ 1879 г.: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, MDCCCLXXIX. Научная разработка Зографскаго Евангелія не богата: ср. латинское введеніе Ягича къ его изданію и начатое, но не оконченное изслѣдованіе памятника того же Ягича въ Arch. I—II тт.: «Studien über das altslov. Zographosevangelium»: изслѣдованіе это выясняетъ одинъ лишь пунктъ въ языкѣ памятника,—судьбу звуковъ ъ и ь. Ср. также Грунскаго «Къ Зографскому евангелію» Сборн. Отд. LXXXIII, № 3.

Примѣчаніе. Зографское Ев., какъ по палеографическимъ, такъ и по языковымъ чертамъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ церковно-словянскимъ памятникамъ. Въ немъ мы находимъ еще старыя формы буквъ м, л, оу, буквы ш и т нѣсколько меньше другихъ. буква з еще сохраняетъ свою старую угловатую форму, несмотря на общій округлый характеръ письма. Въ употребленіи знаковъ ъ и ь—больше правильности, чѣмъ въ иныхъ древне-церковно-словянскихъ памятникахъ (за исключеніемъ, разумѣется, Кіевскаго М.): Зогр. Ев. различаетъ еще группы ръ, лъ и рь, ль между согласными, коимъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ сочетанія ро, ло, ре, ле, не только въ такихъ случаяхъ, какъ връхь, кръвь, плъть, крьстъ, но и въ такихъ, какъ дрьколь, крьстити, бльштати, пльвати, кльнѫ, слъза. Въ Маріинскомъ Ев. (ср. ниже) мы находимъ уже крѣстити, крѣститъ, слѣзами и т. п.

3. Маріинское четвероев., вывезенное изъ аѳонскаго монастыря Пресв. Богородицы Григоровичемъ и хранящееся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

Памятникъ изданъ въ 1883 г. Ягичемъ: Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Петербургъ. Въ приложеніяхъ Ягичъ далъ общую характеристику памятника съ палеографической и языковой стороны и словоуказатель. Ср. также Милетича: Особноститѣ на езика въ Марийнския паметникъ, Периодическо списание XIX—XX (1886), 210—252.

Примѣчаніе. Въ формахъ буквъ этого памятника замѣчаемъ уже нѣкоторыя отступленія отъ старины, какъ она выражается въ Кіевскомъ М. и Зографскомъ Ев.: такъ знаки ⰾ, ⱏ—ⱐ являются уже въ новомъ видѣ Ⰾ, Ⱏ—Ⱐ, въ буквѣ оу обѣ части тѣсно примкнули одна къ другой, буквы ш и т по величинѣ мало чѣмъ отличаются отъ другихъ буквъ. Въ языкѣ памятника встрѣчаемъ явленія, которыя указываютъ на писца-серба или на болгаро-македонскій говоръ XI вѣка, раздѣлявшій нѣкоторыя звуковыя черты съ сосѣднимъ сербскимъ языкомъ: оу вм. къ, и вм. ꙑ, оу вм. ѫ.

4. Такъ называемый Glagolita Clozianus—отрывокъ изъ сборника поученій, содержащій 12 листовъ; изъ нихъ 10 найдены были извѣстнымъ славистомъ первой половины XIX ст. Копитаромъ въ библіотекѣ графа Клоца,—откуда названіе памятника,—и изданы имъ же въ 1836 году; отдѣльные два листа, повидимому, изъ того же памятника были открыты позже и изданы Миклошичемъ въ 1860 г. Нынѣ часть, открытая Копитаромъ, хранится въ Тридентѣ, а вторая въ Инсбрукѣ. Новое изданіе всего памятника Вондрака освобождаетъ отъ необходимости обращаться къ изданіямъ Копитара и Миклошича: Glagolita Clozův. 1893 v Praze. Изданіе Вондрака съ параллельнымъ греческимъ текстомъ и примѣчаніями снабжено также введеніемъ (на чешскомъ языкѣ), въ которомъ дана общая оцѣнка памятника со стороны палеографической и языковой, словоуказателемъ и снимками (фототипія). Ср. также замѣчанія о памятникѣ Облака въ статьѣ «Zur Würdigung des Altslovenischen» Arch XV, 338 и сл.

Примѣчаніе. Памятникъ нѣкоторыми чертами языка сближается съ Маріинскимъ четвероевангеліемъ: оу вм. ѫ, и вм. ꙑ и наоборотъ; на область сербскую или близкую къ сербо-хорватскому языку указываетъ форма тѧ acc. pl. вм. тꙑ (отъ мѣстоименія тъ: ср. современное сербское *те*, съ обычной въ сербскомъ замѣной носового *е* чистымъ). Въ формахъ буквъ, какъ и въ остальныхъ памятникахъ, находимъ отступленіе отъ старыхъ типовъ Кіевскаго М.: новое м, новое л, новое ю, оу (вторая часть,—въ Кіевскомъ М. ясное о,—здѣсь существенно измѣнена и отличается отъ первой); ъ и ь также—въ новой формѣ.

5. Ассеманіево Ев.—рукопись Ватиканской библіотеки, привезенная въ Римъ въ XVIII столѣтіи ученымъ оріенталистомъ Ассемани,—откуда ея названіе.

Издана дважды: первый разъ глаголическими буквами хорватскимъ ученымъ Рачкимъ (Rački) въ 1865 году съ обширнымъ введеніемъ Ягича

на сербскомъ языкѣ; второй разъ—латинскими буквами Чернчичемъ (Črnčić) въ 1878 г. Болѣе позднія черты въ формахъ буквъ и въ языкѣ сравнительно съ такими памятниками, какъ Кіевскій М. и Зографское Ев.,—обычны.

6. Синайская Псалтырь и

7. Синайскій Требникъ (или Эвхологій)—находятся въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ. Оба памятника изданы хорватскимъ ученымъ Гейтлеромъ, повидимому, не вполнѣ исправно: Psalterium, glagolski spomenik manastira Sinai brda, Agram 1883; Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai brda, Agram 1882.

Оба изданія снабжены небольшимъ введеніемъ; ср. также у Ягича, Четыре критикопалеографическія статьи, 1884 г., 43—65 с.—о языкѣ Синайской Псалтыри; Roman Jarosiewicz, Ueber das Euchologium Sinaiticum 1888; Prokop Lang, Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského 1888. Обѣ послѣднія работы малодоступны: первая была напечатана въ отчетѣ реальной гимназіи въ Коломеѣ, вторая въ Gymn.-Progr. въ Пржибрамѣ (Přibram).

Примѣчаніе. Синайская Псалтырь и Синайскій Требникъ въ своей палеографической сторонѣ обнаруживаютъ признаки еще болѣе поздняго времени, нежели Ассеманіево Ев. или Мар. Ев., Glag. Cloz.: такъ буква а—въ Син. Требникѣ—съ сильнымъ удлиненіемъ боковыхъ линій, каковаго не замѣчается въ иныхъ памятникахъ XI вѣка, и каковое находимъ въ глаголическихъ строкахъ Охридскаго апостола конца XII вѣка; въ буквѣ о Синайской Псалтыри петли сближены до соприкосновенія: Ⱁ,—то-же имѣемъ въ глаголическихъ строкахъ Охридскаго апостола; буква оу представляетъ новыя измѣненія сравнительно съ Мар. Ев. или Ассем. Ев.: вм. Ⱆ (Мар. Ев.) въ Син. Псал. находимъ Ⱆ или Ⱆ; параллели этимъ формамъ опять таки находимъ лишь въ позднихъ памятникахъ, какъ Охрид. ап.; изъ трехъ знаковъ для звука і: и, ı, ї господствуетъ и, что также является поздней чертой: то-же въ Пражскихъ листахъ, въ поздней страницѣ Кіевскаго М., въ Вѣнскихъ листахъ XII вѣка (ср. Кульбакина, Охридская рукопись апостола конца XII вѣка, XIV с. и сл.).

Къ числу глаголическихъ памятниковъ, которые могли бы быть зачислены въ рядъ источниковъ церковно-словянской грамматики лишь съ извѣстными оговорками, относятся Пражскіе отрывки, открытые въ 1855 году Гёфлеромъ въ библіотекѣ Пражскаго митрополичьяго капитула; отрывки эти изданы были впервые Шафарикомъ и Гёфлеромъ въ 1857 году, причемъ древность ихъ первоначально была сильно переоцѣнена: Шафарикъ увлекшись ихъ крайне-ветхимъ видомъ, отнесъ ихъ къ періоду 850—862 г., и отчасти подъ вліяніемъ этого открытія измѣнилъ свой

прежній взглядъ на сравнительную древность кириллицы и глаголицы въ пользу послѣдней.

Болѣе внимательное изученіе памятника выяснило полную ошибочность этого взгляда.

Отрывки относятся къ области чехо-словацкаго языка, но въ то-же время нѣкоторыя черты памятника указываютъ на болгарскій оригиналъ рукописи, и притомъ отнюдь не ранняго времени. Ср. новѣйшее изданіе и изслѣдованіе памятника Вондрака: O původu Kijevských listů a pražských zlomků 1904 и Грунскаго: 1) Памятники и вопросы древне-славянской письменности 1904; 2) Пражскіе глаголическіе отрывки 1905 въ «Памятникахъ старославянскаго языка» т. I, вып. 4.

Примѣчаніе. Ср. также наши рецензіи на работы Грунскаго и Вондрака, выше уже указанныя,—въ Ж. М. Н. Пр. и Изв. Чехо-словацкое происхожденіе памятника отражается въ замѣнѣ носовыхъ ѫ, ѧ чрезъ оу, ꙗ (а), согласныхъ шт и жд чрезъ ц и з, въ западно-словянской группѣ *дл* и группѣ шч на мѣстѣ ц.-сл. шт; на мѣстѣ ц.-сл. ъ, ь находимъ одно ъ, что указываетъ на принадлежность чешской копіи по крайней мѣрѣ концу XI вѣка, если не началу XII.

Позднія черты замѣчаются и въ начертаніи буквъ: г Пражскихъ отрывковъ напоминаетъ г Охридскаго апостола к. XII вѣка (1-й глаголическій почеркъ), є имѣетъ лишь одинъ язычокъ, какъ въ глаголическомъ письмѣ болгарскомъ и хорватскомъ XII вѣка; и преобладаетъ надъ і и ї; оу имѣетъ позднюю форму, какую находимъ въ Синайск. Пс. и въ главномъ почеркѣ Охрид. апостола (хвостикъ, выходящій изъ спинки буквы, является продолженіемъ нижней петли).

По содержанію Пражскіе отрывки представляютъ отрывокъ вечерни по восточному обряду.

Что касается Охридскаго отрывка Евангелія, то онъ не можетъ имѣть особаго значенія для церковно-словянской грамматики уже въ виду крайне небольшого объема: 1½ листа, изъ коихъ 1 листъ сохранился цѣликомъ, а остальное представляетъ листъ, разрѣзанный въ вертикальномъ направленіи. Притомъ и по палеографическимъ чертамъ, и по чертамъ правописанія—это отрывокъ довольно поздняго происхожденія: быть можетъ,—начала XII вѣка, а самое раннее конца XI в., ср. изданіе его въ Изв. XI (1906 г.), 4 кн., 157 с. (Грунскаго). Не можетъ имѣть большого значенія, хотя и небезынтересенъ, и Македонскій глаголическій листокъ, — по палеографическимъ признакамъ XI вѣка, — отрывокъ изъ поученій Ефрема Сирина. Ср. изданіе Ильинскаго: «Памятники старославянскаго языка» т. I, вып. 6-й, изд. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. 1909 г.

Всѣ дошедшіе до насъ глаголическіе памятники древне-церковнословянскаго языка не имѣютъ хронологической даты, и мы можемъ опредѣлять ихъ древность лишь приблизительно, имѣя въ виду сравнитель-

ную древность ихъ языка по отношенію къ кирилловскимъ памятникамъ, для хронологіи которыхъ у насъ все же имѣются кое-какіе опорные пункты.

По всей видимости, Ассеманіево Ев., Маріинское Ев., Glag. Cloz. относятся къ XI вѣку, Синайская Пс. и Синайскій Тр. къ концу XI в., Зографское Ев., если не къ концу X вѣка, то къ началу XI, Кіевскій Миссалъ—вѣроятно, не моложе конца X вѣка.

В. Кирилловскіе памятники:

1. Во главѣ ихъ стоитъ недавно открытая Надпись 993 года, важная не въ отношеніи языка, такъ-какъ она предлагаетъ въ этомъ отношеніи слишкомъ незначительный матеріалъ, а въ отношеніи палеографическомъ: ея начертанія, какъ датированныя,—исходный пунктъ для палеографа въ опредѣленіи сравнительной древности кирилловскихъ памятниковъ церковно-словянскаго языка.

Надпись издана въ И. Р. А. И. 1899 г. (IV) вып. 1 съ приложеніемъ статей о ней Флоринскаго и Милетича; ср. также статьи Иречка и Ягича въ Arch. XXI, 543 и сл.

Правая сторона могильной плиты отломана, почему въ надписи пробѣлы. Она гласитъ:

въ имѧ ѡ҃тьца и съ
ӥ҃на и с҃таго д҃оуха а
зъ самоиль рабъ б҃ж(ии)
полагаѭ памѧть (отьц)
ꙋ и матери и брат(оу н)
а кръ҃стѣхъ си(хъ)
имена оусъпъш(ихъ ни)
кода рабъ б҃жи (риѱими)
ѣ дав(и)дъ написа (же сѧ въ)
лѣто отъ сътво(рениꙗ миро)
у ҂ѕ҃ф҃а, инъди(кта ѕ҃)

Въ скобкахъ помѣщены недостающія, по догадкѣ возстанавливаемыя, части словъ. Въ 8 строкѣ возстановляли (Флоринскій) (мари), но хроника Скилицы даетъ имя матери Самуила-Рипсима; ѣ въ слѣдующей строкѣ можетъ быть,—окончаніе формы риѱимиѣ. Ср. Prokić, Die Zusätze in der Handschrift des Iohannes Skylitzes, München 1906, 20 с.

2. Саввина книга евангельскихъ чтеній, хранящаяся въ московской типографской библіотекѣ, написанная попомъ Саввой, судя по языку и палеографическимъ даннымъ,—въ XI вѣкѣ.

Памятникъ изданъ Щепкинымъ: «Саввина книга» 1903, которому принадлежитъ и изслѣдованіе памятника: «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» 1899 г.

Примѣчаніе. Ср. Отчетъ о присужденіи премій имени гр. Толстого въ 1900 г., Ж. М. Н. Пр. 1900, № 2, Arch. XXII, 247 с.

Начертанія буквъ Саввиной книги въ общемъ совпадаютъ съ таковыми въ Надписи 993 года, въ виду чего, быть можетъ, не было бы смѣлымъ полагать, что Саввина книга относится къ первой половинѣ XI вѣка, какъ и другой крупный церковно-словянскій памятникъ кирилловскаго письма—Супрасльская рукопись.

3. Супрасльская рукопись получила свое названіе по Супрасльскому монастырю возлѣ Бѣлостока, Гродненской губерніи, гдѣ она найдена была въ началѣ XIX вѣка профессоромъ Виленскаго университета Бобровскимъ. Въ настоящее время часть рукописи,—118 листовъ,—находится въ Люблянѣ, въ Лицейской библіотекѣ, куда поступила въ 1845 году въ числѣ книгъ и бумагъ Копитара; другая часть,—151 л.,—находится въ Варшавѣ, въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ; наконецъ, третья, небольшая, часть (16 листовъ) была куплена въ 1856 г. акад. А. Ѳ. Бычковымъ и принадлежитъ его сыну, И. А. Бычкову (въ Петербургѣ).

Памятникъ былъ изданъ въ 1851 г. Миклошичемъ: Monumenta palaeoslovenica e codice Suprasliensi, но болѣе точнымъ, хотя и небезупречнымъ (ср. Р. Ф. В. 1905 г. № 2, 339 с.) является новое изданіе Северьянова: Супрасльская рукопись, т. I, 1904 г. («Памятники старославянскаго языка», издаваемые Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак., т. II, вып. 1). Этому обширному памятнику (по содержанію—мартовская минея) посвященъ рядъ статей Вондрака въ Sitzungsber. d. K. Ak. Wien, 112 т., 122 т., 124 т.

Примѣчаніе. Въ статьѣ Zur Kritik der altslov. Denkmale, Sitzungsber. 112 т. (1886 г.) Вондракъ остановился на рефлексахъ въ Супр. рук. сочетаній «губной +j», группы sk въ положеніи предъ ě и i, ь въ положеніи предъ j и на нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ и лексикальныхъ особенностяхъ памятника; въ 1890 г. Вондракъ вернулся къ Супр. рук. въ статьѣ Altslovenische Studien въ Sitzungsber. 122 т., остановившись, главнымъ образомъ, на лексикальной сторонѣ памятника; анализъ послѣдней привелъ его къ заключенію, что основа памятника—болгарская, но въ послѣдней редакціи, которую памятникъ получилъ при перепискѣ, видна рука малоросса. Въ послѣдующемъ, 1891 г. Вондракъ снова посвятилъ Супр. рукописи статью п. з. Ueber einige orthographische und lexicalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis...,—Sitzungsber. 124 т.; здѣсь разсмотрѣнъ вопросъ объ ъ и ь въ Супр. рук. въ связи съ наблюденіемъ о языковой неоднородности памятника. Критическая оцѣнка выводовъ Вондрака дана Облакомъ, Arch. XV, 338 с. и слѣд.

Старую работу Бема «Историко-филологическое изслѣдованіе о Супрасльской рукописи» 1869 г. оставляемъ въ сторонѣ; съ внѣшней исторіей памятника знакомитъ статья Бобровскаго: Судьба Супрасльской рукописи, въ Ж. М. Н. Пр.

1887, №№ 10—12. Ср. еще Abicht и Schmidt: Quellennachweise zum Codex Suprasliensis въ Arch. XV, XVI, XVIII (вопросъ о греческихъ оригиналахъ словянскихъ статей памятника) и Pastrnek: O rukopíse Supraslském въ List. Fil. 1897₂, 96—109 (сравненіе фотографическихъ снимковъ Люблянской части памятника съ изданіемъ Миклошича).

Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ памятниковъ кирилловскаго письма: Саввиной книги и Супрасльской рукописи, наука располагаетъ еще нѣсколькими отрывками, которые также относятся, повидимому, къ XI вѣку. Важнѣйшими изъ этихъ отрывковъ являются—

4. Хиландарскіе листки, найденные Григоровичемъ въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Содержаніе ихъ—отрывокъ поученія Кирилла Іерусалимскаго. Изданы были въ 1852 году Григоровичемъ, въ 1868 году Срезневскимъ, въ 1882 году Ягичемъ, послѣдній разъ со снимками со всего памятника Кульбакинымъ въ 1898 году.

Примѣчаніе. Григоровичъ «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянской литературы» Изв. II Отд. Имп. Ак. Н. I т. и въ «Статьяхъ, касающихся древняго словянскаго языка» 1852, 71—94 с. Срезневскій «Древніе славянскіе памятники юсового письма»; Ягичъ «Specimina linguae palaeoslovenicae» 64—66 с.; Кульбакинъ «Изслѣдованія по русскому языку», издаваемыя Имп. Ак. Н. II т. Ср. еще Вондракъ въ Arch. XXII, 542—553 с. и Кульбакинъ «Лексика Хиландарскихъ отрывковъ» въ Изв. VI (1901 г,), 4 кн., 131—139 с. Хранятся листки въ библіотекѣ Новороссійскаго университета.

5. Листки Ундольскаго (отрывокъ евангелія) являются нѣсколько болѣе позднимъ памятникомъ сравнительно съ Хиландарскими, съ Супр. и Савв. книгой. Изданы Карскимъ со снимками въ 1904 году.

Примѣчаніе. «Памятники старо-славянскаго языка» I т., вып. 3; ранѣе были изданы Срезневскимъ въ «Древнихъ памятникахъ юсового письма» 1868 г. и Ягичемъ въ Specimina, 48—49; ср. Щепкина «Листки Ундольскаго» въ Сборникѣ статей, посвященныхъ Фортунатову, 1902 года. Среди старыхъ, въ общемъ, типовъ буквъ находимъ въ лист. Унд. новое ѧ съ инымъ положеніемъ основной черты и петли, нежели въ Хил., Савв. Супр.: ꙗ, ꙗ, ꙗ (старая форма ѧ). Буква ꙑ—съ соединеніемъ частей. На мѣстѣ ъ и ь—одно ъ. Буква ѡ употребляется гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ памятникахъ XI вѣка,—даже послѣ согласныхъ. Повидимому, лист. Ундольскаго относятся къ концу XI вѣка. Хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ.

6. Македонскій листокъ, сохранившійся очень плохо, имѣетъ еще менѣе значенія, нежели Хиланд. л.л. или л.л. Ундольскаго для грамматики древне-церковно-словянскаго языка. Изданъ Ильинскимъ въ 1906 г.

Примѣчаніе. «Памятники старо-славянскаго языка» I т., 5 вып. Формы буквъ и ихъ употребленіе архаичны. Въ языкѣ болгарскія новшества,—вѣроятно, конца XI вѣка: ьр на мѣстѣ древняго ръ, рь. Находится въ Петербургѣ, въ библіотекѣ В. И. Срезневскаго.

7. Наконецъ, при перечнѣ источниковъ древне-церковно-словянской грамматики не можетъ быть опущено и Остромирово Евангеліе, писан-

ное въ Новгородѣ въ 1056—1057 годахъ,—древнѣйшій памятникъ русской письменности.

Черты живого говора русскаго писца, безспорно, отразились въ памятникѣ, но онѣ могутъ безъ труда быть выдѣлены, и подъ ними вскроется болѣе древній церковно-словянскій языковой слой. Изданъ памятникъ Востоковымъ въ 1843 г. и фотолитографически на средства купца Савинкова въ 1889 году. Поправки къ изданію Востокова предложены Козловскимъ въ его изслѣдованіи: О языкѣ Остромирова Ев. Ср. также Щепкина и Шахматова: Особенности языка Остромирова Евангелія, Фортунатова «Составъ Остромирова Евангелія» 1908 г.

Примѣчаніе. Работа Козловскаго—въ «Изслѣдованіяхъ по русскому языку» I т., 1885 г. Статья Щепкина и Шахматова помѣщена, какъ дополненіе, въ русскомъ переводѣ грамматики Лескина 1890 года. Статья Фортунатова—въ Сборникѣ въ честь Ламанскаго. Главный выводъ Фортунатова: первые 23 листа рукописи списаны діакономъ Григоріемъ съ русскаго оригинала, остальные—съ церковно-словянскаго. Остромирову Ев., какъ памятнику древне-русскаго языка, посвящена статья Каринскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1903 г., № 5.

Въ меньшей мѣрѣ могутъ служить источниками для грамматики древне-церковно-словянскаго языка болѣе поздніе списки съ древнихъ церковно-словянскихъ оригиналовъ, возникшіе на болгарской, сербской и русской почвѣ, какъ-то: средне-болгарскіе тексты,—Добромирово Ев., Охридскій апостолъ, Болонская Пс. и др. или сербскіе тексты: Мирославово Ев., Волканово Ев.; русскіе: Сборникъ Святослава 1073 года, Сборникъ 1076 года, Служебныя Минеи 1095—1097 года и т. д. Эти памятники въ большей мѣрѣ относятся къ исторической грамматикѣ болгарскаго, сербскаго и русскаго языковъ.

IX. Въ заключеніе настоящаго введенія необходимо указать на существующія пособія къ изученію древне-церковно-словянскаго языка. Таковыми, помимо изслѣдованій отдѣльныхъ памятниковъ и ихъ изданій, уже указанныхъ выше, помимо отдѣльныхъ статей и работъ по вопросамъ спеціальнаго характера,—являются труды общаго характера, грамматики, характеризующія какъ звуки, такъ и формы древне-церковно-словянскаго языка.

Важнѣйшими грамматиками являются изъ старыхъ: Шлейхера, Востокова, Миклошича, изъ болѣе новыхъ: Лескина, Соболевскаго, Вондрака. Пособіемъ при ознакомленіи съ памятниками могутъ служить хрестоматіи Бернекера, Каринскаго. Словарь—Миклошича.

Примѣчаніе. Schleicher, Formenlehre der kirchenslavischen Sprache 1852 Востоковъ, Грамматика церковно-славянскаго языка 1863 г.; Miklosich, Altslovenische Formenlehre in Paradigmen 1874—съ обоснованіемъ во введеніи теоріи паннонскаго происхожденія церковно-словянскаго языка; его же Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen 1879.

Новая эпоха въ изученіи церковно-словянскаго языка начата была 2-мъ изданіемъ грамматики Лескина, которое существенно отличалось отъ перваго (1871 года): Leskien, Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache 1886. Weimar. Въ 1890 г. вышелъ русскій переводъ этого изданія, который, несмотря на нѣкоторую устарѣлость и неудобный планъ учебника, является едва ли не лучшимъ пособіемъ на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время Handbuch Лескина на нѣмецкомъ языкѣ вышло уже 4-мъ изданіемъ, Weimar (съ текстами и словарчикомъ къ нимъ). Въ 1909 году появилась новая редакція труда Лескина: Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. (Heidelberg), какъ 1 выпускъ «Sammlung Slavischer Lehr-und Handbücher», съ обширнымъ историческимъ введеніемъ (о народности ц.-сл. языка, азбукахъ и т. д.), но безъ текстовъ и словаря. Эта послѣдняя редакція грамматики Лескина—едва ли не самая удачная.

Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. 1891 г. Москва.

Вондракъ, Altkirchenslavische Grammatik, Berlin 1900. Ср. также его Vergleichende Slavische Grammatik 1906—1908, I—II.

Морфологіи посвящена работа Пастрнека: Prof. Fr. Pastrnek, Tvarosloví jazyka staroslověnského s úvodem a ukázkami, 1909.

На русскомъ языкѣ недавно появились еще Лекціи по древне-церковно-славянскому языку Грунскаго (Записки Юрьевскаго университета) 1907 г., къ сожалѣнію, малоудовлетворительныя: ср. Р. Ф. В. 1910 г. № 1, 150 сл.

Specimina Ягича, уже цитированныя выше, въ настоящее время—рѣдкость, а потому приходится пользоваться или хрестоматіей Бернекера (Slavische Chrestomathie 1902 г.), или хрестоматіей Каринскаго (Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ 1904 г.).

Miklosich'a Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum 1862—1865 г. въ настоящее время нуждается въ пополненіи; этимологическій словарь словянскихъ языковъ Миклошича въ настоящее время можетъ быть замѣненъ словаремъ Бернекера: Berneker. Slavische Etymologisches Wörterbuch, пока 1—5 выпуски.

Объ историческомъ развитіи изученія церковно-словянскаго языка ср. въ статьѣ Кульбакина: Историческое развитіе и современное состояніе словянскаго языкознанія, Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 5.

ФОНЕТИКА.

I. Праcловянскіе звуки и звуковыя явленія.

§ 1. Древне-цер.-сл. языкъ, т. е. юго-словянскій говоръ, легшій въ основу др.-ц.-сл. языка, получилъ изъ праcловянскаго языка извѣстную систему звуковъ и формъ. Историческая точка зрѣнія на явленія др.-ц.сл. языка требуетъ опредѣленія ихъ отношенія къ явленіямъ праcловянской эпохи, какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ.

Итакъ, какіе звуки получилъ изъ праcловянской эпохи др.-ц.-слов. языкъ?

Эти звуки возстановляются сопоставленіемъ различныхъ словянскихъ языковъ, — по возможности въ древнѣйшей стадіи ихъ развитія, освѣщаемой историческими памятниками.

При этомъ возстановляемые такимъ методомъ звуки не могутъ быть, конечно, опредѣлены въ своей артикуляціи такъ точно, какъ звуки живой рѣчи. Мы можемъ опредѣлить эти праcловянскіе звуки, какъ звуковые типы, лишь въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ. Эти звуковые типы въ отдѣльныхъ праcловянскихъ говорахъ являлись не вполнѣ одинакими, такъ-какъ діалектическія различія были всегда и въ праcловянскомъ языкѣ, какъ во всякомъ языкѣ.

Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ мы не имѣемъ возможности съ увѣренностью опредѣлить праcловянскій звукъ, къ которому восходятъ звуки отдѣльныхъ словянскихъ языковъ въ тожественныхъ этимологически словахъ,—даже какъ звуковой типъ; или же мы можемъ иногда охарактеризовать такой праcловянскій звукъ лишь съ одной стороны; въ такихъ случаяхъ наша формула есть лишь условный знакъ, имѣющій значеніе: «тотъ праcловянскій звукъ, къ которому восходятъ такіе-то звуки отдѣльныхъ словянскихъ языковъ».

Такимъ образомъ, русское *а* въ *трава, каша, скала* и т. п., польское *а* въ литературныхъ формахъ trava, kasza, skała, чешское *а* въ словахъ tráva, skála, kaše, сербское *а* въ словахъ tráva, kȁša, skȁla— даютъ право предположить праcловянскій звуковой типъ *а*, который въ

отдѣльныхъ праславянскихъ говорахъ произносился, быть можетъ, не вполнѣ одинаково, но болѣе или менѣе сходно, какъ и въ настоящее время въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ: такъ, Томсонъ, Общ. языков., 1 изд. 165, опредѣляетъ русское *a*, какъ звукъ низкій, задненёбный (low-back), а Розвадовскій, Mat. i. pr. I, 100 с., опредѣляетъ польское *a* образованныхъ классовъ Галиціи, какъ звукъ низкій, средненёбный (low-mixed.).

Буквѣ ѣ нашего историческаго правописанія въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ и въ литературномъ русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ ′*e*, въ малорусскомъ литературномъ языкѣ — і, въ польскомъ ′е и ′а, въ болгарскомъ діалектически различно: е, ′а, ä; въ сербскомъ также съ діалектическими различіями е, і, је, ије. Праславянскій звукъ, къ которому восходятъ эти разнообразные звуковые рефлексы отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, можетъ быть опредѣленъ даже какъ звуковой типъ не вполнѣ увѣренно; съ полной увѣренностью можно опредѣлить его лишь со стороны количественной,—какъ звукъ долгій, но и то лишь по отношенію къ древнѣйшей эпохѣ жизни прасл. языка.

Тотъ звукъ, который выражается въ др.-ц.-сл. памятникахъ знакомъ ѫ, также имѣетъ такія разнообразныя соотвѣтствія въ живыхъ словянскихъ языкахъ, что праслов. ѫ, къ которому мы эти соотвѣтствія возводимъ, является въ значительной мѣрѣ условнымъ знакомъ; вполнѣ опредѣленное значеніе этому праслов. ѫ мы можемъ придавать лишь съ одной,—а именно количественной стороны.

§ 2. Къ сдѣланнымъ замѣчаніямъ по поводу возстановленія праславянскихъ звуковъ должно присоединить еще одно. Возстанавливая прасл. систему звуковъ путемъ сопоставленія звуковъ отдѣльныхъ слов. языковъ, мы имѣемъ въ виду конечный моментъ въ жизни праслов. языка, мы опредѣляемъ звуки эпохи, непосредственно предшествовавшей его распаденію.

Праслов. языкъ въ смыслѣ историческомъ не такое простое понятіе: со времени выдѣленія словянской вѣтви изъ семьи индо-европейскихъ говоровъ до періода его распаденія на отдѣльныя нарѣчія, живущія особой жизнью, прошло, несомнѣнно, не мало столѣтій. Этотъ рядъ вѣковъ въ жизни прасл. языка одинаково характеризуется единствомъ отдѣльныхъ слов. говоровъ, т. е. наличностью не только такихъ явленій, которыя отличали эти говоры другъ отъ друга, но и такихъ, которыя охватывали весь кругъ этихъ говоровъ. Если конечный моментъ въ жизни праслов. языка опредѣляется путемъ сопоставленія отдѣльныхъ словян. языковъ, то начальный моментъ прасл. періода можетъ быть опредѣленъ помощью сравненія словянскихъ звуковъ со звуками иныхъ индо-европейскихъ языковъ.

Прасловянская система звуковъ.

§ 3. Прасловянскій языкъ эпохи, предшествовавшей его распаденію, имѣлъ слѣдующіе звуки.

Примѣчаніе. Праслов. звуки обозначаются, обыкновенно, латинскими буквами:

A. Гласные. 1. *Полнаго образованія:*
  a) твердые (велярные): a, o, ǫ (носовое o), u, y;
  b) мягкіе (палатальные): e, ě, i, ę (носовое e).
2. *Неполнаго образованія* (редуцированные въ количественномъ отношеніи):
  a) твердый ъ
  b) мягкій ь.

B. Сонорные: 1. *Плавные* r, l (слоговые и неслоговые);
2. *Носовые* m, n.

C. Согласные. 1. *Взрывные:*
  a) губные b, p;
  b) зубные t, d;
  c) задне-небные k, g.
2. *Длительные:*
  a) губной v;
  b) зубные s, z;
  c) язычно-небные š, ž, j;
  d) задне-небный ch.
3. *Аффрикаты:* c, d͡z, č, ğ (d͡ž).

§ 4. Большая часть указанныхъ въ этой таблицѣ праслов. звуковъ не требуетъ особыхъ примѣчаній.

Гласные a, o, u, y, e, i возстановляются въ виду такихъ единодушныхъ показаній различныхъ словянскихъ языковъ, какъ: р. трава, скала; пол. trava, skała; чеш. tráva, skála; серб. tráva, skȁla; или: р. поле, море; пол. pole, morze; чеш. pole, moře; серб. pȍlje, mȍre; или: р. пить, липа; пол. pić, lipa; чеш. píti, lípa; серб. pȉti, lȉpa.

Приведенные примѣры вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ и о прасл. согласныхъ: r, t, p, l, которые въ такомъ видѣ являются и въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ. Такимъ же образомъ возстанавливаются и иные согласные прасловянскаго языка. Однако на нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ, вошедшихъ въ приведенную выше таблицу, слѣдуетъ остановиться особо.

§ 5. Праслов. *y* въ настоящее время потеряно большею частью слов. языковъ, и его наличность въ праслов. устанавливается показаніями

русскаго и польскаго языковъ, которые поддерживаютъ и др.-ц.-сл. памятники: ср. рус. быть, сынъ, мы съ пол. być, syn, my и др.-цер.-слов. **бꙑти, сꙑнъ, мꙑ.** Къ этому можно присоединить свидѣтельство Гусса объ *у* въ древне-чешскомъ языкѣ (Gebauer. H. Ml. I, 278) и указанія Милетича на сохраненіе этого звука въ нѣкоторыхъ восточно-болгарскихъ говорахъ: Das Ostbulgar. 74 с.

Вѣроятно, праслов. *у* представляло звукъ средняго ряда, высокій, нелабіализованный, т. е. произносившійся безъ губного округленія.

Примѣчаніе. Высказанное Томсономъ предположеніе, что праславянское *у*, равно какъ и др.-ц.-слов. и древне-русское, было дифтонгомъ, Р. Ф. В. 1905, № 2, 245 с., не можетъ считаться доказаннымъ. Приводимые имъ факты допускаютъ иное толкованіе.

§ 6. Праслов. ě имѣетъ разнообразные рефлексы въ современныхъ слов. языкахъ: такъ, въ русскомъ находимъ на мѣстѣ ě съ различіемъ по діалектамъ ́e (в.-р.), i, îe (м.-р.); въ болгарскомъ также діалектически е, ä, ́а; въ сербскомъ—въ однихъ говорахъ е, въ другихъ je, ije, въ третьихъ i; въ чешскомъ—е, i; въ польскомъ—́е и ́а, въ зависимости отъ послѣдующаго согласнаго.

Представляется нелегкимъ въ виду этого разнообразія опредѣлить, хотя бы и приблизительно, прасл. ě, какъ звуковой типъ.

Однако весьма правдоподобной можно признать мысль, что праслов. ě эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію слов. праязыка, было дифтонгическимъ сочетаніемъ ie одного слога.

Мысль эта, давно уже проводимая Фортунатовымъ и его школой, въ настоящее время принята и Вондракомъ, Vergl. Sl. Gr. I, 54 с.

Изъ дифтонгическаго сочетанія легче всего объяснить указанные выше рефлексы прасл. ě въ отдѣльныхъ слов. языкахъ, причемъ ́а могло получиться изъ ie, напримѣръ, путемъ i̯e—i̯ä—i̯a. Отъ преобладанія первой или второй части дифтонга зависѣлъ и дальнѣйшій результатъ въ отдѣльныхъ слов. языкахъ: при слоговомъ характерѣ перваго элемента получалось i, при слоговомъ характерѣ второго—i̯e—́e; i̯ä—i̯a—́a.

Примѣчаніе. О другомъ взглядѣ на прасл. ě, какъ на монофтонгъ, притомъ открытый (е открытое) ср. у Вондрака Vergl. Sl. Gr. I, 55—56 с. Тамъ-же 54—55 В. стремится доказать, что прасл. ě (ie) получилось изъ открытаго ē, тогда какъ Фортунатовъ и Шахматовъ исходятъ изъ ē закрытаго.

§ 7. Прасл. носовые устанавливаются сопоставленіемъ фактовъ др.-ц.-сл. письменности, въ которой находимъ особые знаки для этихъ гласныхъ, и данныхъ современнаго польскаго языка, до сихъ поръ сохранившаго эти звуки, по крайней мѣрѣ въ такихъ словахъ, какъ mięso, wąsy, wąchać (предъ s, ch): ср. др.-ц.-сл. **мѧсо, ѫсꙑ, ѫхати.**

Въ другихъ слов. языкахъ носовые гласные потеряли носовой резонансъ; такъ, въ русскомъ—изъ ǫ—u (у), изъ ę—'a (я): *усы, мясо, мука, судъ;* (др.-ц.-сл. мѫка, сѫдъ); въ сербскомъ—изъ ǫ—u (у), изъ ę—e: mŭka, mêso.

На участіе въ артикуляціи прасл. гласныхъ, изъ которыхъ получились др.-ц.-сл. ѫ—ѧ, пол. ę, ǫ (ą), русск. *у, я,*—отвора въ носовую полость ясно указываетъ тотъ фактъ, что эти прасл. гласные явились на мѣстѣ индо-евр. сочетаній «гласный+носовой» или на мѣстѣ тѣхъ-же сочетаній въ заимствованныхъ словахъ: ср. др.-в.-н. kuning, которое дало въ прасл. kъnędzь, какъ видно изъ др.-ц.-сл. кънѧзь, пол. księżе, р. *князь, княже.*

§ 8. Прасл. ъ и ь, повидимому, отличались отъ остальныхъ гласныхъ прежде всего въ количественномъ отношеніи: они были короче нормально-краткихъ гласныхъ, т. е. количественно редуцированными. Съ этимъ ихъ отличіемъ, быть можетъ, была связана сравнительно меньшая опредѣленность въ акустическомъ отношеніи, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется разнообразіе рефлексовъ этого прасл. звука въ отдѣльныхъ слов. языкахъ: ср. др.-ц.-сл. сънъ—р. сонъ—п. sen—ч. sen—с. са̂н; др.ц.-сл. дьнь—р. день—п. dzień—ч. den—с. да̂н. Что касается мѣста артикуляціи прасл. ъ и ь, то она съ полной увѣренностью опредѣлена быть не можетъ.

Примѣчаніе. Томсонъ Р. Ф. В. 1905 № 2, 247 с. опредѣляетъ «старославянскій ъ», т. е. др.-ц.-сл., какъ «очень передній мягконебный, нѣсколько опущенный высокій, сопровождаемый умѣренной лабіализаціей (lowered high back round)», хотя участіе губъ въ современномъ болгарскомъ ъ сомнительно, ср. Arch. 20, 589—590 с.с. Вондракъ Vergl. Gr. I. 134—135 сравниваетъ прасл. ъ съ тѣмъ гласнымъ, который слышится въ англ. bird (mixed, low), но предполагаетъ нѣкоторую оттяжку языка назадъ и легкій подъемъ къ нёбу («es wurde aber wohl die Zunge etwas zurückgezogen und gegen den weichen Gaumen ein wenig gehoben: ein Überbleibsel des u, aus welchem das ъ eben entstanden war)». Съ этимъ предположеніемъ можно, кажется, согласиться, имѣя въ виду аналогичное передвиженіе артикуляціи изъ задненебнаго въ средненебное при прасл. *у* изъ индо-евр. ū. Подъемъ языка слѣдуетъ предположить средній или пониженный высокій, имѣя въ виду то-же u, изъ котораго получился прасл. ъ.

Въ эпоху, предшествовавшую распаденію прасл. языка, въ артикуляціи ъ въ отдѣльныхъ говорахъ необходимо предположить болѣе или менѣе значительныя колебанія,

Прасл. ь, имѣя въ виду его происхожденіе изъ индо-евр. i и рефлексы въ отдѣльныхъ слов. языкахъ, должно себѣ представить, какъ гласный передняго ряда пониженно высокій или средняго подъема.

§ 9. Сонорные r, l существовали въ прасл. какъ въ функціи согласныхъ въ словахъ: trava, chvala и т. п., такъ и въ функціи гласныхъ, т. е. прасл. языкъ имѣлъ слогообразующіе r̥, l̥.

Слоговые r̥, l̥, повидимому, были извѣстны праславянскому языку въ сочетаніяхъ съ неслоговыми ъ, ь между согласными, причемъ ъ, ь неслоговые предшествовали слоговымъ r̥, l̥, т. е. все сочетаніе имѣло видъ tъr̥t, tьr̥t, tъl̥t, tьl̥t, гдѣ t обозначаетъ любой согласный.

Изъ этихъ прасл. сочетаній происходятъ русскія ор, ер, ол въ словахъ *горбъ, червь, долгъ* и т. п. На эти прасл. сочетанія указываетъ сопоставленіе приведенныхъ русскихъ сочетаній съ чешскими, др.-ц.-славянскими и южно-славянскими соотвѣтствіями.

Русскому ор, ол, ер въ юго-славянскихъ и чешскомъ языкахъ соотвѣтствуетъ слоговое r, l: ср., напр., русск. *горло* и сербское gȑlo, русск. *волкъ* и чеш. vlk со слоговымъ l. Очевидно, въ чешскомъ и сербскомъ языкахъ ъ, ь въ сочетаніяхъ ъr̥, ьr̥, ъl̥, ьl̥ исчезли, въ русскомъ же языкѣ r̥ и l̥ потеряли свое слоговое качество, а ъ и ь изъ неслоговыхъ стали слоговыми и позже перешли въ о, е.

На слоговое качество r̥, l̥ въ указанныхъ сочетаніяхъ ихъ съ ъ, ь указываютъ и факты др.-ц.-сл. языка: ср. ниже, § 71.

Долгими, а діалектически, быть можетъ, и слоговыми были прасл. r, l въ сочетаніи съ предшествующимъ е или о предъ согласнымъ: golva, golsъ, gordъ, bergъ съ долгими r, l или же gol̥va, gol̥sъ, gor̥dъ, ber̥gъ,— изъ коихъ получились русскія полногласныя формы: *голова*, *голосъ* и т. д. Въ литовскомъ этимъ прасл. сочетаніямъ or, ol соотвѣтствуютъ сочетанія съ тѣмъ же порядкомъ звуковъ: galvà, garsas съ ˜ на r и т. п.

Сонорные r, l, n въ функціи согласныхъ могли быть въ прасл. твердыми и мягкими (палатальными) r', l', n', ср. § 57.

§ 10. Смягченными (въ положеніи предъ j) были также согласные губные p, b, v, m и зубные t, d при твердыхъ p, b, v, m, t, d. Заднебные k, g, ch въ прасл. были только твердыми; наоборотъ, š, ž, č, ǧ (dž) были смягченными. Смягченными нужно признать и прасл. c, dz, (см. ниже § 54—55). Согласный z въ прасл. позднѣйшей эпохи былъ твердымъ, въ сочетаніи же съ j давалъ ž'. Согласный s могъ быть твердымъ и мягкимъ въ извѣстныхъ случаяхъ, о которыхъ см. ниже (§ 54 — 55). Согласный j былъ палатальнымъ по самой своей природѣ.

Относительно v должно замѣтить, что прасл. языку во всякомъ случаѣ было извѣстно, хотя быть можетъ и не исключительно, билабіальное (чисто губное) v: такое v, вѣроятно, получалось первоначально изъ неслогового u (u̯) въ праславянскомъ сочетаніи ou̯ предъ гласнымъ (nova изъ индо-евр. neu̯ā) и изъ u̯, развивавшагося на праслов. почвѣ предъ нѣкоторыми гласными въ началѣ слова (ср. § 58). Нѣкоторые слов. языки, а именно русскій, южно-славянскіе, во всякомъ случаѣ даютъ ясныя

указанія на билабіальное v или же ṷ на мѣстѣ губнозубного v западнослов. языковъ.

Примѣчаніе. Ср. Кульбакинъ «Спирантъ v въ словянскомъ языкѣ» въ Сборникѣ въ честь М. С. Дринова, Харьковъ 1905, 221—236; ср. Вондракъ Vergl. Sl. Gr. I т. 282—283 с.с.; Улашинъ Rocznik slaw. I т. 152—156 с.с.

§ 11. Гласные прасл. языка въ эпоху, предшествовавшую распаденію его, могли быть, вообще говоря, одни—краткими (о, е), другіе—долгими и краткими, хотя по происхожденію своему изъ индо-европейскихъ послѣдніе были исключительно долгими: нельзя отрицать возможности сокращенія въ извѣстныхъ условіяхъ первоначально долгихъ гласныхъ уже въ прасл. эпоху. При этомъ въ долгихъ гласныхъ подъ удареніемъ различались два вида долготы: восходящая и нисходящая. На двоякое качество долготы, полученное словянскимъ языкомъ изъ и.-евр. праязыка, указываютъ и другіе и.-евр. языки, имѣющіе такое различіе (др.-греческій, балтійскіе) и нѣкоторые изъ живыхъ слов. языковъ, сохранившіе различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ и различное качество долготы подъ удареніемъ до сихъ поръ, хотя это различіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ старому праслов. различію (сербскій, словинскій).

Удареніе въ прасл. было свободнымъ, т. е. могло быть въ различныхъ словахъ на различныхъ слогахъ, какъ въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ и чакавскомъ нарѣчіи сербскаго языка: такое совпаденіе и въ основномъ принципѣ ударенія, и въ мѣстѣ его въ отдѣльныхъ словахъ (чак. trāvà и русск. трава́, чак. lopàta и р. лопа́та, чак. mudràc и р. мудре́цъ и т. д.) между чакавскимъ и русскимъ не можетъ быть случайностью и должно быть разсматриваемо, какъ наслѣдіе прасл. эпохи.

Отношеніе праславянскихъ звуковъ къ индо-европейскимъ. *)

Сопоставленіе прасл. звуковъ, возстановляемыхъ сравненіемъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ со звуками другихъ индо-европ. языковъ въ словахъ, этимологически тожественныхъ, выясняетъ слѣдующее отношеніе первыхъ къ послѣднимъ.

§ 12. Прасл. *о* восходитъ къ и.-евр. а и о. 1) Прасл. о изъ индоевр. а: прасл. *osь (др.-ц.-сл. **ось**, р. ось), ср. лит. ašis; греч. *ἄξων*, лат. axis, прасл. *vonja (др.-ц.-сл. **вонꙗ**, р. вонь), ср. греч. *ἄνεμος* (*вѣтеръ*), лат. animus (*душа*); 2) прасл. о изъ и.-евр. о: прасл. *oko (др.-ц.-сл. **око**, р. око), ср. лат. oculus (*глазъ*), греч. *ὄσσε* (дв. ч., *очи*).

---

*) Въ древне-инд. формахъ по условіямъ типографскаго характера палатальное Š обозначено знакомъ Ś, церебральное Š простымъ Š (безъ точки подъ буквой).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прасловянскому *о* въ др.-инд. и др.-ир. соотвѣтствуетъ не *a*, какъ въ 1) и 2): ось—др.-инд. ákša-s,—но i: ср. прасл. *stoję—*stojati и др.-инд. sthitá-s (стоящій), лат. status, греч. *στατός*, или прасл. *sporъ (др.ц-сл. **споръ**, р. спóрный, спóро—одного корня съ *спѣть, спѣлый*) и др.-инд. sphirá-s (богатый, большой).

Въ этихъ случаяхъ предполагаютъ индо-евр. гласный ə, какъ полушопотный гласный (Murmelvocal), являвшійся ослабленіемъ гласныхъ ē, ō, ā.

Примѣчаніе. Ср. о полушопотныхъ гласныхъ у Томсона, Общ. языков. 1 изд. 167 с.

Наконецъ, гласный о является въ праслов. на мѣстѣ болѣе древняго ė въ сочетаніи eu предъ гласными, ср. § 20. Соотвѣтствуя индо-евр. *a*, слов. *о* передаетъ также *a* другихъ языковъ въ заимствованныхъ словахъ: такъ, др.-ц.-сл. **олътарь** передаетъ лат. altare, др.-ц.-слов. **попъ** — др.-в.-н. pfaffo; др.-ц.-сл. **поганинъ**—лат. paganus; др.-ц.-слов. **обръ** — лат. avarus, греч. *ἄβαρ* (названіе народа); ср. также др.-ц.-сл. **оцьтъ**, пол. и чеш. ocet—лат. acetum. Очевидно изъ этихъ сопоставленій, что словянское *о* искони было звукомъ открытымъ, близкимъ къ латинскому *a*, тогда какъ иноязычное *о* было сравнительно со словянскимъ *о*—звукомъ болѣе закрытымъ.

§ 13. Прасл. *a* восходитъ къ и.-евр. ā и ō. 1) Прасл. *a* изъ и.-евр. ā: прасл. *mati (др.-ц.-сл. **мати**, р. мать); ср. латыш. māte, др.-и. mātár-, греч. (дорич.) *μάτηρ*, лат. māter, слѣд. индо-евр. *māter—; прасл. *bają (др.-ц.-сл. **баѭ—баіати**, рус. баю; баять), ср. греч. (дор.) *φαμί* (говорю), лат. fāma (*молва*), fāri (*говорить*); прасл. *stā (др.-ц.-слов. **стати, станъ**, рус. стать, станъ), ср. др.-и. sthāna-m (*стоянка*), лат. stāre (*стоять*). 2) Прасл. *a* изъ индоевр. ō: прасл. *dati (др.-ц.-слов. **дати**, р. дать), ср. греч. *δί-δωμι* (*даю*), лат. dōnum (*даръ*), лит. dûti.

Примѣчаніе. Относительно гипотезы двухъ и.-евр. o (o и å) ср. Pedersen K. Z. 36 т. 86 и сл., 101 и сл.; Meillet M. S. L. 8, 153 и сл.; Brugmann K. V. Gr. 74 с. § 103 прим., 76 с. § 109 прим.

Кромѣ того, гласный *a* является на словянской почвѣ, какъ удлиненіе гласнаго *о*: прасл. *obnavjati при *obnoviti.

§ 14. Прасл. *e* соотвѣтствуетъ индо-евр. e: прасл. *berą (др.-ц.-сл. **берѫ**, р. беру), ср. греч. *φέρω* (*несу*), лат. fero (*несу*), прасл. *vezą (др.-ц.-сл. **везѫ**, р. везу), ср. лат. veho, лит. vežù. О прасл. e изъ o послѣ мягкихъ неслоговыхъ ср. § 57.

§ 15. Прасл. ě соотвѣтствуетъ и.-евр. ē съ одной стороны и и.-евр. дифтонгамъ ai, oi съ другой стороны (одинаково,—съ ā, ō или съ a, o). 1) Прасл. ě изъ и.-евр. ē: прасл. *sěmę (др.-ц.-сл. **сѣмѧ**, р. сѣмя), ср. лат. sēmen, лит. sémens (plur.); прасл. *spěti (др.-ц.-сл. **спѣти**, р. спѣть), ср. лат.

spēs (*надежда*), лит. spëti (со значеніемъ нашего—*поспѣть куда-нибудь, быть проворнымъ*). 2) Прасл.: ě изъ дифтонга: прасл. *sněgъ (др.-ц.-сл. снѣгъ, р. снѣгъ), ср. лит. snaigýti infin. (нѣм. schneien), гот. snaiws (*снѣгъ*); прасл. *věd—(др.ц.-сл. вѣдѣ), ср. греч. *οἶδα* (*знаю*); прасл. *lěvъ (др.-ц.-сл. лѣвъ, рус. лѣвый), ср. греч. *λαι(ϝ)ός*, лат. laevus.

§ 16. Прасл. ь обычно соотвѣтствуетъ и.-евр. i: прасл. *čьto—лат. quis (*кто*), прасл. *mьzda—греч. *μισθός* (*плата*), прасл. *vьdova—лат. vĭduā. Кромѣ того ь находимъ въ сочетаніи съ r, l, m, n въ соотвѣтствіи и.-евр. слоговымъ r̥, l̥, m̥, n̥. По вопросу объ ь изъ слоговыхъ m̥, n̥, ср. § 46, 47. При этомъ ь было неслоговымъ въ сочетаніи ьr, ьl (ъr, ъl)+согласный и, наоборотъ, слоговымъ въ положеніи предъ гласнымъ (ср. § 36). Слоговымъ было ь (или ъ) въ сочетаніи ьm, ьn (ъm, ъn)+гласный; въ положеніи же предъ согласнымъ сочетаніе ьm, ьn (ъm, ъn) измѣнялось въ носовой гласный (ср. § 46).

Необходимо замѣтить, что сочетаніямъ tьr̥t, tьl̥t прасл. языка въ литовскомъ соотвѣтствуютъ tirt, tilt. Эти сочетанія литовскаго и прасл. языка возводятъ къ индо-европ. слоговымъ r̥, l̥ и такъ-же прасл. ьn, ьm (и получившіеся изъ этихъ слоговъ въ положеніи предъ согласнымъ носовые гласные)—къ и.-евр. слоговымъ m̥, n̥. Въ отличіе отъ большинства западныхъ ученыхъ Фортунатовъ и Шахматовъ предполагаютъ въ данныхъ случаяхъ и.-евр. сочетанія *α*r̥, *α*l̥ и *α*m̥, *α*n̥, т. е. сочетанія плавныхъ и носовыхъ r̥, l̥, m̥, n̥ съ «неслоговой ирраціональной гласной, явившейся въ результатѣ сокращенія слоговой гласной о или е»; подъ терминомъ «ирраціональный» Ф. и Ш. подразумѣваютъ гласный редуцированный въ количественномъ отношеніи, болѣе краткій сравнительно съ другими краткими гласными. Такія и.-евр. сочетанія *α*r̥, *α*l̥ Ф. предполагаетъ и предъ гласными, причемъ за слоговымъ плавнымъ развивался плавный неполнаго образованія: g*α*r̥ʳāti.

Наконецъ, Ф. предполагаетъ существованіе слогового ирраціональнаго *α* въ сочетаніи съ согласными: k*α*tur—, *α*zdhi (греч. *πίσυρες*, *ἴσθι*).

Въ балтійско-словянскую эпоху, по мнѣнію Фортунатова, и.-евр. *α* слоговое и *α* неслоговое совпали *по качеству* звука, т. е. въ балтійскихъ языкахъ изъ *α* слогового, какъ и изъ *α* неслогового, получились i и u, а въ слов. языкахъ ь и ъ. Ср. о сочетаніяхъ ь (ъ) съ плавными и носовыми также въ § 22, 23.

Примѣчаніе. Фортунатовъ «Phonetische Bemerkungen».... Arch. XI, 569 и сл.; «Индо-европейскія плавныя согласныя въ древне-индійскомъ языкѣ» Χαριστήρια 1896; «Ueber die schwache Stufe der uridg. 'a'—Vocale K. Z. XXXVI (1898), 38 и сл.; Ляпуновъ, Изслѣдованіе 245 и сл.; Шахматовъ, «Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ» 1903 г.,

1—8 с.с. или Изв. VII, 1 кн. 280 и сл.; Brugmann K. V. Gr. 121 и сл.; Vondrák V. Sl. Gr. I, 326 и сл.

Объ ь изъ ъ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ ср. § 57; объ ь изъ сочетанія i+m, n—§ 47; объ ь изъ е въ положеніи предъ j—§ 57.

§ 17. Прасл. *i* соотвѣтствуетъ съ одной стороны и.-евр. ī, а съ другой—и.-евр. дифтонгамъ: oi (ai, ōi, āi), ei (ēi). 1) Прасл. i изъ и.-евр. ī: прасл. *ǧivъ (др.-ц.-сл. живъ, р. живъ), ср. лит. gývas, др.-и. jīvás, лат. vīvus изъ болѣе древняго vīvos; прасл. *viti (др.-ц.-сл. вити, р. вить), ср. лит. výti (*плести*), лат. vītis (*вьющееся растеніе*). 2) Прасл. i изъ и.-евр. ei: прасл. *vidъ (др.-ц.-сл. видъ, р. видъ), ср. лит. veidas (*лицо*); прасл. *iti (др.-ц.-сл. ити, рус. идти), ср. греч. εἶμι (*пойду*), лит. eĩti. 3) Прасл. i изъ дифтонга oi: прасл. *beri (др.-ц.-сл. бери, р. бери—повел. н.), ср. греч. φέροις; прасл. *stoli n. pl. отъ *stolъ (др.-ц.-сл. столи—им. мн. ч.), ср. лит. stalaĩ и оконч. oi въ греч. ἄνθρωποι. 4) Прасл. i изъ дифтонга oi послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: ср. § 49, 57.

Кромѣ того прасл. i находимъ 5) въ соотвѣтствіи и.-евр. ū послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, параллельно прасл. *y* изъ ū послѣ твердыхъ согласныхъ: прасл. *šiti—лит. siúti; 6) въ началѣ слова изъ *jь и *jъ ср. § 57; 7) какъ удлиненіе i, т. е. ь на словянской почвѣ: *čitati, ср. čьtǫ 1. s. praes. Объ i изъ i носового ср. § 45.

§ 18. Прасл. ъ представляетъ рефлексъ и.-евр. u: прасл. blъcha, др.-ц.-сл. блъха, рус. *блоха*—лит. blusà; прасл. *dъkti, др.-ц.-сл. дъшти, р. *дочь*—лит. duktė̃, др.-инд. duhitár-; прасл. *snъcha, др.-ц.-сл. снъха—греч. νυός, др.-и. snušā, др.-в.-н. snur, лат. nurus. О прасл. ъ изъ индоевр. o въ конечномъ закрытомъ слогѣ—въ § 50. Слов. ъ находимъ также на мѣстѣ иноязычнаго u въ заимствованныхъ словахъ: kъnędzь—др.-в.-н. kuning; слов. istъba, р. изба—др.-в.-н. stuba.

§ 19. Прасл. *y* обычно является въ соотвѣтствіи и.-евр. ū: прасл. byti (др.-ц.-сл. быти, р. *быть*)—лит. búti, греч. ἔφυ (*онъ росъ*); прасл. *dymъ (др.-ц.-сл. дымъ, р. *дымъ*)—лит. dúmai, др.-и. dhūmás, греч. θυμός (*духъ*), лат. fūmus (дымъ); прасл. *myšь—греч. μῦς, лат. mūs. Точно такъ-же гласный *y* находимъ въ словянскихъ языкахъ на мѣстѣ ū иныхъ языковъ въ древнѣйшихъ словянскихъ заимствованіяхъ: такъ, чешское pytel (мѣшокъ), польское pytel—род. п. pytla (сито, рѣшето) заимствовано изъ ст.-нѣм.: pûtil (ср. соврем. нѣм. Beutel), и гласный *y* передаетъ нѣм. û; др.-ц.-сл. хыжа, тынъ взяты также изъ нѣм.: гот. hūs (новонѣм. Haus), др.-норд. tūn, др.-в.-нѣм. zūn (совр. нѣм. Zaun).

Слов. *y* въ заимствованныхъ словахъ получилось также на мѣстѣ иноязычнаго ō: такъ изъ rōm получилось rūm, отсюда rymъ и наконецъ rimъ; такъ-же готскому mōta соотвѣтствуетъ словянское myto, ср. ц.-сл.

мытарь. Если, однако, слово съ ō переходило въ словянскій языкъ позже той эпохи, когда всякое ū переходило въ *у*, то на мѣстѣ этого ō въ заимствованныхъ словахъ мы находимъ u: гот. bōka—др.-церк.-слов. коукы, боукъке.

Кромѣ того прасл. *у* является удлиненнымъ ъ: *posylati ср. *sъlati и т. п. О прасл. *у* изъ сочетаній съ носовымъ согласнымъ (un, ōn, ons) ср. § 45, 47.

§ 20. Прасл. u всегда восходитъ къ и.-европ. дифтонгу ou, au, eu. При этомъ въ соотвѣтствіи ou, au является u; въ соотвѣтствіи же eu—u съ предшествующей мягкостью: прасл. *suchъ—лит. sausas, греч. *αὖος* изъ **σαυσος*, прасл. *ucho—лит. ausìs, лат. auris; прасл. *bljudǫ—греч. *πεύθομαι*, прасл. *ljubъ—гот. liubs изъ *leubhos. Ср. по этому вопросу Joh. Schmidt K. Z. XXIII, 352 и сл.; Berneker I. F. X, 145 и сл.; Zupitza Die germanischen gutturale 145 с.; K. Z. 40, 250 и сл.; Ильинскій Arch. XXIX, 481 с.; Vondrák V. Sl. Gr. I, 15, 97—100; Leskien Gr. d. altb. Spr. 13—14; Миккола Roczn. Sl. I, 9 с.; ср. § 39, 52.

Монофтонгъ u (ju) получился въ прасл. изъ дифтонга предъ согласнымъ и въ концѣ слова, предъ гласнымъ же, какъ изъ ou, au, такъ обычно и изъ eu получалось сочетаніе ov: ср. прасл. *novъ—греч. *νέος* (*νεϝος*) изъ и.-евр. *neu̯os; прасл. *plovǫ—греч. *πλέω* изъ *πλεϝω*, прасл. *slovo — греч. *κλέος* (*вѣсть, слухъ*) изъ *κλέϝος*.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ соотвѣтствіи и.-евр. eu въ слов. находимъ u, а не ju, оно объясняется нефонетически: прасл. *pluti,—ср. греч. *πλεϝω*,—могло явиться подъ вліяніемъ *plovǫ (praes.), такъ-же *sluti подъ вліяніемъ *slovǫ. И, наоборотъ, вмѣсто закономѣрнаго,—въ силу измѣненія «eu+гласный» въ «ou+гласный»,—*rovǫ при*ŕuti и подъ его вліяніемъ явилось *revǫ; ср. Meillet M. S. L. XIV, 354—355 с.с., Leskien Gr. d. altb. Spr. 14 с.

Что касается дифтонговъ съ долготой перваго элемента, т. е. āu, ōu, ēu, то они въ словянскомъ, повидимому, очень рано сократили свою первую часть и совпали съ au, ou, eu; Brugmann KVGr. § 146. Ср. др.-и. áśrāuṣ̌am и др.-ц.-сл. послоухъ,—аористъ отъ корня k̑leu—. Не совпало только ēu съ eu въ положеніи предъ гласнымъ, такъ какъ не переходило въ ou и давало ĕv: ср. прасл. *sĕv-erъ и лит. šiau-rys.

О слов. u въ заимствованныхъ словахъ на мѣстѣ ō другихъ языковъ ср. § 19.

§ 21. Прасл. ǫ, ę имѣютъ своимъ соотвѣтствіемъ и.-евр. сочетанія *гласный+носовой* или же слоговой носовой m̥, n̥ (по Фортунатову *α*m̥, *α*n̥ ср. выше § 16).

Такъ, праславянскому ǫ отвѣчаютъ и.-евр. сочетанія on, om, an, am предъ согласнымъ и и.-евр. ām въ конечномъ слогѣ слова: ср. прасл. *rǫka (др.-ц.-сл. рѫка, р. *рука́*) и лит. rankà, прасл. *zǫbъ (др.-ц.-слов. зѫбъ, рус. *зубъ*)—ср. греч. *γόμφος* (*болтъ, гвоздь*); прасл. *berǫtь (др.-ц.-сл. берѫтъ, др.-рус. *берутъ*), ср. греч. (дор.) *φέροντι* (*несутъ*); прасл. *ǫglъ (др.-ц.-сл. ѫглъ, р. *уголъ—угла*),—лат. angulus; прасл. окончаніе acc. s. f. a—основъ: ǫ—изъ и.-евр. ām,—ср. прасл. *rǫkǫ, *vodǫ, *ženǫ и т. д. (др.-ц.-сл. рѫкѫ, водѫ, женѫ,—р. *руку, воду, жену*)—лат. aquam, греч. *χώραν*.

Вопросъ о прасл. ǫ изъ слоговыхъ m̥, n̥, а также изъ сочетаній um, un является спорнымъ: ср. § 45, 46.

Прасл. ę восходитъ 1) къ и.-евр. сочетаніямъ em, en; 2) къ и.-евр. ēm, ēn; 3) къ слоговымъ m̥, n̥ (или *α*m̥, *α*n̥). Такъ 1) прасл. *pętь (др.-ц.-сл. пѧть, р. *пять*), ср. съ лит. penkì, греч. *πέντε*; прасл. *svętъ (др.-ц.-сл. свѧтъ, р. святъ), ср. лит. šventas; прасл. *jętro (др.-ц.-сл. ѩтро—печень), ср. съ греч. *ἔντερα* (*внутренности*). 2) Прасл. *mę, *tę, *sę (др.-ц.-сл. мѧ, тѧ, сѧ, р. мя, тя,—ся), ср. съ др.-инд. mām изъ *mēm и tvám. 3) Прасл. *desętъ (др.-ц.-сл. десѧтъ, рус. *десять*), ср. съ лит. dešim̃tas, греч. *δέκατος*, гот. taihunda; прасл. *pa-mętь (др.-ц.-сл. памѧть, р. *память*), ср. съ лит. at-mintis изъ и.-евр. *mn̥ti-s.

Что касается вопроса о прасл. ę изъ и.-евр. сочетаній im, in, то онъ является спорнымъ: ср. § 45; объ ę изъ jon- ср. § 47.

По отношенію къ прасл. ę, какъ рефлексу и.-евр. слогового m̥, n̥ или, какъ предполагаетъ Фортунатовъ, и.-евр. сочетанія *α*n̥, *α*m̥, должно замѣтить нижеслѣдующее.

И.-евр.-ie m̥, n̥ (*α*m̥, *α*n̥) предполагаются въ соотвѣтствіи др.-и. a, an, am, греч. *α, αν, αμ*, лат. en. Въ литовскомъ въ этихъ случаяхъ находимъ in, im, въ прасл. предъ гласнымъ ьm, ьn (др.ц.-сл. жьмѫ). Сопоставленіе съ литовскимъ позволяетъ думать, что на мѣстѣ и.-евр. m̥, n̥ или *α*m̥, *α*n̥ вообще говоря являлось первоначально ьm, ьn, что прасл. ę на мѣстѣ и.-евр m̥, n̥ (*α*m̥, *α*n̥) явилось такимъ образомъ непосредственно изъ ьm, ьn, со слоговымъ ь и неслоговымъ m, n.

Шахматовъ объясняетъ образованіе гласнаго носового на мѣстѣ и.-евр. сочетанія *α*m̥, *α*n̥ именно измѣненіемъ неслогового первоначально *α* (ср. § 16) въ слоговое и, наоборотъ, m̥, n̥ въ неслоговые: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи...» 1903, 4 с. Такимъ образомъ, повидимому, должно принимать потерю слоговыми m̥, n̥ своего слогового качества одинаково для словянскаго, какъ и для балтійскаго праязыка: весьма возможно, что эта потеря относится именно къ эпохѣ балтійско-словянскаго единства, если только таковая существовала. Далѣе

должно замѣтить, что слоговые m̥, n̥ въ индо-евр. могли быть, вѣроятно, долгими или краткими: и.-евр. n̥̄ предполагаютъ въ соотвѣтствіи др.-инд. ā, ān, греч. *να*, лат. nā, и.-евр. n̥ (*an̥*)—въ соотвѣтствіи др.-инд. a, an, греч. *α*, *αν*, лат. en. Это количественное различіе въ слоговыхъ m̥, n̥ отражается и въ литовскомъ, и въ словянскомъ, но отражается въ качествѣ долготы подъ удареніемъ: въ литовскомъ на мѣстѣ n̥ находимъ in съ ˜ на n, а на мѣстѣ n̥̄—ìn. Въ сербскомъ въ соотвѣтствіи n̥ предъ согласнымъ находимъ ȇ, т. е. рефлексъ прасл. носового ę—долгое e съ нисходящимъ удареніемъ; на мѣстѣ же предполагаемаго и.-евр n̥̄ въ сербскомъ находимъ ȅ, т. е. рефлексъ прасл. носового ę съ краткимъ удареніемъ (нисходящимъ). Но сербское удареніе краткое нисходящее на гласныхъ, исконно долгихъ, какъ ę, означаетъ сократившійся на сербской почвѣ прасл. долгій гласный съ *восходящимъ* характеромъ долготы подъ удареніемъ. Такимъ образомъ, и.-европ. n̥ являлось, повидимому, въ прасл. въ видѣ ę съ нисходящей долготой, а и.-евр. n̥̄—въ видѣ ę съ восходящей долготой.

Примѣры: прасл. *čęstь съ нисходящей долготой подъ удареніемъ,—(ср. серб. čȇst, čésta, čȇsto),—съ ę изъ и.-евр. m̥ (*am̥*): ср. лит. kim̃štas (*набитый, начиненный*); прасл. *žęti съ восходящей долготой подъ удареніемъ (ср. серб. žȅti) изъ и.-евр. n̥̄ (*an̥*): ср. лит. gìnti (*оборонять, защищать*), др.-инд. ghātas (*ударъ, убійство*).

Въ словахъ, заимствованныхъ словянскимъ изъ другихъ языковъ, находимъ ǫ на мѣстѣ иноязычнаго an, am: ср. др.-ц.-сл. хѫдогъ—готск. handugs (мудрый), а также на мѣстѣ un: др.-ц.-сл. ѫгринъ—ungarus.

Словянское ę въ заимствованныхъ словахъ является на мѣстѣ иноязычнаго im, in: ср. ниже, § 45.

Примѣчаніе. Иное дѣло—болѣе позднія заимствованія, полученныя отдѣльными словянскими языками: такъ, въ русскомъ языкѣ на мѣстѣ иноязычнаго an, am являлось не ǫ, но ę, которое, вѣроятно, произносилось, какъ носовое ä; отсюда затѣмъ получилось 'а: костятинъ въ Остр. Ев. изъ греч. Κωσταντῖνος. фрѧгъ изъ φράγκος. Конечно, ѧ читалось въ этихъ словахъ, какъ *я*: фрягъ, ср. фряжскій. Фасмеръ, «Греко-славянскіе этюды» III, 1909, 7 с.

§ 22. Прасл. сонорные r, l, которые были извѣстны прасл. языку какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ употребленіи (ср. выше, § 16), восходятъ къ и.-евр. r, l: ср. др.-и. bhárāmi, греч. *φέρω*, лат. fero, прасл. *berǫ (др.-ц.-сл. берѫ, р. беру); др.-и. srávati (*онъ течетъ*), др.-в.-нѣм. stroum, лит. sravěti ср. съ др.-ц-сл. острогъ; греч. *λείπω*, лат. linquo, лит. lěkù (*оставляю*), прасл. *lěk—: ср. др.ц.-сл. отълѣкъ (*остатокъ*); гр. *ὀμίχλη*, лит. miglà, прасл. *mьgla: ср. др.-ц.-сл. мьгла, р. *мгла*.

Прасл. r въ сочетаніи съ ь (ъ) восходитъ къ и.-евр. слоговымъ r̥, l̥ или, какъ предполагаетъ Фортунатовъ, къ и.-евр. сочетаніямъ *ar̥*, *al̥* (ср. выше § 16). Эти индо-евр. r̥, l̥ или же *ar̥*, *al̥*, судя по параллельнымъ показаніямъ литовскаго языка, гдѣ имѣемъ на ихъ мѣстѣ ir, ur, il, ul, дали въ прасл. сочетанія ьr (ъr), ьl (ъl), въ коихъ ь (ъ) было слоговымъ, а r, l неслоговыми. Эти сочетанія и сохранялись въ такомъ видѣ въ прасловянскомъ и были получены отдѣльными словянскими языками *въ положеніи предъ гласнымъ*, но въ положеніи предъ согласнымъ r, l въ этихъ сочетаніяхъ стали слоговыми, ь же стало неслоговымъ.

Примѣчаніе. Фортунатовъ и Шахматовъ, исходя изъ формулы *ar̥*, *al̥*, допускаютъ, что еще въ балтійско-словянскую эпоху *a* въ этихъ сочетаніяхъ стало слоговымъ, а r̥, l̥ такъ-же, какъ и m̥, n̥ въ сочетаніяхъ *am̥*, *an̥*—неслоговыми. Шахматовъ, op. cit. (Къ исторіи....), 4 с.

Такимъ образомъ, между слоговымъ характеромъ и.-евр. r̥.-l̥ (*ar̥*, *al̥*) и слоговымъ характеромъ r, l въ прасл. сочетаніяхъ tьr̥t, tьl̥t, т. е. въ случаяхъ ьr̥, ьl̥ между согласными нѣтъ непосредственной связи: ихъ раздѣляетъ ступень съ r, l неслоговыми.

И.-евр. слоговое r̥, l̥, какъ и m̥, n̥, (все равно, предполагать ли ихъ въ сочетаніи съ неслоговымъ *a* или же безъ него), были краткими и долгими. Это количественное различіе отразилось и въ словянскихъ языкахъ: на мѣстѣ и.-евр. r̥ или *ar̥* (l̥ или *al̥*) предъ согласнымъ (др.-инд. r̥, авест. ər, греч. *αρ*, *ρα*, лат. or) — въ сербскомъ находимъ слоговое r̥ l̥ (или его замѣну u, o) съ нисходяще-долгимъ удареніемъ: ȓ; на мѣстѣ же и.-евр. r̥̄ или *ar̥̄*, l̥̄ (или *al̥̄*) (др.-инд. īr, ūr, авест. ar, греч. *ρω*, лат. rā)—въ сербскомъ имѣемъ r, l (или его замѣну u, o) съ краткимъ нисходящимъ удареніемъ: ȑ. Въ литовскомъ въ первомъ случаѣ (и.-евр. r̥, l̥) находимъ сочетанія ir, il съ ˜ на r, l, а во второмъ случаѣ (и.-евр. r̥̄, l̥̄)—сочетанія ìr, ìl.

Примѣры: прасл. *vьl̥kъ (др.-ц.-сл. влькъ, р. волкъ)—въ серб. vȗk изъ vl̥kъ, ср. съ лит. vilkas; прасл. *čьr̥nъ (др.ц.-сл. чрьнъ, р. *чернъ*)—въ серб. cȓn (n. s. f. cȓna), ср. съ др.-прусск. kirsna (черный); съ другой стороны: прасл. *zьr̥no (др.-ц.-сл. зрьно, р. зерно) — серб. zȑno, ср. съ лат. grānum, лит. žìrnis.

Сербское удареніе въ zȑno и т. п. представляетъ сокращеніе старой праслов. долготы восходящаго характера: ср. серб. кра̀ва=р. коро́ва при серб. гла̑с=р. го́лосъ. Наоборотъ, сербское удареніе въ cȓn, vȗk представляетъ сохраненіе старой праслов. долготы нисходящаго характера подъ удареніемъ (ср. выше, § 21). Такимъ образомъ, и.-евр. r̥, l̥ (*ar̥*, *al̥*) являлись въ праслов. предъ согласными въ видѣ дифтонгическихъ сочетаній ьr, ьl съ нисходящимъ видомъ долготы подъ удареніемъ, а и.-евр.

r̥, l̥ (αr̥, αl̥)—въ видѣ сочетаній ьr, ьl съ восходящимъ видомъ долготы подъ удареніемъ.

Примѣчаніе. Шахматовъ предполагаетъ удлиненіе и.-евр. r̥, l̥ краткихъ въ положеніи предъ согласнымъ въ балтійско-словянскую эпоху, причемъ дифтонгическое сочетаніе ir (ьr) изъ и.-евр. αr̥ имѣло другую долготу, чѣмъ ir (ьr) изъ и.-евр. αr̥. op. cit. Къ исторіи и т. д., 4 с.

§ 23. Сонорные m, n праслов. языка восходятъ къ и.-европ. m, n: прасл. *merti (др.-ц.-сл. мрѣти, р. *мереть*), ср. съ лит. mirti, др.-инд. mr̥ti-š (смерть), лат. morior; прасл. *zima (др.-ц.-сл. зима, р. *зима*), ср. съ лит. žëmà (зима), др.-и. héman (зимой), греч. χεῖμα (буря); прасл. *nagъ (др.-ц.-сл. нагъ, р. *нагъ*), ср. съ лит. nů́gas, лат. nūdus; прасл. *ognь (др.ц.-сл. огнь, р. *огонь*), ср. съ лит. ugnìs др.-и. agniš, лат. īgnis.

Въ извѣстныхъ случаяхъ праслов. m, n (неслоговые) восходятъ къ и.-евр. m̥, n̥, а именно въ сочетаніяхъ ьm, ьn, получившихся изъ и.-евр. m̥, n̥ (αm̥, αn̥)—въ положеніи предъ гласными. Въ положеніи предъ согласными неслоговые n, m исчезли, слившись съ предшествовавшими гласными въ одинъ носовой гласный (ср. выше, § 16).

§ 24. Губные взрывные p, b являются въ прасл. на мѣстѣ и.-евр. 1) p, 2) b, 3) ph, 4) bh, т. е. въ словянскихъ взрывныхъ губныхъ p, b совпали и.-евр. взрывные губные и взрывные губные придыхательные (аспирація сохранена въ др.-инд. языкѣ и въ греч., гдѣ ph, bh>φ): ср. 1) прасл. *plovǫ (др.-ц.-сл. плов҄ѫ, р. *плыву*) и др.-и. plávatē (онъ плыветъ), греч. πλέω, лат. pluit, лит. pláuju (мою); 2) прасл. *dobrъ (др.-ц.-сл добръ, р. *добръ*), лат. faber, др.-в.-н. tapfar; 3) др.-ц.-сл. полица (*шестъ, жердь*)—др.-инд. phálaka-m (доска), греч. σφέλας (скамейка для ногъ) Brugmann K. V. Gr. 252 с.; 4) прасл. *bojati sę (др.-ц.-сл. боıати сѧ, рус. *бояться*)—др.-инд. bháya-tē (онъ боится); прасл. *byti (др.-ц.-сл. быти, р. быть)—лит. búti, др.-и. bhū-.

§ 25. Зубные взрывные t, d, подобно губнымъ p, b—представляютъ рефлексы какъ и.-евр. 1) t, 2) d, такъ и и.-евр. придыхательныхъ зубныхъ 3) th, 4) dh (аспирація сохранена др.-и. языкомъ и греч., гдѣ и.-евр. dh>ϑ): 1) прасл. *tesati (др.-ц.-сл. тесати, р. *тесать*) — лит. tašýti (*обтесывать, обрубать*), др.-и. tákša-ti, греч. τέκτων (*плотникъ*), лат. texo; прасл. *pamętь (др.-ц.-сл. памѧть, р. *память*)—лит. at-mintis (память), др.-и. matiš (мысль), лат. mentem acc. s, (умъ); 2) прасл. *dъva (др.-ц.-сл. дъва, р. *два*)—лит. dù (изъ *dvů́), др.-и. dvāú, греч. δύω, лат. duo; прасл. *voda (др.-ц.-сл. вода, р. вода)—лит. vandů, др.-и. udán-, греч. ὕδωρ, лат. unda; 3) прасл. *mętǫ (др.-ц.-сл. мѧт҄ѫ, рус. мяту́)—лит. mentùrė, др.-инд. mántha-ti (трогаетъ); 4) прасл. *dojǫ (др.-ц.-сл. доıѫ, р. *дою*)—лит. dėlė̃ (піявка), др.-и. dháya-ti (онъ сосетъ); греч. ϑήσατο (онъ сосалъ), лат. fēlo.

§ 26. Взрывные задне-небные k, g праслов. языка соотвѣтствуютъ различнымъ оттѣнкамъ и.-евр. велярныхъ взрывныхъ: въ нихъ (k, g) совпали предполагаемые индо-евр. велярные: 1) k, g и придыхательное gh, 2) лабіализованные kᵘ, gᵘ и придыхательное gᵘh. И.-евр. k, g являются въ словянскомъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: прасл. *kopati (др.-ц.-сл. копати, р. *копать*)—лит. kapóti (бить)—греч. *κόπτω* (бью); прасл. *pro-kъ (остальной), др.-ц.-сл. прокъ (остальной), р. *прокъ, в̥-прокъ*—греч. *πρόκα* (тотчасъ), лат. reciprocus; прасл. *golgolati (др.-ц.-сл. глаголати,—лат. gallus; прасл. *igo (др.-ц.-сл. иго, р. *иго*) изъ *jъgo—лат. jugum, греч. *ζυγόν*.

И.-евр. gh является въ греческомъ въ видѣ *χ*, въ лат. въ видѣ h, въ словянскомъ же на его мѣстѣ находимъ g: прасл. *mъgla (др.-ц.-сл. мьгла, р. *мгла*)—греч. *ὀ-μίχλη*, др.-и. meghas (облако), лит. miglà.

И.-евр. лабіализованные kᵘ, gᵘ, gᵘh являются въ греческомъ въ видѣ *π* (*τ*), *β* (*δ*), *φ* (*ϑ*), въ латинскомъ—въ видѣ qu (c), gu (v, g), f (gv, g, v), въ слов.—k, g: ср. прасл. *otъ-lěkъ (др.-ц,-сл. отъ-лѣкъ), и лит. at-lěkas, греч. *λείπω* (оставляю), *λοιπός* (послѣдній); прасл. *govędo—лат. gûws (корова), греч. *βοῦς*; прасл. *gon-: ср. др.-ц.-сл. изгонъ (изгнаніе)—греч. *φόνος*; прасл. *sněgъ (др.-ц.-сл. снѣгъ, р. снѣгъ)—греч. *νίφα*.

§ 27. Губной v праслoвянскаго языка соотвѣтствуетъ и.-евр. u̯: прасл. *vědě (др.-ц.-сл. вѣдѣ, ср. р. *вѣд-а-ть*)—др.-и. véda, греч. (*Ϝ*)*οἶδα*, лат. video, гот. wait (и.-евр. корень *u̯eid—*u̯oid); прасл. *novъ (др.-ц.-сл. новъ, р. *новъ*)—др.-и. návas, греч. *νέ*(*Ϝ*)*ος*, лат. novus (и.-евр. *neu̯os).

О новомъ v изъ u̯, развившемся въ извѣстныхъ условіяхъ на словянской почвѣ ср. ниже § 58.

§ 28. Зубной спирантъ s праслoвянскаго языка—различнаго происхожденія; онъ восходитъ: 1) къ индо-европ. s: прасл. *sedmь (др.-ц.-сл. седмь, р. *семь*)—др.-и. saptá, лат. septem, лит. septynì, гот. sibun; прасл. *sestra (др.-ц.-сл. сестра, р. сестра)—др.-и. svásar-, гот. swistar, прасл. *sěmę (др. ц.-сл. сѣмѧ)—лат. sēmen; 2) къ и.-ев. палатальному k̂ (k); ср. прасл. *desętь (др.-ц.-сл. десѧть, рус. *десять*) — др.-и. dáśa, лат. decem, греч. *δέκα*, лит. dẽšimtis; прасл. *vьsь (др.-ц.-сл. вьсь—деревня) — лат. vīcus, греч. *οἶκος*; и.-евр. k̂s также давало s: прасл. *desnъ или *desьnъ (др.-ц.-сл. десьнъ)—лит. dešinẽ, греч. *δέξιος*, лат. dexter (и.-евр. *dek̂sno-, *dek̂so); 3) s являлось въ праслoвянскомъ, какъ результатъ измѣненія ch въ положеніи предъ палатальными гласными (i, ě), получившимися изъ болѣе древнихъ дифтонговъ oi, ai: n. s. *duchъ—loc. s. *duse, n. pl. *dusi (др.-ц.-сл. доухъ-доусѣ, доуси), ср. ниже, § 54.

§ 29. Прасл. z восходитъ или къ и.-евр. z, или же къ и.-евр. палатальному g, gh: 1) прасл. *mъzda (др.-ц.-сл. мьзда, рус. *мзда*) — гот. mizdō, греч. *μισθός*; прасл. *mozgъ (др.-ц.-сл. мозгъ, р. *мозгъ*) — авест.

mazga-; 2) и.-евр. палатальное g является въ др.-инд. въ видѣ j и въ греч. въ видѣ γ, тогда какъ индо-евр. gh (придыхательное палатальное g) въ др.-и. дало h, въ греч. χ; въ словянскомъ на мѣстѣ того и другого имѣемъ z: ср. прасл. *znati (др.-ц.-сл. **знати**, р. *знать*) — греч. γιγνώσκω, др.-и. jānāti, лит. žinóti, лат. gnosco; прасл. *vozъ (др.-ц.-сл. **возъ**, р. *возъ*)—греч. (Ϝ)όχος, прасл. *vezǫ (др.-ц.-сл. **везѫ**, р. *везу*)—лат. veho, др.-и. váhati (*онъ везетъ*).

§ 30. Прасл. ch представляетъ собою звукъ, явившійся на словянской почвѣ на мѣстѣ индо-евр. s въ извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ см. ниже, въ § 56.

Гипотеза Педерсена I. F. V, 550 с., K. Z. XXXVIII, 388 с., что прасл. ch въ нѣкоторыхъ случаяхъ восходитъ къ и.-евр. kh, не всѣми принимается: ср. Uhlenbeck I. F. XVII, 95 с.

Прасл. š и ž явились на словянской почвѣ: š на мѣстѣ болѣе древняго s въ положеніи предъ j, а также на мѣстѣ болѣе древняго ch въ положеніи предъ палатальными гласными и j; ž явился на мѣстѣ болѣе древняго z въ положеніи предъ j; ср. §§ 53, 57.

Примѣры: 1) ch изъ и.-евр. s: прасл. *duchъ (др.-ц.-сл. **доухъ**, р. *духъ*)—лит. dausos plur. (*воздухъ*); прасл. *blъcha (др.-ц.-сл. **блъха**, р. *блоха*)—лит. blusà; прасл. *mucha (др.-ц.-сл. **моуха**, р. *муха*) — лит. musẽ, лат. musca; 2) š изъ sj: прасл. *pišetь 3 s. praes. (др.-ц.-сл. **пишетъ**, др.-р. **пишеть** изъ pisjetь ср. *pisati, *pьsati (др.-ц.-сл. **пьсати, писати**); 3) š изъ ch въ положеніи предъ j и палатальными гласными: прасл. *duša (съ первоначально палатальнымъ š) изъ duchja (др.-ц.-сл. **доуша**, р. *душа*); прасл. *duše voc. s. отъ *duchъ (др.-ц.-сл. **доуше**)—изъ *duch+e; прасл. *dušiti (др.-ц.-сл. **доушити**, рус. *душить*) изъ duch-i-ti; 4) ž изъ z+j: прасл. *vęžǫ (др.-ц.-сл. **вѧжѫ**, р. *вяжу*) изъ *vęz-jǫ ср. *vęzati (др.-ц.-сл. **вѧзати**, р. *вязать*).

§ 31. Прасл. j восходитъ къ и.-евр. j или i̯: прасл. *junъ (др.-ц.-сл. **юнъ**, р. *юный*)—лит. jáunas, лат. juvenis.

Кромѣ того въ извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ ср. § 58, развивался i̯, переходившій въ j, на словянской почвѣ.

§ 32. Аффрикаты c, dz, č, ǧ (d͡ž), первоначально смягченныя, явились на словянской почвѣ на мѣстѣ болѣе древнихъ задне-небныхъ k, g въ положеніи ихъ предъ j или палатальными гласными. Полнѣе объ этомъ въ §§ 53, 54, 55.

Чередованіе гласныхъ въ праславянскомъ языкѣ.

§ 33. Отдѣльные индо-евр. языки, сравниваемые между собою, даютъ указанія на то, что въ индо-евр. праязыкѣ имѣло мѣсто такъ называемое *чередованіе гласныхъ*, т. е. мѣна гласныхъ въ различныхъ формахъ одного и того же слова или же въ различныхъ словахъ, заключающихъ въ себѣ одинъ и тотъ-же корень.

Такое чередованіе могло быть *качественнымъ* или *количественнымъ*; качественнымъ оно было, если чередовались гласные различнаго мѣста образованія, напр. гласный *e* и гласный *o*; подъ количественнымъ чередованіемъ разумѣются такія чередованія, какъ е и ē, o и ō.

Причины чередованія гласныхъ въ индо-европ. языкѣ не вполнѣ ясны, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло касается *качественнаго* чередованія. Количественное чередованіе, какъ принято думать, явилось въ результатѣ большаго или меньшаго сокращенія сонантическихъ элементовъ слога въ зависимости отъ отношеній акцентуативныхъ, т. е. положенія даннаго слога по отношенію къ мѣсту ударенія въ словѣ; причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли значеніе акцентуативныя отношенія цѣлой фразы или предложенія, т. е. того синтаксическаго цѣлаго, въ составъ котораго входило данное слово.

Каждый изъ отдѣльныхъ индо-евр. языковъ, въ томъ числѣ и словянскій праязыкъ, унаслѣдовалъ изъ праиндоевропейской эпохи извѣстную систему чередованій, которая затѣмъ на почвѣ каждаго изъ этихъ языковъ подвергалась тѣмъ или другимъ измѣненіямъ. Съ одной стороны нѣкоторыя формы индо-европейскихъ чередованій могли въ силу тѣхъ или другихъ причинъ исчезать въ томъ или другомъ языкѣ или же измѣнять свой первоначальный видъ; съ другой стороны могли возникать новыя чередованія.

Значительное большинство чередованій, которыя находимъ въ словянскихъ языкахъ и которыя на основаніи показаній этихъ языковъ можно возвести къ праслов. эпохѣ, представляетъ собою факты индоевропейскаго происхожденія. Поэтому, главный вопросъ, который является по отношенію къ праславянскимъ чередованіямъ, можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *какимъ измѣненіямъ подверглись индоевропейскія чередованія на почвѣ праславянскаго языка?*

§ 34. Основной формой индо-европ. чередованія, которое можно назвать качественнымъ, является чередованіе гласныхъ *e* и *o*, причемъ въ результатѣ редукціи слога является полное отсутствіе гласнаго или же редуцированный гласный. По мнѣнію Фортунатова, на этой ступени,— редукціи гласныхъ краткихъ,—являлся въ индо-европ. праязыкѣ «*сло-*

говой ирраціональный гласный», обозначаемый имъ знакомъ *α;* этотъ гласный въ извѣстныхъ условіяхъ могъ, по Фортунатову, совершенно исчезать.

Примѣчаніе. Подъ «ирраціональнымъ» гласнымъ Фортунатовъ разумѣетъ «очень краткій» гласный,—короче нормально краткихъ гласныхъ: ср. K. Z. XXXVI, 38 и сл.

Параллельно этому чередованію e : o : *α* (или же нуль) существовало чередованіе ē : ō : *ə*, т. е. въ результатѣ редукціи гласнаго ē, чередовавшагося съ ō, въ и.-европ. являлся гласный *ə* (ср. выше, § 12) или же такъ-же, какъ и въ первомъ случаѣ, нуль.

Рядомъ съ чередованіемъ e и o, ē и ō въ и.-европ. предполагаютъ чередованіе a : o и ā : ō (ступени редукціи—тѣ-же, что и при чередованіяхъ e : o, ē : ō).

Формами количественнаго чередованія являлись чередованія:

e : ē
o : ō
a : ā

Соединеніе качественныхъ и количественныхъ рядовъ въ группѣ словъ одного и того-же корня давало болѣе сложные ряды чередованій:

ē : ō : e : o : *α* (или нуль)
ā : ō : a : o : *α* (или нуль)

Необходимо отмѣтить, что исчезновеніе гласнаго въ результатѣ редукціи слога въ извѣстныхъ условіяхъ влекло за собою образованіе новаго слогового звука: а именно, если гласный, который подвергался редукціи, находился въ сосѣдствѣ съ сонорнымъ r, l, m, n, u̯ или i̯, то—этотъ сонорный становился слоговымъ; такъ, *eim̥és давало *imes: ср. др.-и. imás (мы идемъ) и греч. *εἶσι* (пойдутъ),—послѣднее со ступенью *e*, тогда какъ др.-инд. форма представляетъ ступень редукціи, точно такъ-же *su̯eptó-s дало въ результатѣ редукціи *suptos: ср. др.-инд. suptá-s (заснувшій) и съ другой стороны старо-исландское suefn (*сонъ*).

Въ иныхъ случаяхъ въ результатѣ редукціи вмѣстѣ съ гласнымъ исчезалъ слогъ; такъ, *ei̯énti давало i̯enti: ср. др.-и. yánti (они идутъ), *esénti давало *senti: ср. др.-и. sánti (*они суть*), а съ другой стороны греч. *ἔστι*, др.-инд. ásti (онъ есть).

Примѣчаніе. Эти явленія, относящіяся къ ступени редукціи, получаютъ нѣсколько иную формулировку у Фортунатова: въ результатѣ редукціи гласнаго являлось слоговое ирраціональное *α*, которое въ положеніи предъ сонорными r, l, m, n+согласный становилось неслоговымъ, тогда какъ сонорный становился слоговымъ; такимъ образомъ: 1) въ соотвѣтствіи слогамъ or, er+*согласный*—на ступени редукціи получилось *αr̥*, *αl̥+согласный*; 2) на мѣстѣ сло-

говъ or, er предъ *гласнымъ*, по Фортунатову, получалось: a) въ положеніи въ первомъ слогѣ слова предъ ударяемымъ слогомъ—$\alpha r̥^{r}$, b) въ другихъ же положеніяхъ отчасти $\alpha r̥^{r}$, отчасти же r, т. е. слоговое α исчезало, а r оставалось неслогообразующимъ; 3) въ положеніи предъ i̯ и u̯, по Ф., слоговое α+i̯, u̯ измѣнилось въ неслоговое α+i, u, откуда затѣмъ i, u и т. д., ср. вышеупомянутую статью въ K. Z. XXXVI.

Аналогично указанному выше чередованію ei̯, eu̯ съ i, u, явившимися въ результатѣ редукціи *e*,—слоги ēi̯, ōi̯, āi̯. предъ согласнымъ на ступени редукціи давали ī, ū; такъ, *dhēitós дало *dhītós: ср. др.-инд. dhītás (выпившій) и др.-и. dhāyú-š (жаждущій). Посредствующей ступенью отъ ēi̯, ēu̯, ōi̯, ōu̯, āi̯, āu̯, вѣроятно, было əi, əu.

Долгій сонорный, — ī, ū, n̥̄, m̥̄, r̥̄, l̥̄, — могъ являться также въ результатѣ редукціи двухсложнаго комплекса: éi̯ə, eu̯ə, énə, érə (на ряду съ ii̯ə, uu̯ə, °nə, °mə, °rə, °lə); такъ, при *bhéu̯ətu-m являлось *bhūto-s: ср. др.-инд. bhávitum (супинъ отъ глагола *быть*) и др.-и. bhūtá-s (причастіе отъ того-же глагола).

Послѣ этихъ замѣчаній объ индо-европейскомъ чередованіи можно обратиться къ чередованію гласныхъ въ праславянскомъ языкѣ.

§ 35. Унаслѣдованныя отъ индо-европ. праязыка чередованія подвергались въ праславянскомъ въ силу различныхъ причинъ значительнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Такъ, чередованіе o—e въ nom. s. и voc. s. именъ муж. рода,— греч. *ἀδελφός—ἄδελφε*,—въ праславянскомъ языкѣ исчезло послѣ того, какъ на мѣстѣ -os явилось, фонетически или нефонетически, ъ: ср. др.-ц.-сл. влъкъ—влъче, рабъ—рабе и т. п. Точно такъ-же исчезло чередованіе o—e, которое въ и.-европ. имѣлось въ формахъ различныхъ лицъ настоящаго времени: *bher-ō 1 ед., *bher-e-si 2 ед., *bher-e-ti 3 ед., *bher-o-mos 1 множ., *bher-e-te 2 множ., *bher-o-nti 3 множ.

Это чередованіе e—o въ формахъ наст. врем. еще сохранилось въ греческомъ: *φέρω* 1 ед., *φέρομεν* 1 множ., *φέρεις* 2 ед., *φέρετε* 2 множ. Но уже въ праславянскомъ языкѣ, какъ можно думать въ виду сопоставленія фактовъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, это чередованіе e—o въ данныхъ формахъ исчезло: въ 1 л. мн. явилось *e* вмѣсто первоначальнаго o: *beremъ (др.-ц.-сл. беремъ, р. *беремъ*, пол. berzemy и т. д.), въ 3 л. мн. o исчезло, слившись съ послѣдующимъ *n* въ носовое ǫ; носовое ǫ явилось и въ 1 л. ед. ч. Въ формахъ двойств. числа это чередованіе исчезло также: праслов. *berevě 1 л. дв. (др.-ц.-сл. берев̂ѣ)— *bereta 2 л. дв. (др.-ц.-сл. берета); въ индо-евр. въ 1 дв. ч. было—o— (впрочемъ арійская вѣтвь и готскій указываютъ на ō).

Примѣчаніе. По мнѣнію Meillet, MSL. XIV, 198 с., е въ *berеmъ, *berevě явилось подъ вліяніемъ формъ *znajemъ (др.-ц.-сл. знаюмъ), *znajevě (др.-ц.-сл. знаюкѣ), въ каковыхъ формахъ сочетаніе jo фонетически измѣнилось въ je. Въ формахъ аориста старое чередованіе отчасти еще сохранилось: ср. др.-ц.-сл. (падъ-паде—паде) падомъ 1 мн. — падете — падѫ.

Въ иныхъ случаяхъ нормы индо-европейскаго чередованія, унаслѣдованныя прасловянскимъ языкомъ, болѣе или менѣе измѣнили свой видъ.

§ 36. И.-евр. чередованіе е : о : *a* (или нуль) являлось въ прасловянскомъ въ видѣ чередованія е : о : ь (или нуль) *въ положеніи предъ согласнымъ.* Такое чередованіе имѣется, напримѣръ, въ прасл. *bredǫ: *broditi: *brъdomъ: ср. др.-ц.-сл. бредѫ; бродити, непрѣбрьдомъ; р. *бреду; бродить,* др.-чеш. bŕdu, brdu.

Болѣе сложный рядъ чередованій: ē : ō : e : o : *a* (или нуль) являлся въ праслов., вслѣдствіе измѣненія ō въ а и ē въ ě, *a* въ ь, въ видѣ ряда: ě : a : e : o : ь, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ та или другая изъ этихъ ступеней могла не быть представленной. Такъ, въ прасл. *gnetǫ: *u-gnět-a-ti (др.-ц.-сл. гнетѫ—оугнѣтати) имѣетъ ступени е и ē; въ прасл. *pletǫ: *plotъ: *sъplětati (др.-ц.-сл. плетѫ—плотъ, о-плотъ, съплѣтати) отражаются ступени е, ě и о; въ прасл. *rekǫ: *rěchъ (аористъ): *rokъ: *rьci (др.-ц.-сл. рекѫ—рѣхъ—рокъ (про-рокъ)—рьци повел. накл.) имѣемъ ступени е, ē, о, *a*; въ прасл. *bodǫ: *basъ aor., (др.-ц.-сл. бодѫ—басъ)—ступени о и ō; въ отношеніи прасл. *jesmь, *jesi, *jestь и т. д. и *sǫtь 3 л. мн. ч. (др.-ц.-сл. юсмь, юси, юстъ—сѫтъ) ступень *е* чередуется со ступенью редукціи съ полнымъ исчезновеніемъ гласнаго; въ отношеніи прасл. *sěděti: *sadъ (др.-ц.-сл. сѣдѣти—садъ, пол. siedzieć—sad)—ступень ē чередуется со ступенью ō; ступень *е* Meillet видитъ въ формѣ въседаисѧ Пражскихъ листковъ. M. S. L. XIV, 337 с.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чередованіе затемнено измѣненіемъ предшествующаго гласному *е* согласнаго: таково отношеніе между kos- въ *kosnǫti (др.-ц.-сл. коснѫти, рус. *коснуться*) и *česati (др.-ц.-сл. чесати, р. *чесать*); таково же отношеніе между *choditi (др.-ц.-сл. ходити, р. *ходить*) и *šьdъ (др.-ц.-сл. шьдъ, шьлъ, рус. *шелъ, при-шедшій*), гдѣ ступень *о* чередуется со ступенью редукціи.

§ 37. Въ положеніи предъ сонорными r, l нормы и.-евр. чередованія подверглись въ праслов. нѣкоторому сокращенію. Сочетанія er—or—ēr—ōr въ положеніи предъ согласнымъ, сохраняя свой прежній порядокъ звуковъ (по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій періодъ жизни праслов. языка), измѣнялись однако въ томъ отношеніи, что r, l становились долгими или же слоговыми (ср. др.-ц.-сл. ра, ла, рѣ, лѣ, русск. оро, ере, оло, еле); слоговыми становились также r, l на ступени редукціи,—въ соче-

таніяхъ ьr, ьl предъ согласнымъ (ср. выше § 22). Кромѣ того, праслов. языкъ, повидимому, потерялъ различіе между ē и e, ō и o въ положеніи предъ r, l+согл., и различіе между сочетаніями ert и ērt, ort и ōrt отразилось лишь въ качествѣ ударенія (интонаціи) дифтонгическаго сочетанія er, or, el, ol; а именно,—предполагаютъ, что изъ сочетанія or получилось дифтонгическое сочетаніе съ тѣмъ видомъ долготы подъ удареніемъ, которая въ словянскомъ была нисходящей и которая дала затѣмъ въ русскомъ двухсложное сочетаніе *óро*; а изъ ōr получалось сочетаніе съ тѣмъ видомъ долготы подъ удареніемъ, которая въ слов. была восходящей и которая дала въ русскомъ—*оро́*: лит. var̃nas, р. во́ронъ, серб. вра̑н изъ *vornos и лит. várna, р. воро́на, серб. вра̑на, чеш. vrána изъ *vōrnā: ср. Meillet M. S. L. XIV, 195 с., Pedersen K. Z. XXXVIII, 297 с.

Примѣчаніе. Процессъ полученія изъ и.-евр. or и ōr прасл. сочетаній съ одинаково краткимъ о, повидимому, состоялъ въ томъ, что въ сочетаніи ōr сократилась первая часть и удлинилась вторая, такъ-же какъ и въ сочетаніи or.

Наконецъ, и.-евр. группы erət, orət, elət, olət совпали съ группами ert, ort, elt, olt, а на ступени редукціи являлись въ томъ же видѣ, что и сочетанія ert, elt, т. е. въ видѣ ьr, ьl, вѣроятно, со слоговыми и долгими r, l; различіе между ьr (ьl), которое получалось въ результатѣ редукціи ert, и тѣмъ, которое представляло ступень редукціи сочетанія erət, сводилось къ различію интонаціи (ср. выше, § 22).

Такимъ образомъ, и.-евр. сочетанія er : or : r̥ (αr̥), el : ol : l̥ (αl̥) являлись въ прасл. a) предъ гласнымъ въ видѣ er : or : ьr, el : ol : ьl съ неслоговыми r, l; b) предъ согласнымъ — въ видѣ er : or : ьr, el : ol : ьl съ долгими или слоговыми r, l въ сочетаніи съ e, o и со слоговыми r, l въ сочетаніяхъ ьr, ьl.

Ступень ēr, ēl, ōr, ol предъ согласнымъ являлась также въ видѣ er, el, or, ol съ долгими или слоговыми r, l,—съ иной интонаціей; ступень r̥̄ (αr̥̄) — въ видѣ сочетанія ьr со слоговымъ долгимъ r, также съ извѣстнымъ видомъ интонаціи.

Примѣры: *berǫ : *borъ : *bьrati (др.-ц.-сл. берѫ—(съ)борѫ — бьрати); ступень er предъ согласнымъ въ *bermę (др.-ц.-сл. брѣмѧ); то-же въ *tьrǫ: *terti : *torъ (др.-ц.-сл. тьрѫ, р. тереть, др.-ц.-сл. проторѫ); *mьrǫ : *merti : *morъ (др.-ц.-сл. мьрѫ, мрѣти—р. *мереть*, морѫ); ступень ьr также въ *sъ-mьrtь (др.-ц.-сл. съмрьть, р. смерть); *vьrchǫ : *verchti : *vorchъ (др.-ц.-сл. врьхѫ—врѣшти — врахѫ, р. во́рохъ); *vьrt-ě-ti : *verteno : *vort-i-ti (др.-ц.-сл. врьтѣти,—р. *веретено*—др.-ц.-сл. вратити, р. воротить); ступень *er* также—въ *vertmę (др.-ц.-сл. врѣмѧ, др.-р. *веремя*), ступень *ьr*—въ *vьrsta (др.-ц.-сл. врьста ср. р. *с-верст-никъ* съ ер изъ ьr); *dьlbǫ : *delbto :

*dolbto (др.-ц.-сл. длєбо, серб. длијѐто съ ије изъ ě, а лѣ изъ el, р. *долото* съ *оло* изъ ol); *do-vьl-ěti : *vel-ěti : *volja (др.-ц.-сл. довьлѣти : велѣти : волꙗ).

§ 38. Въ положеніи предъ сонорными m, n старая форма чередованія сохранилась лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда за сонорными m, n слѣдовалъ гласный; предъ согласными сочетанія on, en давали носовые гласные ǫ, ę, а ступень редукціи большею частью являлась также въ видѣ ę. Такимъ образомъ, двѣ различныя первоначально ступени корня: e и *α* въ положеніи предъ m, n совпали въ одной. Сочетанія ēm, ēn, ōm, ōn въ положеніи предъ согласнымъ совпали въ прасл. съ em, en, om, on и дали тѣ-же носовые гласные ǫ, ę; вѣроятно, различіе сводилось къ различію интонаціи.

И.-евр. m̥̄, n̥̄ (*α*m̥, *α*n̥) такъ-же совпали, оставляя въ сторонѣ интонацію, съ рефлексомъ и.-евр. m̥, n̥ (*α*m, *α*n).

Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи и.-европ. сочетаніемъ en : ēn : on : ōn : n̥ : n̥̄ и em : ēm : om : ōm : m̥ : m̥̄ въ положеніи предъ согласнымъ, въ праслов. обычно имѣли мѣсто ę и ǫ.

Примѣры: *ženǫ : *gъnati : *goniti (др.-ц.сл. женѫ — гънати — гонити, гоньць); *na-čьnǫ : *na-čęti (изъ na-čen-ti) : *kon-ьсь (др.-ц.-сл. начьнѫ — начѧти — коньць); *vъz-ьmǫ : *vъz-ęti (др.-ц.-сл. вьзьмѫ — вьзѧти); *рьnǫ : *pona (др.-ц.-сл. пропьнѫ — пропѧти — опона); ступень о (предъ согласнымъ) также въ *pǫto (др.-ц.-сл. пѫто); *grьměti—*gromъ (др.-ц.-сл. грьмѣти — громъ); *zvьněti : *zvonъ (др.-ц.-сл. звьнѣти — звонъ); *blędǫ, *blęsti—*blǫdъ (др.-ц.-сл. блѧдѫ, блѧсти — блѫдъ); *tręsǫ, *tręsti : *trǫsъ (др.-ц.-сл. трѧсѫ, трѧсти — трѫсъ); *mętǫ, męsti : *mǫtiti sę (др.-цер.-слов. мѧтѫ, мѧсти — мѫтитисѧ).

§ 39. Въ положеніи предъ неслоговымъ i старыя формы чередованія въ праслов. подверглись существеннымъ измѣненіямъ: уже въ прасл. эпоху ei̯+согласный дало ī+согл.; oi̯+согл. дало ě+согл.; на ступени редукціи получалось i; въ положеніи предъ гласнымъ старыя формы чередованія подвергались преобразованію въ силу того, что e въ положеніи предъ j измѣнялось въ ь. Кромѣ того въ положеніи предъ согласнымъ, повидимому, уже въ прасл. было утеряно различіе между ōi и oi, ēi и ei въ томъ отношеніи, что слоговая часть дифтонговъ ēi, ōi подверглась сокращенію, и первоначальное различіе между ōi и oi, ēi и ei отражалось лишь въ интонаціи.

Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи и.-евр. ряду чередованій—ei : ēi : oi : ōi : i въ прасл. получался въ положеніи предъ согласнымъ рядъ ī : ī : ě̆ : ě : ь, въ положеніи же предъ гласнымъ—въ соотвѣтствіи и.-евр. ряду ej—ēj—oj—ōj—j или ij, въ прасл. получался рядъ: ьj : ěj : oj : aj : j или ij.

Изъ и.-евр. eĭə въ результатѣ редукціи являлось i (ī).

Разумѣется, одинъ и тотъ-же корень можетъ имѣть примѣры, относящіеся какъ къ первому, такъ и ко второму р ду. Примѣры: *biti: bъjǫ: *bojь,— ср. др.-ц.-сл. бити — биѭ — бои; *počiti: *počьjǫ: *po-kojǫ: po-kaja-ti (др.-ц.-сл. почити: почиѭ: покоѭ — покаıати); *gniti: *gnъjǫ: *gnojь (др.-цер.-слов. гнити: гниѭ: гнои); *viti: *vъjǫ: *po-vojь: *vějǫ: *věnъkъ (др.-церк.-слов. вити — виѭ — вѣ-нькъ);; *dojǫ: *dětę (др.-ц.-сл. доѭ — дѣтѧ), гдѣ ě можетъ восходить или къ ē или къ oĭ предъ согласнымъ; *cvьtǫ: *cvisti: *cvětъ (др.-ц.-сл. цвьтѫ — цвисти — цвѣтъ); *(pri)-lьpěti: *(pri)-lipati: *(pri) lěpiti (др.-ц.-сл. прильпѣти — прилипати — прилѣпити); *svьtěti: *svitati: *světъ (др.-ц.-сл. свьтѣти — свитати — свѣтъ).

§ 40. Въ положеніи предъ неслоговымъ *u* первоначальныя формы чередованія въ праслов. также подверглись существеннымъ преобразованіямъ.

Дифтонгъ eu въ положеніи предъ гласнымъ, по крайней мѣрѣ непалатальнымъ, давалъ слогъ ov-; предъ палатальнымъ гласнымъ первоначально, *быть можетъ*, сохранялось ev: ср. прасл. *devętь (др.-ц.-сл. девѧть, р. *девять*), Meillet Génitif-accusatif, 84 и сл. На ступени редукціи, въ положеніи предъ гласнымъ, являлось ъv.

Такимъ образомъ, и.-евр. чередованію:

eu + гласн. : ou + гласн. : u + гласн.

въ праслов. соотвѣтствовало, обычно,—

ov : ov : ъ.

Въ положеніи предъ согласнымъ изъ eu̯ получилось обычно ju, а изъ ou̯—u, и, слѣдовательно, чередованіе:

eu̯ + согл. : ou̯ + согл. : u + согл.

являлось въ прасл. въ видѣ:

ju : u : ъ (или его удлиненія *y*).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ступень eu̯ была вытѣснена подъ вліяніемъ аналогіи ступенью ou̯; такъ, по предположенію Meillet, отношеніе *rovǫ: reveši (изъ *reu̯ + ǫ: *reu̯ — eši): *rjuti (изъ *reu̯-ti) дало съ одной стороны: rovǫ: roveši: ruti, съ другой — revǫ: reveši: rjuti; M. S. L. XIV, 355 стр.

Къ этому должно добавить, что ēu, ōu, āu съ долгой слоговой частью въ положеніи предъ согласнымъ, повидимому, сократили ее въ праславянскомъ, и, слѣдовательно, на мѣстѣ и.-европ. ряда

eu — ēu — ou — ōu — u (ū)

въ положеніи предъ согласнымъ въ прасл. являлось: ju : u : ъ (у), вѣроятно, съ различіемъ въ интонаціи, въ зависимости отъ происхожденія изъ ēu, ōu или изъ eu, ou. Въ положеніи предъ гласнымъ изъ и.-евр. чередованія eu̯ ; ēu̯ : ou̯ : ōu̯ : u являлось въ праслов., вѣроятно,— ov : ěv : av : ъv или v. Наконецъ, изъ eu̯ə въ результатѣ редукціи получалось *у* (ū).

Примѣры: *kovati : *kujǫ : *kyjь : kъznь (др.-ц.-сл. ковати, ковѫ, рус. *кую,* древне-церк.-слов. кыи, кꙁнь, рус. *кóзни*); *pluti : *plovǫ : *plavъ, *plaviti : *plъtь (др.-ц.-сл. плоути — пловѫ — плавити — плꙁть); *slovǫ : *sluti : *slyti : *slava (др.-ц.-сл. словѫ — слоути — слꙑтиѥ, р. слыть, пол. słynąć. слава); ср. также *sluchъ : *slyš-a-ti (др.-ц.-слов. слоухъ, слꙑшати); *truti : *trovǫ : *trava (др.-ц.-сл. троути : тровѫ : трава); *zovǫ : *zъvati : *sъ-zyvati (др.-ц.-сл. зовѫ — зъвати — сꙁꙁꙑвати); *bljujǫ : blьvati (др.-ц.-сл. блюѭ — бльвати); *pljujǫ : *plьvati (др.-цер.-слов. плюѭ — пльвати); *kryjǫ, *kryti : *krъvenъ : *krovъ (др.-ц.-сл. крꙑти, крꙑѭ — скръвенъ — кръвъ); *u-nyjǫ, *u-nyti : *u-naviti (др.-ц.-сл. оунꙑѭ — оунꙑти — чеш. unaviti = *утомлять*); *bljudǫ : *bljusti : *buditi : *bъděti (др.-ц.-сл. блюдѫ, блюсти — боудити, бъдѣти); *dъchnǫti : *dychati : *duchъ (др.-ц.-сл. дъхнѫти — дꙑхати — доухъ); *krušiti : *krъcha (др.-ц.-сл. съ-кроушити : кръха); *rušiti : *ryсhlъ (др.-ц.-сл. роушити — р. *рыхлый*); *stydъ : *studъ (др.-ц.-сл. стꙑдьнъ, р. стыдъ — стоудъ).

§ 41. Индо-европ. чередованію ē : ō : ə въ прасл. должно было соотвѣтствовать чередованіе ě : a : o. Чередованіе ě : a, можетъ быть, представлено примѣрами: *lězǫ : *laziti (др.-ц.-сл. лѣзѫ — лазити); *rězati : *raziti (др.-ц.-сл. рѣзати — разити); *čadъ : *kaditi (čadъ изъ čědъ, а это изъ kēdъ; др.ц.-сл. чадъ — кадити). Ступень *ə* въ чередованіи съ ē трудно установить на примѣрѣ; быть можетъ, она сохранилась въ *sporъ (др.-ц.-сл. споръ, р. *спорый*, спориться) при *spěti (др.-ц.-сл. спѣти). Чередованіе ā : *ə* отражается въ *stāti : *stojǫ (др.-ц.-сл. стати — стоѭ); чередованіе ō : нуль—въ *dati : *damь (изъ da-d-mь съ удвоеніемъ): ср. др.-ц.-сл. дати : дамь. Слогъ u̯ā или u̯ō на ступени редукціи давалъ ū; такого происхожденія ū т. е. *у* является, повидимому, въ прасл. *chytiti (др.-ц.-сл. хꙑтити): ср. *chvatati (др.-ц.-сл. хватати) и въ прасл. *kys-nǫti (др.-ц.-сл. кꙑснѫти): ср. *kvasъ (др.-ц.-сл. квасъ).

§ 42. Унаслѣдованныя отъ и.-европ. языка чередованія въ нѣкоторыхъ случаяхъ послужили образцомъ для новыхъ чередованій, возникшихъ на прасл. почвѣ. Такъ, по аналогіи чередованія e/ē, o/ō въ *pletǫ : *sъplětajǫ (др.-ц.-сл. плетѫ — съплетаѭ), *rodjǫ : *radjajǫ (др.-ц.-сл. рождѫ — раждаѭ) явилось не только *svobadjajǫ при *svobodjǫ (др.-ц.-слов. свобождѫ — свобаждаѭ), но и *umirajǫ при *mьrǫ, *nadymajǫ при *nadъmǫ (др.-ц.-сл. оумираѭ — мьрѫ, надꙑмаѭ — дъмѫ), т. е. по аналогіи чередо-

ваній e : ō явилось чередованіе i : ī и u : ū. Такъ-же *oslьpnǫti, *oglъchnǫti, *ochrъmnǫti, образованныя отъ именъ *slěpъ, *gluchъ, *chromъ, явились подъ вліяніемъ аналогіи: *usъnǫti, *—dъchnǫti, *—krъsnǫti, *lьpnǫti, *sъchnǫti и т. п. Слѣдовательно, отношеніе: lěp- : lьp- послужило основаніемъ для появленія slьp- при slěp-, и отношеніе duch- : dъch- повело къ появленію glъch- при gluch; ср. др.-ц.-сл. ослыпнѫти, оглъхнѫти, охръмнѫти и р. *оглóхнуть* при *глухой*.

§ 43. На ряду со старыми, унаслѣдованными отъ и.-евр. эпохи чередованіями въ прасл. языкѣ образовался новый рядъ чередованій,— вслѣдствіе извѣстныхъ звукоизмѣненій на праслов. почвѣ. Таковы чередованія ъ и ь, o и e, получившіяся вслѣдствіе измѣненія ъ и o послѣ j въ ь и e: *bogъ : *konjь; *selo : *polje; *bog-omь : *konj-emь (др.-ц.-слов. богъ — конь; село — поле; богомь — конемь); таково чередованіе ě и i въ формѣ *selě : *polji (др.-ц.-сл. селѣ — поли), получившееся вслѣдствіе измѣненія oi послѣ j въ ei, откуда i; таково чередованіе y и i въ *sely : *poli (др.-ц.-сл. селы — поли), чередованіе ě и a въ *viděti : *slyšati (др.-ц.-сл. видѣти : слышати), гдѣ a получилось изъ ě послѣ мягкихъ неслоговыхъ, наконецъ, чередованіе y : ę въ *bogy acc. pl. : *konję (др.-ц.-сл. богы — конѩ) или въ фф. причастія *nesy : *vidę (др.-ц.-сл. несы — видѧ), гдѣ y получилось изъ ont, a ę изъ—int.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, Les Alternances vocaliques en vieux slave; M. S. L. XIV. Brugmann K. V. Gr. 138 и сл.

Праславянскія звуковыя явленія.

§ 44. Праслов. эпоха, какъ было уже отмѣчено выше (§ 2) представляетъ собою болѣе или менѣе продолжительный періодъ, на протяженіи котораго имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ звуковыхъ, а также и морфологическихъ явленій.

Съ цѣлымъ рядомъ такихъ звуковыхъ явленій, относящихся къ праславянской эпохѣ, мы, въ сущности, уже встрѣтились, когда опредѣляли отношеніе праславянскихъ звуковъ къ индо-европейскимъ.

Такъ мы видѣли, что ō, полученное прасл. языкомъ изъ и.-европ. на словянской почвѣ измѣнилось въ ā; что и.-европ. a измѣнилось въ праслов. въ o; что и.-евр. ə, являвшееся результатомъ редукціи долгихъ гласныхъ, совпало съ o; такимъ же образомъ дифтонгъ oi далъ въ прасл. въ извѣстную эпоху его жизни звукъ ě, который явился также и на мѣстѣ и.-евр. ē; дифтонгъ ei далъ ī; долгій гласный ū далъ *y*; дифтонги ou и āu въ положеніи предъ согласнымъ дали монофтонгъ ū, а въ положеніи предъ гласнымъ сочетанія ov, av; дифтонги eu, ēu въ положеніи

предъ согласнымъ дали jū, предъ гласнымъ ov (ev) ĕv; u и i измѣнились въ особые, редуцированные въ количественномъ отношеніи, гласные ъ и ь; гласный ē послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ измѣнялся въ a; гласный o послѣ j измѣнялся въ е, въ связи съ чѣмъ сочетаніе звуковъ joi дало i, гласный ъ послѣ j измѣнялся въ ь; изъ сочетаній «гласный+m, n» въ положеніи предъ согласнымъ получались отчасти носовые гласные, отчасти же гласные неносовые i, u; индо-евр. r̥, l̥, какъ долгіе, такъ и краткіе давали сочетанія ьr, ьl съ неслоговыми r, l въ положеніи предъ гласнымъ, но со слоговыми r, l предъ согласнымъ; въ сочетаніяхъ er, or, el, ol въ положеніи предъ согласнымъ такъ-же, какъ и въ сочетаніяхъ ēr, ōr, ēl, ōl въ томъ-же положеніи, одинаково получались долгіе r, l, но краткіе е, о; согласные придыхательные kh, gh, ph, bh, th, dh измѣнялись въ простые k, g, p, b, t, d (быть можетъ еще въ дословянскую эпоху); небные лабіализованные совпали съ нелабіализованными; палатальные k, g дали s, z; согласный s въ извѣстныхъ условіяхъ измѣнился въ ch; и.-евр. сочетаніе k̑s дало s; сочетанія sj, zj дали š, ž; согласные k, g, ch въ положеніи предъ передненебными гласными изъ дифтонговъ, а также подъ вліяніемъ предшествующихъ передненебныхъ гласныхъ, въ извѣстныхъ условіяхъ, перешли въ c, dz, s, въ положеніи же предъ j и передненебными гласными иного происхожденія—въ č, ǧ, š.

Въ настоящей главѣ имѣется въ виду: 1) остановиться на нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ явленій праславянскаго языка нѣсколько подробнѣе, 2) выяснить, насколько возможно, сравнительную древность однихъ явленій по отношенію къ другимъ и 3) указать иныя звуковыя явленія, которыя въ предыдущемъ изложеніи остались неотмѣченными.

§ 45. Однимъ изъ древнѣйшихъ звуковыхъ явленій праслов. эпохи было совпаденіе гласныхъ ō и ā, полученныхъ изъ индо-европейскаго праязыка, въ одномъ ā (ср. примѣры выше, въ § 13) и совпаденіе въ одномъ о и.-евр. гласныхъ краткихъ a и o (§ 13). Послѣднее совпаденіе (a и o краткихъ) въ одномъ звукѣ (a) находимъ также въ ближайше-родственнныхъ словянскому балтійскахъ языкахъ; поэтому въ наукѣ довольно распространенъ взглядъ, по которому совпаденіе въ одномъ звукѣ и.-евр. a и o краткихъ относится къ эпохѣ литовско-словянскаго языкового единства. Такъ,— Mahlow, Meillet, Kretschmer, van Wijk, Charpentier, Эндзелинъ полагаютъ, что o и a въ литовско-словянскую эпоху совпали въ одномъ a, которое затѣмъ сохранялось, какъ *a* въ литовскомъ, но измѣнилось въ o въ словянскомъ.

Съ другой стороны Brugmann полагаетъ, что и.-евр. *o* сохранялось, какъ o, въ словянскомъ и измѣнилось въ *a* лишь въ балтійской вѣтви;

и.-евр. же *a* совпало съ *o* уже въ балтійско-словянскую эпоху: K. Vergl. Gr. 75, 78 с.с.

Рѣшить вопросъ съ увѣренностью въ ту или другую сторону врядъ-ли возможно.

Тѣ соображенія, которыя приводятся въ защиту мысли о совпаденіи *a* и *o* въ словянскомъ въ одномъ *o*,—не всѣ одинаково убѣдительны, и мысль эта можетъ быть признана лишь болѣе или менѣе вѣроятной, но не доказанной. При этомъ, допуская совпаденіе o и a въ одномъ a въ балтійско-словянскую эпоху, мы во всякомъ случаѣ должны предположить измѣненіе этого *a* въ праслов. періодъ въ *o*.

Примѣчаніе. Ср. Mahlow, Die langen Vocale AEO 2, Meillet, Introduction[2] 380: Les dialectes indo-européens 54—55 с.с.: Kretschmer, Arch. XXVII, 228 и сл.; van-Wijk. PBrB. 28. 250[1]; Charpentier, Arch. XXIX, 1 с.; Эндзелинъ, Р. Ф. В. 1902, 557 с. и Ж. М. Н. Пр. 1909, № 9, 197—198 с.с. Кречмеръ, въ доказательство мысли о совпаденіи въ словянскомъ *o* и *a* въ одномъ *a*, приводитъ слѣдующія соображенія: 1) не только въ балтійскихъ, но и въ индо-иранскомъ, скиѳскомъ, албанскомъ, германскомъ *o* измѣнялось въ *a*; невѣроятно, поэтому, предположеніе, что въ одномъ лишь словянскомъ не имѣла мѣста эта потеря лабіализаціи гласнымъ *o*; 2) дифтонгъ *oi* измѣнился въ ē чрезъ посредство ai, слѣд., *o* измѣнилось въ *a*; 3) на мѣстѣ церк.-слов. *o* въ VII—VIII вв., повидимому, было *a*: въ греческихъ источникахъ гласный *o* словянскихъ именъ передается черезъ *a*, хотя греческое ο, ω было, по мнѣнію Кречмера, открытымъ; таковы, напр.—Ἀρδάγαστος, гдѣ — γαστος=словян. гостъ, Δαργαμηρος= драгомиръ и т. п. Изъ этихъ соображеній только первое сообщаетъ гипотезѣ совпаденія словянскихъ *o* и *a* въ одномъ a нѣкоторую степень вѣроятности; дифтонгъ oi могъ измѣниться въ ě черезъ посредство ö; что касается третьяго указанія Кречмера, то его доказательность подорвана критическими замѣчаніями Фасмера въ K. Z. XLI, 157 и сл. Если и допустить совпаденіе *o* и *a* въ гласномъ *a* въ балтійско-словянскую эпоху, то въ VII—VIII вв. въ словянскомъ на мѣстѣ этого *a* уже было *o*.

§ 46. Вопросъ объ условіяхъ и эпохѣ образованія праслов. носовыхъ гласныхъ является однимъ изъ наиболѣе запутанныхъ и трудныхъ вопросовъ прасл фонетики.

Основное условіе образованія носовыхъ гласныхъ изъ сочетанія *гласный*+m, n совершенно ясно: это образованіе имѣло мѣсто: a) въ концѣ слова или же b) предъ согласнымъ.

Однако, болѣе точное опредѣленіе условій образованія носовыхъ ǫ, ę въ праславянскомъ является нелегкимъ. При этомъ должно различать положеніе группы *гласный* +m, n въ срединныхъ и въ конечныхъ слогахъ.

1. Въ срединныхъ слогахъ, какъ мы видѣли выше, ę, безспорно, получается изъ сочетаній e+n, m; ē+n, m предъ согласнымъ, а ǫ - изъ

сочетаній o+n, m; a+n, m; ō+n, m; ā+n, m предъ согласнымъ: ср. § 21.

2. Вопросъ объ ę и ǫ изъ сочетаній in, un предъ согласнымъ является спорнымъ. Въ 1896 г. Лорентцъ выставилъ положеніе, что сочетанія in, un (лит. сочетанія iñ, uñ) дали въ словянскомъ ę, ǫ, сочетанія же īn, ūn (лит. ìn, ùn)—въ словянскомъ измѣнились въ i, y.

Такъ, литовскому ìnkstas — соотвѣтствуетъ праслов. *isto (др.ц.-сл. исто), литовскому lùnkas—прасл. *lyko (др.-ц.-сл. лꙑко, р. *лыко*); съ другой стороны,—литовскому gum̃bas соотвѣтствуетъ прасл. *gǫba (др.-ц.-сл. гѫба); къ первоначальнымъ in, un съ краткими i, u Лорентцъ возводилъ и ę, ǫ въ словянскихъ формахъ 3 pl. praes. *chvalętъ (др.-ц.-сл. хвалѧтъ, р. *хвалятъ*), въ формахъ—*bǫdǫ (др.-ц.-сл. бѫдѫ, р. *буду*), *nǫdja (др.-ц.-сл. нѫжда, р. *нужда*), *žędjǫ (др.-ц.-сл. жѧждѫ), *prędǫ (др.-цер.-слов. прѧдѫ, р. *пряду*) и др.; см. Arch. XVII, 86 и сл.

Положеніе Лорентца о слов. ę, ǫ изъ im, in, um, un признано Бругманномъ, K. V. Gr. 116 с. Однако считать его доказаннымъ нельзя, такъ-какъ нѣкоторые факты, приводимые Лорентцемъ, противорѣчатъ его мысли или же допускаютъ иное объясненіе: ср. Mikkola B. B. XXVII, 245 и сл., R. Sl. I, 15 с.; Pedersen K. Z. XXXVIII, 323 с., Mat. i pr. I, 167; Vondrák B. B. XXIX, 201 и сл., V. Sl. Gr. 115 с. и сл.

Примѣчаніе. Микклола уже въ годъ появленія статьи Лорентца (1896 г.)—B. B. XXVII,—высказалъ мнѣніе, что сочетанія im, um. in, un съ тѣмъ удареніемъ, которое въ слов. являлось восходящимъ (gestossen—лит. ìm, ùm, ìn, ùn) давало i, y, сочетанія же im. um. in, un съ другимъ типомъ ударенія (schleifend—лит. iñ, uñ и т. д.)—давали въ слов. ь, ъ. причемъ послѣднія сочетанія внутри слова въ словян. исчезли почти безслѣдно. Критика Педерсена и Вондрака нѣсколько подорвала значеніе фактовъ, на которые опирался Лорентцъ. Примѣры съ носовыми якобы изъ in, un (im. um),—какъ указалъ Педерсенъ, должны были имѣть нисходяще-долгое удареніе на носовомъ, которое сохранятся въ сербскомъ, а въ чешскомъ сокращается. Между тѣмъ приводимое Лорентцемъ прасл. *nǫdja (др.-ц.-сл. нѫжда) въ сербскомъ является въ видѣ nȕžda, въ словин. въ видѣ nója (изъ nòja) въ чеш.—въ видѣ nouze (ou—изъ ū): ср. р. *нужа*; прасл. gǫba (др.-ц.-сл. гѫба) въ сербскомъ — также съ краткостью: gȕba, въ словин. góba; на восходяще-долгое удареніе въ прасл. *bǫdǫ указываетъ серб. bȕd, bȕdi. Почти всѣ случаи съ носовыми, въ которыхъ Лорентцъ видитъ первоначальное im, in, um. un, допускаютъ иное объясненіе. Такъ, въ *žędjo (др.-ц.-сл. жѧждѫ) ę можетъ восходить къ en: ср. лит. pasigendù, которое Лорентцъ объясняетъ, въ угоду своей теоріи, аналогіей формы renkù; такого же происхожденія ę въ *sęk-nǫti (др.-ц.-сл. сѧк-нѫти, р. иссякнуть): ср. лит. senkù, ǫ въ *dǫti можетъ восходить къ domti или *dm̥ti, какъ Meillet, M. S. L. XIV, 366.

Единственный случай, въ которомъ ę, дѣйствительно восходитъ къ in,—форма 3 pl. praes.: *molętь, *vidętь и т. п. (др.-ц.-сл. молѧтъ, видѧтъ и

т. п.), такъ-же какъ и въ причастныхъ основахъ *molęt-, *vidęt- (др.-ц.-сл. **мола — молашти, вида — видашти**). Однако, на одномъ фактѣ нельзя основать положеніе; противники теоріи Лорентца допускаютъ, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто возстановленіе носового гласнаго подъ вліяніемъ формъ *imǫtь, *berǫtь, *imǫt-, *berǫt-, какъ думалъ Бругманнъ въ своемъ Grundr. II, 1006, и какъ принимаютъ Педерсенъ и Вондракъ: форма *chvalitь изъ *chvalintь совпадала съ 3 s. praes., почему и могло явиться снова *chvalintь подъ вліяніемъ *imǫtь, измѣнившееся затѣмъ въ *chvalętь. Въ итогѣ вопросъ должно считать открытымъ, нуждающимся въ новомъ обслѣдованіи.

3. Сочетанія in, un (im, um) въ заимствованныхъ словахъ имѣли, повидимому, иную судьбу, чѣмъ тѣ-же сочетанія въ словахъ исконнословянскихъ: такъ слогу in въ др.-в.-н. kuning соотвѣтствуетъ праслованское ę въ *kъnędzь (др.-ц.-сл. **кънаꙃь**, рус. князь); въ соотвѣтствіи готск. kintus въ др.-ц.-сл. находимъ **цата**; др.-ц.-сл. **пѣнаꙃь** своимъ **а** (ę) передаетъ in др.-в.-нѣмецкаго pfenning; прасл. *vitędzь (др.-ц.-сл. **витаꙃь**, р. витязь) находится въ такомъ же отношеніи къ др.-норд vikingr; быть можетъ, къ числу заимствованныхъ словъ относится и прасл. *čędo (др.-ц.-сл. **чадо**, р. чадо),—ср. герм. *kinda, др.-в.-н. chind; по крайней мѣрѣ, въ этомъ словѣ, прасл. ę имѣло восходящее удареніе (ср. серб. čȅdo) и, слѣдовательно, не можетъ быть возводимо къ старому *in* даже съ точки зрѣнія Лорентца.

Возникновеніе ę изъ in въ заимствованныхъ словахъ должно объяснять тѣмъ, что заимствованія эти относятся къ эпохѣ болѣе поздней сравнительно съ измѣненіемъ старыхъ сочетаній in, un (im, um) въ i, y; сочетанія in, im иныхъ языковъ восприняты были словянскимъ, быть можетъ, какъ ьn, ьm, откуда затѣмъ получилось ę. Такимъ-же образомъ, въ сравнительно позднюю эпоху, получилось словянское ǫ изъ un въ заимствованномъ названіи народа ǫgrin—др.-ц.-сл. **ѫгринъ**, р. угринъ.

4. Вопросъ о праслов. рефлексахъ и.-европ. m̥, n̥ или *am̥*, *an̥* *въ срединѣ слова* является, подобно вопросу о рефлексахъ сочетаній in, un (im, um) — спорнымъ. Вондракъ B. B. XXIX, 207 и V. Sl. Gr. полагаетъ, что m̥̄ и n̥̄ давали въ праслов. ę и ǫ, тогда какъ m̥, n̥—ъ или ь. Педерсенъ K. Z. XXXVIII, 386 и сл., 395 и сл. принимаетъ въ качествѣ рефлексовъ и.-евр. m̥, n̥, ę и ъ, причемъ двойственность эту объясняетъ не количественнымъ различіемъ, а различіемъ въ звуковой окраскѣ m̥, n̥ и комбинаторными условіями: $m̥^i$ и $n̥^i$ давали ę; изъ $m̥^u$ и $n̥^u$, наоборотъ, получалось ъ; такъ въ прасл. *desętь (др.-ц.-сл. **десать**, р. десять)—ę получилось изъ $m̥^i$: ср. лит. dẽšimt; въ прасл. *sъto (др.-ц.-сл. **съто**, р. сто) ъ получилось изъ $m̥^u$, причемъ приходится допускать измѣненіе въ праслов. первоначальнаго $m̥^i$, на которое указываетъ лит. szim̃tas, въ $m̥^u$ предъ слѣдующимъ твердымъ t; предъ мягкимъ же t (слоги—tь,

—ti,—tj) m̥ⁱ сохранялось; прасл. *desętъ (др.-ц.-сл. десѧтъ, р. десятый) Педерсенъ объясняетъ вліяніемъ количественнаго: *desętь.

Мелье M. S. L. X, 140; XIV, 196, 197, 366, 367, 371—372 считаетъ рефлексомъ m̥, n̥—ę и ъ, рефлексомъ m̥̄, n̥̄—ę и ǫ. Онъ выводитъ прасл. *dǫti (др.-ц.-сл. дѫти, р. дуть) изъ *dm̥̄ti, др.-ц.-сл. глѫбокъ при глѫбокъ—изъ *glm̥bokъ.

Бругманнъ K. V. Gr. 130 с. принимаетъ для средины слова лишь одинъ рефлексъ слоговыхъ m̥, n̥ и m̥̄, n̥̄—ę, съ различіемъ въ качествѣ ударенія. Слов. *sъto (др.-ц.-сл. съто) Б. считаетъ иранскимъ заимствованіемъ.

Несомнѣннымъ можно признать вмѣстѣ съ Бругманномъ въ качествѣ прасл. рефлекса m̥, n̥, m̥̄, n̥̄—ę: прасл. *čęstъ (др.-ц.-сл. чѧстъ, р. частый): лит. kim̃štas; *desętъ (др.-ц.-сл. десѧтъ, р. десятый), лит. dešim̃tas, греч. δέκατος; прасл. *devętь (др.-ц.-сл. девѧть, р. девять): лит. deviñtas. При этомъ ę изъ m̥, n̥ имѣло на себѣ нисходяще-долгое удареніе; а на ę изъ m̥̄, n̥̄ ожидали-бы—восходяще-долгое; ср. выше, § 22; вѣрныхъ примѣровъ для послѣдняго (ę изъ m̥̄, n̥̄) однако указать нельзя.

Весьма вѣроятно, однако, что, рядомъ съ ę, рефлексомъ m̥, n̥ (m̥̄, n̥̄) было также ǫ: изъ ъm, ъn должно было получаться ǫ, разъ ьm, ьn давали ę, а въ положеніи предъ гласнымъ изъ m̥, n̥ (m̥̄, n̥̄) имѣлось какъ ьm, ьn, такъ и ъm, ъn, въ зависимости отъ звуковой окраски слоговыхъ носовыхъ; быть можетъ, ǫ въ прасл. *dǫti (др.-ц.-сл. дѫти, р. дуть, лит. dùmti) получилось именно изъ m̥̄, какъ думаетъ Meillet; иначе Pedersen K. Z. XXXVIII, 396 с.

Примѣчаніе. Мысль Вондрака, что различіе количественное между m̥, n̥ и m̥̄, n̥̄ лежало въ основѣ раздвоенія: ь, ъ,—ę, ǫ повидимому—ошибочна. Первоначальное различіе между m̥, n̥ и m̥̄, n̥̄ очень рано исчезло, такъ-какъ, вѣроятно, уже въ балтійско-словянскую эпоху, и во всякомъ случаѣ въ очень ранній періодъ жизни прасл. языка m̥, n̥ и m̥̄, n̥̄ измѣнились въ сочетанія слоговой редуцированный гласный + неслоговой носовой n, m; при этомъ носовой согласный краткій подвергался въ положеніи предъ согласнымъ удлиненію по общему закону удлиненія плавныхъ и носовыхъ въ такомъ положеніи.

Болѣе правдоподобной, на первый взглядъ, является мысль Педерсена о значеніи различія въ звуковой окраскѣ: mⁱ и mᵘ; тѣмъ не менѣе, примѣры, на которыхъ основано положеніе о ъ изъ m̥, n̥,—шатки, и положеніе это не можетъ считаться доказаннымъ,—ср. Mikkola Roczn. Sl. I, 15 и сл.

Какъ было сказано выше, § 22, слоговые m̥, n̥ (m̥̄, n̥̄) потеряли свое слоговое качество, быть можетъ, уже въ балтійско-словянскую эпоху. При этомъ нельзя считать доказаннымъ, что сочетанія im, in, um, un имѣли въ словянскомъ ту-же судьбу, что и сочетанія ьm, ьn, ъm, ъn изъ слоговыхъ носовыхъ. Возможно, поэтому, что совпаденіе сочетаній ьn, ьm, ъm, ъn и сочетаній in, im, um, un не принадлежитъ столь глубокой древности, что тѣ и другія со-

четанія въ словянскомъ первоначально различались, и совпаденіе ихъ въ одномъ ьm, ъm, ьn, ъn произошло позже эпохи образованія носовыхъ гласныхъ.

Законъ объ измѣненіи въ праслов. сочетанія ьn (изъ и.-евр. n̥) въ положеніи предъ s, z (изъ и.-евр. s, z), ch въ а, который выставилъ Jokl, пока нельзя считать доказаннымъ; ср. по этому вопросу статьи въ Arch. XXVIII, 1 и сл., XXIX, 11—49 с.с. (Jokl), XXIX, 1—11 (Charpentier).

§ 47. По отношенію къ концу слова должно различать судьбу сочетаній *гласный+носовой*: а) въ абсолютномъ концѣ слова и b) предъ согласнымъ.

Для перваго положенія можно установить слѣдующіе рефлексы сочетаній *гласный+носовой*:

1. Сочетанія -im, -in дали въ праслов. ь: ср. форму acc. s. лит. nakti, греч. *ὄφιν*, лат. turrim, др.-инд. matím и слов. *noktь (др.-ц.-слов. **нощть**, р. *ночь*).

2. Сочетанія -um, -un дали ъ: ср. форму acc. s. лит. súnu, греч. *πῆχυν*, лат. manum, др.-и. sūnúm и прасл. *synъ (др.-ц.-сл. **сынъ**).

3. Сочетанія -om, -on дали ъ: ср. форму acc. s. лит. vilką (гдѣ ą изъ on, такъ-какъ въ литовскомъ о является, какъ а), греч. *λύκον*, лат. lupum (изъ болѣе древняго lupom), др.-и. vr̥kam (въ др.-и. совпали о, е и а въ одномъ а) и прасл. *vъl̥kъ (др.-ц.-сл. **влькъ**).

То-же наблюдается въ 1 s. aor. прасл. *nesъ (др.-ц.-сл. **несъ**): ср. греч. *ἔφερον* (*я несъ*).

4. Сочетаніе *гласный+носовой*, получившееся изъ и.-евр. m̥, n̥, если судить по такимъ формамъ acc. s., какъ праслов. *kamenь, *materь, *сьrkъvь (др.-ц.-сл. **камень, матерь, црькъвь**) давало также ь, какъ и сочетаніе in, im. Формы эти требуютъ осторожнаго отношенія къ себѣ, такъ-какъ склоненіе этихъ именъ, какъ можно судить по показаніямъ др.-ц.-сл. памятниковъ и другихъ словянскихъ языковъ, уже въ праслов. языкѣ подверглось вліянію склоненія такихъ именъ, какъ *gostь, *kostь (др.-ц.-сл. **гость, кость**); ср. § 49.

5. Сочетаніе -ān, -ām является въ видѣ ǫ въ формѣ acc. s. именъ ж. р. *vodǫ, *ženǫ и т. п. (др.-ц.-сл. **водѫ, женѫ**, гдѣ ѫ=ǫ).

6. Сочетаніе -ōn является въ видѣ у въ формѣ n. s. m. *kamy (др.-ц.-сл. **камы**—*камень*); ср. греч. *ἄκμων*.

Съ другой стороны, однако, на мѣстѣ сочетанія -ōn въ формѣ gen. pl. находимъ ъ: прасл. *volsъ (др.-ц.-сл. **власъ**, р. волосъ), *vъlkъ (др.-ц.-сл. **влькъ**)—греч. *λύκων*. При этомъ -ōn въ формѣ n. s. именъ, какъ *kamy изъ *kamōn имѣло другой видъ долготы, нежели ōn въ формѣ gen. pl.; литов. akmû съ ˜ на û получилось изъ akmōn съ той интонаціей, которая обозначается терминомъ Stosston, въ силу отпаденія n, вызвавшаго измѣненіе интонаціи.

7. Сочетаніе -ēn, -ēm является въ слов. въ видѣ ę: ср. формы *mę, *tę, *sę (др.-ц.-сл. мѧ, тѧ, сѧ, гдѣ ѧ=ę)—др.-и. mām, tvām.

§ 48. При положеніи въ конечномъ слогѣ слова предъ согласнымъ сочетаніе *гласный+носовой* даетъ иные результаты.

1. Сочетаніе in+s даетъ i: прасл. форма acc. pl. *gosti (др.-ц.-сл. гости, ср. р. *въ-гости*),—окончаніе -ins въ готскомъ austins и греч. діалектическомъ (крит.) *πόλινς*.

2. Сочетаніе un+s даетъ y: прасл. форма acc. pl. *syny (др.-ц.-сл. сꙑнꙑ)—готск. sununs, греч. діалектическое (критское) *ὑιύνς*.

3. Сочетаніе on+согласный даетъ не всегда одинаковые результаты: on+s является въ видѣ y въ формѣ acc. pl. *vъ̥lky (др.-ц.-сл. влькꙑ)—греч. (критское) *λύκονς*, готск. wulfans; on+t является въ видѣ ǫ въ формѣ 3 plur. aor. *vedǫ (др.-ц.-сл. ведѫ)—греч. *ἔγνο-ν*, *ἔλιπο-ν* (*узнали, оставили*). Аналогично формѣ acc. pl. *vъ̥lky—получилось y изъ -onts въ формѣ причастія наст. вр. *vedy (др.-ц.-сл. ведꙑ): ср. род. п. *vedǫtja (др.-ц.-сл. ведѫшта).

То-же сочетаніе послѣ мягкаго неслогового звука является въ видѣ ę въ формѣ прич. наст. вр. *znaję (др.-ц.-сл. знаѩ, р. *зная*): ср. р. п. ед. ч. *znajontja (др.-ц.-сл. знаѭшта, р. *знающа(го)*); въ формѣ acc. pl. *kraję (др.-ц.-сл. краѩ) имѣемъ также ę изъ -ons послѣ мягкаго неслогового: ср. *raby изъ *rabons.

4. Для сочетанія ān+s нѣтъ вѣрныхъ примѣровъ. Можно предполагать новообразованіе съ āns вмѣсто первоначальнаго ās въ формѣ вин. мн. *vody (др.-ц.-сл. водꙑ, р. *воды*): ср. форму того-же склоненія, но съ исходомъ корня на мягкій неслоговой звукъ: *zemlję (др.ц.-сл. землѩ).

5. Сочетаніе *гласный+носовой*, получившееся изъ слогового n̥ предъ согласнымъ дало ę въ формѣ 3 plur. aor. *dašę (др.-ц.-сл. дашѧ, др.-р. *даша*), которую возводятъ къ *dachn̥t.

§ 49. Приведенные примѣры, относящіеся къ судьбѣ сочетаній *гласный+носовой* въ конечномъ слогѣ слова, представляютъ матеріалъ, не вполнѣ достаточный для установленія твердыхъ положеній по данному вопросу. Не вполнѣ сходныя показанія фактовъ, относящихся къ отдѣльнымъ грамматическимъ категоріямъ, требуютъ согласованія, но оно затрудняется тѣмъ, что въ результатахъ измѣненія сочетаній *гласный+носовой* могли отразиться самые разнообразные факторы и условія: мѣсто ударенія, характеръ интонаціи, хронологическое отношеніе звуковыхъ законовъ праслов. эпохи, вліянія грамматической аналогіи; наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ могла побѣдить и обобщиться форма слова, употреблявшаяся предъ паузой, въ концѣ фразы, или же, наоборотъ,—упо-

треблявщаяся въ срединѣ фразы, гдѣ конецъ слова съ сочетаніемъ in, un, on, ins, ons и т. д. тѣсно примыкалъ къ началу слѣдующаго слова.

Примѣромъ затрудненій можетъ служить отношеніе формъ: 3 pl. praes. *znajǫtъ (др.-ц.-сл знаѭтъ, р. *знаютъ*) изъ *znajontъ (здѣсь сочетаніе jont—въ срединѣ слова), *znaję (др.-ц.-сл. знаѩ, рус. *зная*) изъ *znajonts — nom. s. m. причастія наст. вр., *znajǫtja (др.-ц.-сл. знаѭшта, р. *знающаго*)—g. s. m. того-же причастія, *konję acc. pl. (др.-ц.-сл. коньѩ) изъ *konjons: ср. *raby изъ *rabons.

Въ однихъ изъ указанныхъ примѣровъ jons дало jǫ, въ другихъ—ję. Примѣры *konję, *znaję даютъ указаніе, что законъ измѣненія jo въ je предшествовалъ образованію носового гласнаго изъ сочетанія *гласный*+*носовой*: *konjons>*konjens>*konję. Съ другой стороны, формы *znajǫtъ, *znajǫtja препятствуютъ этому допущенію. Возможно, что эти формы представляютъ новообразованія, явившіяся подъ вліяніемъ *berǫtъ и *berǫtja, такъ-какъ предположеніе, что образованіе носовыхъ гласныхъ въ срединѣ и въ концѣ слова суть явленія различныхъ эпохъ,—было бы слишкомъ искусственно.

Что касается формы acc. s. f. *voljǫ (др. ц.-сл. волѭ, р. *волю*) изъ voljān (первоначально voljām), то эта форма требуетъ объясненія, которое бы согласовалось съ судьбой формы dat. s. f. *volji (др.-ц.-сл. воли) изъ *voljāį: ср. греч. θεᾷ; форма dat. s *volji получилась изъ *voljeį, а эта послѣдняя изъ voljoi вслѣдствіе измѣненія jo>je; по аналогіи voljāį >voljeį... мы ожидали бы и acc. s. voljān>*volję, имѣемъ же *voljǫ. Затрудненіе въ данномъ случаѣ исчезаетъ, если принять гипотезу Бругманна K. V. Gr. 279 c., что долгій гласный предъ į, n сокращался въ праслов. при извѣстной интонаціи (Schleifton): такая именно интонація была въ dat. s. voljāį (ср. греч. θεᾷ), слѣдовательно, voljāį>voljai, т. е. voljoį, откуда voljeį и затѣмъ *volji. Повидимому, въ acc. s. *voljān этого сокращенія не было въ эпоху, когда jo>je, такъ-какъ окончаніе -ām въ acc. s. f. первоначально имѣло иную интонацію, чѣмъ въ dat. s. (Stosston): ср. греч. θεάν; позже въ словянскомъ, какъ и въ литовскомъ интонація эта замѣнилась иной (Schleifton).

Такимъ образомъ, форма *voljān (изъ voljām) не подверглась дѣйствію закона jo>je и дала форму *voljǫ.

Изъ предыдущаго также ясно, что измѣненіе jo>je предшествовало измѣненію -ons въ -uns (и on въ un), которое предполагается формой *vъļky изъ *vъļkons: при обратномъ предположеніи мы получили бы—konjuns, что не могло бы дать *konję.

Примѣчаніе. Др.-русская форма *конѣ* acc. pl. и польское konie, гдѣ ie изъ ě, не соотвѣтствуютъ др.-ц.-сл. формѣ и требуютъ объясненія; однако это

объясненіе врядъ ли можетъ быть фонетическимъ: повидимому, образованіе причастной формы *znaję изъ *znajon(t)s параллельно образованію формы *konję, *kraję изъ *konjons, *krajons.

Указанію формы *konję изъ *konjons противорѣчатъ формы: *konjь acc. s. (др.-ц.-сл.- конь, р. *гвоздь*) и *konjь gen. pl. (др.-ц.-сл. конь); первая получилась изъ *konjon ср. *vъlkon, вторая—изъ *konjōn, которое въ силу сокращенія ō дало konjon (ср. ниже).

При предположеніи, что измѣненіе jo>je древнѣе измѣненія on въ un, мы ожидали бы изъ *konjon acc. s. и gen. pl. *konjen, откуда не могло бы получиться *konjь.

Однако можно предположить, что фонетическая форма *konjen была вытѣснена нефонетической *konjun подъ вліяніемъ *rabun, откуда и получилось *konjь.

Выше отмѣченная гипотеза Бругманна о праслов. сокращеніи гласнаго предъ конечнымъ i̯, n представляетъ также объясненіе формы gen. pl. *vъl̥kъ изъ *vъl̥kōn при *kamy изъ *kamōn; конечное ō+n въ gen. pl. *vъl̥kon (Schleifton) подверглось сокращенію, въ силу чего получилось on, затѣмъ un и, наконецъ, u, т. е. ъ, какъ въ acc. s. *vъl̥kъ изъ *vъl̥kon. Измѣненіе *kamōn въ *kamy объясняется, если не характеромъ интонаціи (Stosston), то, быть можетъ, нефонетическимъ измѣненіемъ ея въ kamōns съ s, полученнымъ изъ nom. s. *rabos, *gostis, *sunus; *kamōns должно было дать тѣ-же результаты, что и rabons (>rabōns), т. е. *kamy, какъ *raby.

Примѣчаніе. Гипотеза эта была высказана Фортунатовымъ въ одномъ изъ литографированныхъ курсовъ по сравнит. грамматикѣ индо-европ. языковъ.

Формы *raby изъ *rabons, *nesy изъ *neson(t)s указываютъ на измѣненіе сочетанія—ons въ конечномъ слогѣ въ ūns, путемъ—ons>uns>ūns или же ons>ōns>ūns, т. е. въ силу измѣненія o предъ ns въ u, параллельное измѣненію on>un въ формѣ *vъl̥kon>*vъl̥kun (>*vъl̥kъ) и въ силу удлиненія гласнаго предъ групной—ns. Предполагая второй путь: rabons>rabōns>rabūns мы можемъ для объясненія формы 3 pl. aor. *dvigǫ, *nesǫ и т. п. допустить удлиненіе o въ сочетаніи—ons въ конечномъ слогѣ при отсутствіи измѣненія ōn+t въ ūn+t или же измѣненіе ūnt>ūn—въ ǫ въ силу извѣстнаго вида интонаціи.

Въ формѣ acc. s. rabon>*rabъ, очевидно, должно предполагать болѣе раннее измѣненіе on въ un сравнительно съ исчезновеніемъ конечнаго n, которое можно, въ согласіи съ Бругманномъ K. V. Gr. 279 c., предполагать послѣ краткаго гласнаго въ конечномъ слогѣ предъ паузой: *gostin>*gosti, т. е. *gostь; *sūnun>*sūnu, т. е. *synъ; *vъl̥kun (изъ *vъl̥kon)

>*vъḷ̥ku, т. е. *vъḷ̥kъ,—между тѣмъ—какъ такого отпаденія согласнаго не было послѣ долгаго гласнаго,—въ формѣ *vodān (изъ *vodām).

Принимая эту гипотезу, мы можемъ считать закономѣрнымъ рефлексомъ слогового ṇ (m̥)—ь въ acc. s. *kamenь, *materь, гдѣ ьn изъ m̥ дало ь.

По отношенію къ формѣ acc. pl. именъ жен. р. *vody, которая въ предыдущемъ изложеніи осталась неоговоренной, объясненіе было бы легкимъ, если исходить изъ формы *vodāns и допускать сокращеніе ā предъ конечнымъ—ns при извѣстной интонаціи (Schleifton): vodans, т. е. vodons, откуда *vody такимъ же образомъ, какъ и *vъḷ̥ky изъ *vъḷ̥kons.

Такимъ образомъ, при объясненіи указанныхъ въ §§ 47, 48 формъ можно исходить изъ предположенія слѣдующей хронологіи звукоизмѣненій.

Прежде всего, вѣроятно, конечное m измѣнилось въ n,—по Бругманну еще въ балтійско-словянскую эпоху K. V. Gr. 279 c.

Затѣмъ: 1. Долгіе гласные предъ конечнымъ i̯, n при извѣстномъ характерѣ интонаціи (Schleifton) сократились: *vodai dat. s., *vъḷ̥kon g. pl. изъ *vodāi, *vъḷ̥kōn. 2. jo измѣнилось въ je: *voljai, т. е. *voljoi, измѣнилось въ *voljei; *konjons измѣнилось въ *konjens. 3. Сочетаніе ons измѣнилось въ ōns, ont въ ōnt: *rabons acc. pl.>*rabōns; *nesont 3 pl. aor.>*nesōnt. 4. Сочетаніе on измѣнилось въ un, ons въ ūns: *vъḷ̥kon >*vъḷ̥kun, *vъḷ̥kōns>*vъḷ̥kūns. 5. Конечное n послѣ краткихъ гласныхъ предъ паузой отпало: *gostin, *sunun, *vъḷ̥kun>*gosti, *sunu *vъḷ̥ku, т. е. *gostь, *synъ, *vъḷ̥kъ (acc. s. и gen. pl.). 6. Сочетаніе гласный+носовой измѣнилось въ носовой гласный: *vodām дало *vodǫ, *voljām>*voljǫ; *konjen(s) дало *konję; *nesōn(t) 3 pl. aor.>*nesǫ; *gostins, *sununs, *vъlkūns дали формы съ носовыми ī, ū, которые затѣмъ измѣнились въ неносовые ī, ū.

Примѣчаніе. По вопросу о судьбѣ сочетаній *гласный+носовой* въ конечномъ слогѣ ср. Lorentz въ Arch. XVIII, 86 и сл., Mikkola въ B. B. XXII, 245 и сл., Roczn. Slaw. I, 11—12 c.c., Brugmann K. V. Gr. 279—280 c.c., Vondrák въ B. B. XXIX, 201 и сл., Vergl. Sl. Gr. I, 122 и сл.

§ 50. Аналогично указанному выше *u* изъ *o* въ конечномъ слогѣ предъ n,—во всѣхъ словян. языкахъ имѣется рефлексъ *u* (ъ) на мѣстѣ *o* въ конечномъ слогѣ предъ s: такъ, въ соотвѣтствіи греческому *λύκος* въ др.-ц.-сл. находимъ **влькъ** (**влъкъ**), въ русскомъ *волкъ*, въ польскомъ wilk и т. д.: во всѣхъ живыхъ словянскихъ языкахъ конечное ъ исчезло.

Происхожденіе этого *u* (ъ) изъ -os понимается отдѣльными изслѣдователями не одинаково.

Фортунатовъ предполагаетъ фонетическое измѣненіе -os въ -us, на ряду съ измѣненіемъ -on въ -un, и объясняетъ *dělo изъ *dělon (ср. др.-ц.-сл. **дѣло**, р. *дѣло*) вмѣсто ожидаемаго *dělъ вліяніемъ мѣстоименной

формы *to изъ *tod (др.-ц.-сл. то, р. *то*), въ которой d отпало раньше эпохи измѣненія *о* въ *и* въ конечномъ слогѣ предъ согласнымъ; по аналогіи *to, *dělo, по мнѣнію Фортунатова, и имена средн. р. *slovos nom. s. (род. п. *slovese—др.-ц.-сл. словесе) дали форму *slovo (др.-ц.-слов. слово, рус. *слово*: ср. греч. $\kappa\lambda\acute{\epsilon}(\digamma)o\varsigma$), а не slovъ; ср. B. B. XXII (1897), 164 стр., примѣч.; такъ-же—въ Изв. XIII, кн. 2 (1908), 27 стр.

Этотъ взглядъ раздѣляетъ также Бернекеръ въ K. Z. XXXVII, 370 стр. и сл., причемъ онъ отрицаетъ правило Гирта (Hirt), что ударяемое *о* въ конечномъ слогѣ сохранялось, а переходило въ *и*—лишь неударяемое.

Взглядъ Фортунатова принимаютъ также Педерсенъ (Pedersen) въ K. Z. XXXVIII, 321 стр. и Бругманнъ въ K. V. Gr. 376 стр., прим.

Съ другой стороны, Лескинъ въ I. F. XXI, 335 и сл. и въ Gr. d. altb. Spr., 49 с., отрицая положеніе Фортунатова (os>us), признаетъ фонетическимъ лишь измѣненіе -on въ -un. Съ его точки зрѣнія форма *slovo изъ *slovos является фонетической, форма же *dělo изъ *dělon явилась подъ вліяніемъ *slovo; также форма *vъḷkъ nom. s. изъ *vъḷkos, по мнѣнію Лескина, является нефонетической,—проникшей изъ acc. s, гдѣ *vъḷkon правильно дало *vъḷkun (затѣмъ—*vъḷkъ).

Примѣчаніе. Въ пользу мысли Фортунатова какъ будто говорятъ формы dat. pl. съ окончаніемъ *-mъ (др.-ц.-сл. влькомъ, сынъмъ, гостьмъ) и формы 1 pl. praes. съ окончаніемъ *-mъ (др.-ц.-сл. несемъ, молимъ); и то, и другое окончаніе, можетъ восходить къ *mos, что признаетъ вѣроятнымъ и Лескинъ. Не невозможны однако и другія объясненія этихъ формъ. Противъ мысли Фортунатова Лескинъ выдвигаетъ форму 3 pl. aor. *mogǫ (др.-ц.-сл. могѫ) изъ *mogont: допуская отпаденіе t до измѣненія *о* въ *и*, мы должны, указываетъ Лескинъ, получить изъ *mogont—*mogon и затѣмъ *mogun, *mogъ; вѣроятно ли, однако, допускать, что конечное t могло уничтожить вліяніе n на предшествующее o въ конечномъ слогѣ -ont? Если конечное -on измѣнялось въ un, ons—въ uns, то ожидаемъ такого же измѣненія -ont въ -unt. Возможно, поэтому, что дифференціація формъ *vъḷkons и *mogont (*vъḷky—*mogǫ) обусловлена иными условіями. Нельзя, конечно, относить отпаденіе t къ литовско-словянской эпохѣ; а допуская болѣе раннее отпаденіе t въ праслов. эпоху сравнительно съ измѣненіемъ *о* въ *и*, необходимо предположить удлиненіе o въ группахъ -ons, -ont до отпаденія t: 1) *vъḷkos, *vъḷkon, *vъḷkons, *mogont; 2) *vъḷkos, *vъḷkon, *vъḷkōns, *mogōnt; 3) *vъḷkos, *vъḷkon, *vъḷkōns, *mogōn; 4) *vъḷkus, *vъḷkun. Впрочемъ, и форма mogǫ изъ mogont не можетъ рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону, такъ-какъ неясно, что должно было получиться изъ -unt: ǫ или y; ср. выше § 46, 2 п.

Если переходъ *о* въ *и* имѣлъ мѣсто въ конечномъ слогѣ не только предъ n, но и предъ s, то, очевидно, онъ имѣлъ мѣсто въ праславянскомъ языкѣ въ ту-же эпоху, что и предъ n, т. е. этотъ фонетическій законъ моложе измѣненія jo въ je (ср. § 51); слѣдовательно, форма nom.

s. *konjos должна была бы фонетически дать *konjes и затѣмъ *konje; если же имѣемъ *konjь (др.-ц.-сл. конь, р. *конь*), то должно предполагать нефонетическое проникновеніе -us на мѣсто -es въ форму *konjes:*konjus; откуда *konjъs, *konjь.

§ 51. Предшествующее изложеніе выяснило, что измѣненіе jo въ je является однимъ изъ древнѣйшихъ звукоизмѣненій праславянской эпохи. Такъ, оно древнѣе измѣненія въ конечномъ слогѣ предъ согласнымъ (n и, быть можетъ, s) *o* въ *u* и древнѣе измѣненія дифтонга oi въ ě, какъ показываетъ форма dat. s. *volji изъ *voljoi (др.-ц.-сл. воли, ср. греч. *χώραι*): *voljoi*>voljei>*volji, тогда-какъ при обратномъ предположеніи получилось бы: voljoi >*voljě >*volja. Послѣднее —*volja ожидается въ силу того звукового закона праслов. языка, по которому ě послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ—j, č, ž, š измѣнялось въ a: ср. праcл. *ležati (др.-ц.-сл. лежати, р. *лежать*) изъ *legēti, какъ *viděti (др.-ц.-сл. видѣти, р. *видѣть*) изъ vidēti.

Хронологія этого измѣненія ě въ ja не вполнѣ ясна: несомнѣнно, что оно моложе измѣненія задненебныхъ k, g, ch въ положеніи предъ ē въ смягченные č, ǧ (dž), š, но трудно съ увѣренностью рѣшить вопросъ, что древнѣе,—измѣненіе ě въ *a* послѣ j (č, ǧ, š) или же измѣненіе oi въ ě. Такъ-какъ внутри слова ě изъ oi послѣ мягкихъ неслоговыхъ не можетъ имѣть мѣста въ силу болѣе древняго измѣненія oi въ такомъ положеніи въ ei, то вопросъ сводится къ слѣдующему: измѣнялось ли ě изъ oi *въ началѣ слова* въ ja въ силу того, что предъ начальнымъ ě изъ oi развивался новый j или i̯. На этотъ вопросъ Педерсенъ отвѣчаетъ утвердительно, ссылаясь на праcл. *jadъ (др.-ц.-сл. ıадъ, р. *ядъ*), которое онъ сопоставляетъ съ греч. *οἰδάω*, и праcл. *jazva (др.-ц.-сл. ıазва, р. *язва*), которое онъ связываетъ съ лит. aižýti (вылущивать). Если эти сопоставленія вѣрны, то *oidъ>*ědъ>*jědъ>*jadъ, т. е. ja получалось не только изъ ě (въ срединѣ слова), восходящаго къ ē, но и изъ ě (въ началѣ слова) восходящаго къ oi: ср. I. F. V, 43 стр. Очевидно, положеніе Педерсена требуетъ также допущенія, что новое i̯ или j могло развиваться предъ начальнымъ ě въ эпоху послѣ перехода oi въ ě. Однако утвердить общее положеніе на двухъ этимологіяхъ едва-ли можно; объ ıадъ и ıазва ср. Фортунатовъ Arch. XII, 95 и сл., Шахматовъ Изв. VI, 4 кн., 293.

§ 52. Если измѣненіе oi въ ě произошло, какъ мы видѣли, позже перехода jo въ je, то естественно считать болѣе позднимъ сравнительно съ послѣднимъ (jo>je) и переходъ другихъ дифтонговъ въ монофтонги, т. е. ei (joi) въ i, ou въ u, eu въ u и ju. Объ условіяхъ измѣненія eu въ *u* и *ju* упоминалось выше (§ 20, § 40).

Для заметок.

р. *бѣжать*): ср. *bĕgъ (др.-ц.-сл. бѣгъ, р. *бѣгъ*); прасл. *bĕžiši изъ *bĕgiši (др.-ц.-сл. бѣжиши, рус. *бѣжишь*): ср. bĕgǫ 1 s. praes. (др.-ц.-слов. бѣгѫ, р. *бѣгу*); прасл. *božьskъ изъ *bogьskъ (др.-ц.-сл. божьскъ, р. *божескій*): ср. *bogъ; прасл. *lъža изъ *lъgja (др.-ц.-сл. лъжа, серб. laža): ср. *lъgǫ (др.-ц.-сл. лъгѫ, р. *лгу*). 3) прасл. *rĕšę 3 pl. aor. (др.-ц.-сл. рѣшѧ): ср. 1 ед. *rĕchъ (др.-ц.-сл. рѣхъ); прасл. *slyšĕti изъ *slychĕti, затѣмъ измѣнившееся въ *slyšati (др.-ц.-сл. слышати, р. *слышать*); прасл. *dušiti изъ *duchiti (др.-ц.-сл. доушити, р. *душить*): ср *duchъ; прасл. *šьdъ изъ *chьdъ (др.-ц.-сл. шьдъ — шьдъши, русс. *шедши*): ср. *chodъ, *choditi; прасл. *duša изъ *duchja (др.-ц.-сл. доуша, р. *душа*): ср. *duchъ.

По отношенію къ праславянскому ž изъ g необходимо сдѣлать примѣчаніе: такъ-какъ изъ k въ положеніи предъ палатальными звуками получался слитный согласный č (слитное tš), то и изъ g ожидали бы въ такомъ же положеніи соотвѣтствующаго звонкаго слитнаго ǧ (dž); повидимому, ž изъ g предъ палатальными является не первоначальнымъ рефлексомъ g предъ e, ę и т. д., а упрощеніемъ ǧ: на это указываетъ судьба g въ положеніи послѣ z предъ тѣми же палатальными: сочетаніе zg давало не zž, откуда получилось бы žž, но žd, а эта группа могла получиться лишь изъ z+dž (ǧ) чрезъ посредство ždž; первоначальное *givos (ср. лит. gývas) дало *živъ (др.-ц.-сл. живъ, р. *живъ*), но сочетаніе *iz-givenije давало не iz-živenije и затѣмъ iždivenije, но *iždivenije, какъ показываетъ др-ц.-сл. иждивеніе, эта же послѣдняя форма получилась изъ *iz-ǧivenije (*iz-dživenije, откуда *iždživenije); такимъ-же образомъ получилось др.-ц. сл. изможденъ (*изможденный*) изъ *iz-mozgenъ (ср. др.-ц.-сл. мозгъ, р. *мозгъ*), и др.-ц.-сл. иждено изъ iz-genǫ (др.-ц.-сл. женѫ 1 s. praes. при неопр. накл. гънати, малорусс. *жену*); ср. также польск. możdżek. Въ русскомъ языкѣ группа ždž упростилась иначе: въ žž, — ср. *разможжить.* Что касается вопроса, почему ǧ изъ g упростилось въ ž, тогда какъ č сохранилось (русс. боже, м.-р. *чоловіче,* др.-ц.-сл. боже — чловѣче, серб. bȍže — čȍveče), — то, быть можетъ, эта разница въ судьбѣ č и ǧ объясняется тѣмъ, что глухой слитный č представляетъ болѣе интенсивный взрывъ (fortis) сравнительно со звонкимъ слитнымъ ǧ (lenis); ср. Буличъ въ I. F. V. (1895 г.), 389 с.

§ 54. Тѣ-же задненебные k, g, ch въ положеніи предъ палатальными гласными ĕ, i, получившимися изъ дифтонговъ oi, ai, измѣнялись въ праславянскомъ языкѣ въ согласные c. dz, s. Такъ: 1) dat. s. *rǫk+ĕ измѣнился въ *rǫcĕ (др.-ц.-сл рѫцѣ): ср. греч. χώρᾳ изъ χώραι; та-же форма *rǫcĕ nom. dual. сохранена до сихъ поръ въ польскомъ ręce; въ nom. pl. форма *vъ̥k—i изъ *vъ̥koi (греч. λύκοι) такимъ же образомъ измѣнилась въ *vъ̥ci (др.-ц.-сл. вльци, влъци); формы повел. накл. *pьk — i

2 sing., *ръk-ěte 2 pl. измѣнились въ *ръсі, *ръсěte (др.-ц.-слов. пьци, пьцѣте): ср. *beri—*berěte (др.-ц.-сл. бери, берѣте)—греч. φέροις, φέροιτε: ср. также прасл. *cěna (др.-ц.-сл. цѣна, р. *цѣна*, пол. cena) и лит. kaina, греч. ποινή; прасл. *cělъ (др.-ц.-сл. цѣлъ, р. *цѣлъ*, пол. cały) и прусск. kailūstiskan *(здоровье)*, гот. hails. 2) dat. s. *nodzě изъ *nogě (др.-ц.-сл. нозѣ): ср. выше *rọcě; imperat. *žьdzi изъ žьgi (др.-ц.-сл. жьзи): ср. выше *ръсі. 3) n. pl. *dusi изъ *duch-i (др.-ц.-сл. доуси): ср. выше *vьlci; loc. s. *musě изъ much-ě (др.-ц.-сл. моусѣ).

Относительно ch предъ ě, і изъ дифтонга oi (ai) между отдѣльными слов. языками нѣтъ полнаго согласія: въ западно-слов. языкахъ ch измѣнилось не въ s (смягченное), а въ š́: пол. musze loc. s., чеш. mouše въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. моусѣ; ср. также др.-ц.-сл. сѣдъ, р. *сѣдой* и пол. szedziwy, чеш. šedivý; др.-ц.-сл. сѣръ, р. *сѣрый* и пол. szary, чеш. šerý. Однако въ ближайше-родственномъ чешскому языку словацкомъ находимъ ženisi изъ *ženichi, въ моравскихъ говорахъ muse, а не muše; поэтому можно думать, что польское и чешское š на мѣстѣ стараго ch получилось также изъ болѣе древняго ś; ср. Ягичъ, Arch. XXIII (1901 г.), 127 стр.

Различная судьба задненебныхъ k, g, ch въ положеніи предъ палатальными гласными ě, і изъ дифтонга oi (ai) и предъ палатальными гласными иного происхожденія *естественнѣе всего* объясняется предположеніемъ, что переходъ k въ č и измѣненіе его въ c (такъ-же g въ ǧ и dz, ch въ š и s)—явленія различныхъ эпохъ: въ то время, какъ k, g, ch измѣнялись въ č, ǧ (ž), š, сочетанія koi, goi, choi еще не измѣнились въ kě, gě, chě (или ki, gi, chi); это измѣненіе—явленіе болѣе поздняго времени, и сочетанія kě, gě, chě, ki, gi, chi въ эту болѣе позднюю эпоху измѣнялись инымъ образомъ.

Итакъ, измѣненіе k, g, ch въ č, ǧ, š предъ j, e, ę, ь, ě и і не изъ oi (ai) представляетъ явленіе болѣе древнее, чѣмъ измѣненіе дифтонговъ въ монофтонги; наоборотъ, измѣненіе k, g, ch въ c, dz, s—явленіе болѣе позднее сравнительно съ этимъ послѣднимъ (oi>ě, і и т. д.).

Примѣчаніе. Иначе Mikkola въ Roczn. Slaw. I т. 7 с.: k, g, ch одновременно измѣнялись въ č, ž, š предъ e, ě, ь, i, ę, j, но въ c, dz, s предъ ōi̯ (изъ ai̯, oi̯) и āi̯ (изъ āi̯, ōi̯).

§ 55. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ на мѣстѣ k, g, ch находимъ c, dz, s въ положеніи не только предъ і, ě изъ дифтонга oi̯ (ai̯), но и предъ другими гласными: таковы имена съ суффиксами -ьсь, -ьсе, -ьса, -ica заимствованныя слова на -ędzь, формы неопред. наклоненія многократныхъ глаголовъ на -ati и нѣкоторыя отдѣльныя слова. Примѣры: *otьсь, *otьса (др.-ц.-сл. отьць—отьца, р. *отецъ, отца*; *ovьса (др.-ц.-сл. овьца,

р. *овца*); *sьrdьce (др.-ц.-сл. срьдьце, р. *сердце*); *děvica (др.-ц.-сл. дѣвица, р. *дѣвица*); *jędza (др.-ц.-сл. ѩѕа); *zajęcь (др.-ц.-сл. заѩць, р. *заяцъ*); *lice (др.-ц.-сл. лице, р. *лицо*); *stьdza (др.-ц.-сл. стьѕа, р. *стезя*); *kъnędzь (др.-ц.-сл. кънѧѕь, р. *князь*); ср. др.-в.-н. kuning; >*pěnędzь (др.-ц.-слов. пѣнѧѕь, пол. pieniądze n. pl.): ср. герм. penninga; *dvidzati (др.-ц.-слов. подвиѕати: ср. двигнѫти, р. *подвизаться*); *ricati (др.-ц.-сл. нарицати, р. *нарицать*); *sędzati (др.-ц.-сл. осѧѕати, р. *осязать*). Сюда же, повидимому, относятся формы мѣстоименія *vьsь (др.-ц.-сл. вьсь, р. *весь*), соотвѣтствующаго литовскому visas: ср. замѣтку Лорентца въ K. Z. XXXVII, 264—267 с.с. Въ этомъ мѣстоименіи старое и.-евр. s измѣнилось въ ch послѣ i, а на его мѣстѣ находимъ s,—въ однихъ формахъ предъ ě, i изъ oi (instr. s. *vьsěmь, др.-ц.-сл. вьсѣмь, р. *всѣмъ;* nom. pl. *vьsi др.-ц.-сл. вьси), въ другихъ формахъ въ силу тѣхъ же условій, что и въ словахъ *ovьca, *otьcь и т. д.

Условія эти не вполнѣ выяснены. Однако можно считать болѣе или менѣе вѣроятнымъ, что c, dz, s на мѣстѣ k, g, ch (ср. *князь* и *княгиня*, *двигать* и *подвизаться*, *прорицать* и *пророкъ* и т. д.) во всѣхъ такихъ случаяхъ обязано своимъ возникновеніемъ вліянію предшествующаго палатальнаго гласнаго, какъ предполагаетъ Бодуэнъ де-Куртенэ въ I. F. IV, 45 и сл. Вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, въ какихъ именно условіяхъ это вліяніе имѣло мѣсто.

Примѣчаніе. Бодуэнъ де-Куртенэ опредѣлялъ эти условія двумя положеніями задне-небныхъ k, g, ch: 1) послѣ i, ī, ņ[1] и 2) въ то-же время предъ удареніемъ. Первое условіе соотвѣтствуетъ, повидимому, фактамъ: c, dz, s на мѣстѣ k, g, ch находимъ послѣ ь (i), i (ī) и ę, которое въ эпоху разсматриваемаго звукоизмѣненія въ словахъ, сюда относящихся, могло звучать, какъ носовое i или же носовой гласный, болѣе закрытый, чѣмъ e. Второе условіе находитъ себѣ препятствіе въ такихъ примѣрахъ, какъ *старица*, *хлѣбца*, *дѣвица*, *больница*, а съ другой стороны—*окликать*, *старика*, *проникать*, *запрягать*, *присягать*, гдѣ предъ удареніемъ не находимъ измѣненія k, g, ch въ c, dz, s. Соотвѣтствуютъ правилу Бодуэна де-К.: *восклицать*, *прорицать*, *проницать*, *подвизать*, *осязать*, *лицо*, *кольцо*, *стезя* и т. п.

Указанныя отступленія отъ установленнаго правила о мѣстѣ ударенія Бодуэнъ де-Куртенэ объясняетъ вліяніями аналогіи, нарушившими первоначальныя фонетическія отношенія.

Шахматовъ опредѣляетъ условія вліянія предшествующаго палатальнаго гласнаго на k, g, ch нѣсколько иначе: оно имѣло мѣсто лишь тогда, когда лабіализація ихъ (k, g, ch) не была защищена положеніемъ предъ гласнымъ задняго ряда, т. е. *liko, *likъ, *vьchǫ, *ovьkoio, *polьgǫ сохранялись, но *ovьka, *vьcha, *lika, *polьga измѣнялись въ *ovьca, *vьsa и т. д. Взаимное вліяніе формъ *lьgǫ и *lьdza, *stьgǫ и *stьdza породило параллели *lьga —*lьgǫ и *lьdza—*lьdzǫ: ср. русс. *льзя* и *льга*, *нельзя*, *нельга*, *стезя* и *зга* (изъ стьга); ср. также др.-русс. форму *вхоу* acc. s. f. (Хутынская грамота).

При этомъ ь послѣ смягченнаго согласнаго не палатализировалъ слѣдующаго k, g, ch, вѣроятно потому, что это былъ ъ: ср. *царекъ*, *пирожокъ*, *князекъ* и *купецъ*, *конецъ* (Изв. I, 1896 г. 4 кн. 703 стр.).

Иное пониманіе разсматриваемаго явленія предложилъ Миккола въ Roczn. Slaw. 1, 13 стр.: въ формахъ dvizati, ricati и т. п. онъ видитъ первоначальное *rikjati, *dvigjati, сопоставляя ихъ съ лит. глаголами на -ióti (vadžióti); *otьcь и т. п. онъ возводитъ къ *otьkjo-. По его мнѣнію kj, gj, chj *одновременно* переходили въ c, dz, s послѣ палатальнаго гласнаго, но въ č, ž, š послѣ непалатальнаго. Формы voc. s. *otьče (др.-ц.-сл. **отьче**) и т. п., гдѣ, согласно этому правилу, ожидаемъ c, а не č, Миккола устраняетъ гипотезой, что kjc, gje еще въ «предсловянскую» эпоху >ke, ge. Объясненіе Микколы было бы наиболѣе простымъ и удобнымъ, но и при немъ встрѣчаются затрудненія: вм. *naričǫ (др.-ц.-сл. **наричѫ**) изъ narikjǫ ожидали бы naricǫ; предполагать rikjati и т. п. врядъ ли есть основанія: ср. др.-ц.-сл. **казати — кажѭ, съпати — съплѭ, пьсати — пишѭ** и т. д. (рус. *вязать—вяжу, спать—сплю, писать—пишу* и т. д.); въ прилагательныхъ *otьčь, *ovьčь, *kъnęžь (др.-ц.-сл. **отьчь, овьчь, кънажь**) изъ *otьkjь, *ovьkjь, *kъnęgjь, вопреки теоріи Микколы послѣ палатальныхъ гласныхъ изъ kj, gj находимъ č, ž, а не c, dz: ср. *otьcь (по Микколѣ изъ *otьkjos).

Затрудненіе при объясненіи формъ *otьcь, *ovьca вліяніемъ предшествующаго палатальнаго гласнаго заключается въ томъ, что форма loc. s. *ovьk-ě, *otьk-ě дала не ovьcě, otьcě, какъ мы бы ожидали, а *ovьci, *otьci (др.-ц.-сл. **овьци, отьци**): ср. *rǫcě изъ *rǫkě (др.-ц.-сл. **рѫцѣ**); такъ же instr. s. *otьcemь изъ *otьkomь, *ovьcejǫ изъ *ovьkojǫ (др.-ц.-сл. **отьцемь, овьцеѭ**); однако отъ *vьsь instr. s. правильно *vьsěmь (др.-ц.-сл. **вьсѣмь**, рус. *всѣмъ*), dat. pl. vьsěmъ (др.-ц.-сл. **вьсѣмъ**, р. *всѣмъ*), при gen. s. *vьsego, dat. s. *vьsemu (др.-ц.-сл. **вьсего, вьсемоу**) изъ *vьchogo, *vьchomu. Вѣроятно, склоненіе именъ *otьcь, *ovьca подверглось вліянію склоненія именъ типа *konjь (др.-ц.-сл. **конь**, р. *конь*), *zemlja, а формы *vьsego, *vьsemu явились подъ вліяніемъ *jego, *jemu.

§ 56. Измѣненію въ s предъ ě, i изъ дифтонга oi, о которомъ было говорено выше въ § 54, подвергается ch, которое получилось изъ индоевр. s: ср. *duchъ—n. pl. *dusi и лит. dausos; loc pl. *trь-chъ (др.-ц.-сл. **трьхъ**, р. *трехъ*) и лит. tri-sù. Точно такъ-же измѣняется ch въ š предъ палатальными гласными иного происхожденія и j: прасл. *duša изъ *duchja. Отсюда ясно, что измѣненіе и.-европейскаго s въ ch древнѣе той и другой палатализаціи задненебныхъ. Что касается условій измѣненія и.-евр. s въ ch на словянской почвѣ, то оно первоначально имѣло мѣсто, повидимому, послѣ i (ь, i, oi, ei, ai), u (ъ, у изъ ū, eu, ou, au), r и k: *trisu >*trьchъ; *li-s-ъ aor. 1 s. >*lichъ (др.-ц.-сл. **лихъ**); loc. pl. *vьl̥koi-su (ср. греч. -οισι, др.-и.—ešu) >*vьl̥koichъ >*vьl̥cěchъ (др.-ц.-слов. **вльцѣхъ**); *rěk-sъ >*rěk-chъ и затѣмъ *rěchъ (др.-ц.-сл. **рѣхъ**); *sousъ >*suchъ: ср. лит. sausas; *porsъ >*porchъ (др.-ц.-сл. **прахъ**, р. *порохъ*): ср. *pьr̥stь (др.-ц.-сл. **прьсть**, р. *перстъ*). Это измѣненіе s въ ch не имѣ-

ло мѣста, если s входило въ составъ группы sp, st, sk: ср. *istina (др.-ц.-сл. истина, р. *истина*); *рьr̥stь; 2 pl. aor. *rěk-ste, измѣнившееся въ *rěste (др.-ц.-сл. рѣсте); *blěskъ (др.-ц.-сл. блѣскъ), гдѣ ě изъ oi̯. Наоборотъ, послѣ иныхъ звуковъ s, обычно, сохраняется: *jesenь (др.-ц.-слов. юсень, р. *осень*), *kosa (др.-ц.-сл. коса, р. *коса*), *časъ (др.-ц.-сл. часъ, р. *часъ*), гдѣ a изъ ě (=ē), *bosъ (др.-ц.-сл. босъ, р. *босъ*) и т. д.

Измѣненіе s въ ch послѣ ě изъ oi при отсутствіи такого же измѣненія послѣ ě изъ ē указываетъ, что ch изъ и.-евр. s явилось въ праславянскомъ языкѣ тогда, когда еще существовали дифтонги.

Должно замѣтить, что первоначальныя границы этого измѣненія, происшедшаго въ глубокой древности, расширились вслѣдствіе различныхъ причинъ, какъ аналогія, почему ch изъ s можно встрѣтить и внѣ указанныхъ выше условій. Такъ, по аналогіи формъ *rěchъ, *bichъ и т. п. явились *dachъ, *rekochъ и т. п. (др.-ц.-слов. рекохъ, дахъ, знахъ, двигохъ и т. д.), по аналогіи *synъchъ, *gostьchъ, *vьlcěchъ явилось* vodachъ, *ženachъ и т. д.

Въ иныхъ случаяхъ отступленія отъ общихъ нормъ находятъ иное объясненіе. Ср. по этому вопросу. Pedersen'a въ I. F. V (1895 г.) 33 и слѣд., Uhlenbeck'a въ Arch. XVI (1894 г.), 368 с. и сл , Mikkola B. B. XXII, 245 с. и сл. I. F. XVI (1904 г.), 95—101 с. с., Соболевскій въ Arch. XXVI, 559 и сл., Vondrák Vergl. Sl. Gr. I, 349 и сл.

Примѣчаніе. Uhlenbeck допускаетъ измѣненіе s въ ch и послѣ e, a; Соболевскій также (послѣ e, ę, a, o); Миккола въ I. F. XVI объясняетъ нѣкоторые случаи ch изъ s не послѣ i, u, r, k—положеніемъ послѣ ə, перешедшаго въ o или исчезнувшаго. Мысль Педерсена I. F. V, 86 с., что s уже въ индоевроп. эпоху діалектически (въ восточной вѣтви), переходило въ š, откуда слов. ch, не всѣми принимается: ср. K. Z. 1904—1906, 599 и сл.

§ 57. Въ предыдущемъ изложеніи были уже отмѣчены нѣкоторыя звуковыя явленія, связанныя съ вліяніемъ j на сосѣдній гласный или согласный: таковы измѣненія сочетанія jo въ je, измѣненіе ě послѣ j въ ja, измѣненіе k, g, ch предъ j въ č, ǧ, š. Къ этой же группѣ явленій относятся слѣдующія звуковыя измѣненія.

1. Гласный *o* измѣняется въ *e* послѣ смягченныхъ согласныхъ (č, ž, š, ć, dź, št', žd', ŕ, l', ń), какъ и послѣ j.

2. Гласный ū послѣ j даетъ i; въ § 17 былъ приведенъ одинъ примѣръ такого измѣненія: прасл. *šiti (др.-ц.-сл. шити, р. шить, пол. szyć и т. д.) ср. съ лит. siúti; сюда-же относятся формы instr. pl. именъ съ основой на -o послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: *konji (др.-ц.-сл. кони, др.-русск. *кони*); соотвѣтствующія формы именъ съ твердымъ согласнымъ предъ -o основы оканчиваются на -y: *vьl̥ky (др.-ц.-сл. влъкы,

др.-р. *вълкы*). Вѣроятно, измѣненіе это произошло уже послѣ измѣненія ū въ у, такъ-какъ сочетаніе ju встрѣчается въ иныхъ случаяхъ въ праславянскомъ языкѣ. Но *у* изъ ū и ji изъ jу, очевидно, должны были получиться раньше измѣненія дифтонговъ *ou*, *eu* въ ū, jū.

Такимъ образомъ, указанное измѣненіе является однимъ изъ весьма древнихъ звуковыхъ процессовъ праслов. эпохи.

3. Вѣроятно, одновременнымъ ему является аналогичное измѣненіе u (ъ) послѣ j въ i (ь); и это измѣненіе, повидимому, произошло уже послѣ того, какъ и.-европ. u, i дали ъ, ь т. е. jъ измѣнялось въ jь; такъ получилась форма nom. s. *konjь (др.-ц.-сл. **конь**, р. *конь,* пол. koń, серб. kȍnj и т. д.) изъ *konjъs, въ которомъ -ъs явилось нефонетически вм. -jes изъ -jos подъ вліяніемъ *vьl̥k-ъs (ср. выше—§ 50).

4. Въ начальномъ слогѣ слова группа jь измѣнялась, повидимому, уже въ праслов. въ i, все равно, былъ ли j исконнымъ или новымъ, возникшимъ на словянской почвѣ: такъ *ьmǫ дало *jьmǫ и затѣмъ *imǫ (др.-ц.-сл. **имѫ**): ср. лит. imù и прасл. *-ьmǫ въ *vъz-ьmǫ (др.-ц.-слов. **възьмѫ**, р. *возьму*). Такимъ же образомъ *jъgo (лат. jugum, др.-и. yugam, греч. *ζυγόν*), въ силу предыдущаго (2 п.) измѣнившееся въ *jьgo, дало *igo (др.-ц.-сл. **иго**, р. *иго*). Внутри слова, jь вѣроятно давало ji: *dostojьnъ измѣнялось въ *dostojinъ; также конечное сочетаніе jь, повидимому, давало ji: *krajь >*kraji. Ср. Leskien, Die Slavische Lautverbindung ji, I. F. X (1899) 259 и сл.

5. Старое е въ положеніи предъ j измѣнялось въ праславянскомъ въ i т. е. ь,—измѣненіе, представляющее извѣстный видъ звуковой ассимиляціи: ei̯ давало ii̯ и затѣмъ i въ положеніи предъ согласнымъ, -ij въ положеніи предъ гласнымъ (ср. измѣненіе eu̯ въ ou̯ предъ гласнымъ): прасл. *vidъ (др.-ц.-сл. **видъ**, р. *видъ*, серб. vȉd) получилось изъ *veidos (лит. véidas, греч. (ϝ)*εἶδος*); прасл. *trьje (др.-ц.-сл. **трьѥ**) изъ *trei̯es или *trejes: ср. др.-и. tráyas; прасл. *vьjǫ (др.-ц.-сл. **вьѭ**, **виѭ**, р. *вью*)—лит. vejù.

6. Согласные r, l, n въ соединеніи съ послѣдующимъ j давали, повидимому, смягченные r′, l′, n′: *morje измѣнялось въ *mor′e, *pьrja—въ *pьr′a, *steljǫ—въ *stel′ǫ, *stenjǫ—въ *sten′ǫ (русск. *море, стелю* и т. п. со смягченными р, л; въ др.-ц.-сл. текстахъ эта мягкость выражается знакомъ смягченія ˆ надъ согласнымъ или же знакомъ йотованнаго гласнаго послѣ **р**, **л**, **н**).

7. Согласные s, z въ сочетаніи съ послѣдующимъ j давали š, ž: *pisjǫ 1 s. praes. измѣнялось въ *pišǫ со смягченнымъ š(др.-ц.-сл. **пишѫ**, р. *пишу*, пол. piszę, серб. pȉšem); *vęzjo—въ *vęžǫ (др.-ц.-сл. **вѧжѫ**, р. *вяжу*, пол. wiążę и т. д.): ср. infin. *vęzati (др.-ц.-сл. **вѧзати**, р. *вя-*

зать, пол. wiązać), *pisati (др.-ц.-слов. пьсати, писати, р. *писать*, пол. pisać).

8. Относительно судьбы сочетаній *губной* +j и *зубной* d, t +j отдѣльные словянскіе языки не сходятся, а потому возможно, что измѣненія этихъ группъ, наблюдаемыя въ нихъ, или относятся къ эпохѣ особной ихъ жизни или же въ праcловянскомъ языкѣ имѣли различія по говорамъ.

Если предполагать въ указанныхъ сочетаніяхъ какія-либо общія измѣненія праслов. характера, то bj, pj, vj, mj могли измѣниться въ b′, p′, v′, m′ т. е. представлять одновременную губную артикуляцію и j или i̯; сочетанія же dj, tj должны были дать долгіе смягченные d′, t′, которые, можетъ быть, уже въ праслов. эпоху представляли въ произношеніи слитные смягченные, не вполнѣ одинаковые въ различныхъ говорахъ (t′s′, d′z′ или t′š′, d′ž′); отсюда затѣмъ въ русскомъ получились č′, ǧ′, (ǧ′, упростилось въ ž′), въ западно-слов. языкахъ c, d͡z (или его упрощеніе z),—первоначально смягченные. въ сербскомъ ћ, ђ (t′ˢ′, d′ᶻ′), въ др.-ц.-сл. št′, žd′. О др.-ц.-сл. рефлексахъ tj, dj ср. ниже, § 78.

§ 58. Въ словянскомъ j, также и въ словянскомъ v, нужно различать старые j и v (или i̯, u̯), полученные изъ индо-европейскаго, и новые j и v (i̯, u̯), явившіеся на словянской почвѣ. Такъ, въ § 57, мы видѣли, что *imǫ изъ *jьmǫ получилось изъ первоначальнаго *ьmǫ (лит. imù) съ новымъ i̯ или j не индо-европ. происхожденія. Хотя показанія отдѣльныхъ слов. языковъ на этотъ счетъ не вполнѣ сходны, однако врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, новое i̯ и u̯ явились уже въ праслов. эпоху. Такого праслов. происхожденія j и v (изъ i̯, u̯) въ формахъ неопредѣленнаго наклоненія *bijati, *byvati (др.-ц.-сл. бивати, бꙑвати, р. *бывать*, пол. vybijać, bywać)— изъ *bī-ati, *bū-a-ti чрезъ посредство *bī-i̯ati, *bū-u̯a-ti, гдѣ i̯ и u̯ явились переходными звуками, устранявшими зіяніе. Но большая часть случаевъ съ j и v новыми относится къ началу слова. Такъ въ др.-ц.-сл. находимъ ꙗблъко (и аблъко), въ русскомъ *яблоко*, въ пол. jablko, въ чеш. jablko, въ серб. jȁbuka: ср. латыш. ábele—*яблоня*, âbůlis—яблоко, лит. óbůlas, др.-в.-н. apful; такимъ же образомъ въ др.-ц.-сл.—ꙗгньць, ꙗгнѧ (и агньць, агнѧ), въ русск. *ягненокъ*, въ серб. jȁgnje, въ пол. jagnię, въ чеш. jehne: ср. лат. agnus съ тѣмъ же значеніемъ; др.-цер.-слов. ꙗгода (и агода), рус. *ягода*, пол. jagoda, чеш. jahoda, серб. jȁgoda ср. съ латыш. ůga, лит. ů′ga); др.-ц.-сл. ѥсмь—ѥстъ, р. *есть* (е=je), пол. jest, чеш. je, серб. jȇst и т. д. ср. съ лит. esmì—ẽsti, латыш. esmu, лат. est, греч. *ἐστι*, др.-инд. ásmi-ásti, др.-ц.-сл. ѥлень, серб. jèlen, чеш. jelen, пол. jeleń ср. съ лит. élnis, греч. *ἔλαφος* изъ *eln̥-bh-o-s; др.-цер.-слов.

выкнѫти, р. *при-выкнуть*, чеш. vyknouti, серб. vȉknuti—того-же корня, что *učiti (изъ ouk-i-ti) и восходитъ къ *u̯ūk-nǫ-ti съ u̯ новымъ, возникшимъ на словянской почвѣ.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ другіе и.-евр. языки не даютъ указанія на старое j и v (i̯, u̯), но врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что i̯ и u̯ въ этихъ случаяхъ развились уже въ праслов. эпоху. Неслоговой i̯, откуда затѣмъ j, развивался въ прасл.—предъ гласными е и ę: ср. вышеприведенное прасл. *jesmь, *jestь; ср. прасл. jęti (др.-ц.-сл. ѩти)—лит. im̃ti; прасл. *jętro (др.-ц.-сл. jętro, серб. jêtra)—греч. *ἔντερα*, др.-инд. antrám.

Тотъ-же i̯ (j) развивался и предъ начальнымъ ě (изъ ē, а можетъ быть и изъ oi̯: ср выше § 51): др.-ц.-сл. ꙗмь—ꙗси изъ *i̯ědmь, i̯ědsi, р. *ядъ, ясли* ср. съ латыш. êdu, лит. ẽdu, лат. edo, греч. *ἔδω*, др.-инд. átti—*ѣсть*, или, быть можетъ,—*ядъ* съ греч. *οἰδάω*. При этомъ еще до возникновенія i̯ предъ ě существовали сложныя формы *sъněsti, *ob-ědъ,—ср. др.-ц.-сл. сънѣсти, р. *снѣдь*, *обѣдъ*, чеш. oběd и т. п.

Подъ вліяніемъ этихъ формъ могли возникнуть затѣмъ и формы съ ě въ началѣ слова, какъ русс. ѣсть, ѣда, др.-ц.-сл. ѣд- при ꙗд- и т. д. Ср. Pedersen K. Z. XXXVIII, 312 с. Иначе Фортунатовъ: j (i̯) предъ ē исчезало раньше измѣненія ē въ а послѣ мягкихъ неслоговыхъ, Сборн. въ честь Ламанскаго 1478—1479 с. Въ положеніи предъ а, повидимому, также развивалось i̯: ср. приведенные выше примѣры *jablъko, *jagnę и др. Примѣръ i̯ предъ начальнымъ ь также приведенъ выше: *jьmǫ. Новый u̯ развивался предъ ū или полученнымъ изъ него *у*: ср. выше *vyknǫti; въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ находимъ v также предъ ǫ: малор. *вуж*, пол. wąż, пол. węgorz (*угорь*), пол. węgiel (*уголь*): малор. *вуголъ* (*уголъ*); такъ-же предъ о: др.-ц.-сл. вонꙗ, русс. *вонь*, ср. пол. wąchać, но др.-ц. ѫхати. Начальное u, і обычно остаются: ср. напр. русск. иной, ива, умъ, ухо, др.-ц.-сл. инъ, ива, оумъ, оухо, но въ др.-ц.-сл. находимъ ютро, въ серб. jȕtro.

Колебанія, которыя замѣчаются по отношенію къ этимъ j (i̯), v (u̯) новаго происхожденія, повидимому, указываютъ, что они возникли внутри фразы во избѣжаніе зіянія между концомъ (гласнымъ) одного слова и началомъ другого; въ началѣ фразы такое i̯, u̯ не возникало, и въ языкѣ рядомъ могли существовать формы съ i̯ или u̯ предъ начальнымъ гласнымъ и безъ нихъ, затѣмъ могло произойти обобщеніе. Слова, которыя обычно употреблялись въ началѣ фразы, сохранились безъ такого i̯, u̯: таковы др.-ц.-сл. есе, а (союзъ), русскіе *экой, это* и т. п. Ср. по этому вопросу Фортунатова Arch. XII, 96 и сл., Педерсена въ K. Z.

XXXVIII, 311 и сл. и Мелье «Sur l'initiale des mots vieux slaves ѥсе et а» въ Сбор. статей по славяновѣд. II (1906 г.).

Эпоха появленія новыхъ j (i̯) и v (u̯) опредѣляется слѣдующими моментами: съ одной стороны они развились, вѣроятно, послѣ отпаденія конечныхъ согласныхъ, съ другой стороны, появленіе ихъ, повидимому, предшествовало измѣненію jē въ ja: ср. *jasti (др.-ц.-сл. ıасти); если же вѣрно сопоставленіе Педерсена слов. jadъ съ *οἰδάω* и слов. jazva съ aižyti, то это значило бы, что начальные i̯ и u̯ развились уже послѣ измѣненія oi̯ въ ě.

Въ предыдущемъ изложеніи остались неотмѣченными нѣкоторыя явленія въ области согласныхъ, какъ напримѣръ упрощеніе группъ изъ двухъ или нѣсколькихъ согласныхъ или развитіе новаго звука въ группѣ согласныхъ. Объ исчезновеніи согласныхъ въ концѣ словъ было упомянуто. Здѣсь необходимо отмѣтить слѣдующія явленія.

1. Повидимому, еще въ балтійско-словянскую эпоху, если таковая существовала, группы vl, vr (или u̯l, u̯r) измѣнялись въ l, r: прасл. *rodъ (др.-ц.-сл. родъ, р. *родъ*)—ср. др.-инд. vradhant—(выдающійся): ср. Lidén, Ein balt.-slav. Anlautsgesetz, Göteb. 1899 г.

Примѣчаніе. Ильинскій въ Arch. XXIX (1907, 161 сл.), предполагаетъ также исчезновеніе v или (u̯) въ праславянскомъ послѣ k. g, kh, предъ o изъ индо-евр. ə.

2. Группы bs, ps, ts, ds упрощались въ праслов. въ s: ср. прасл. *osa (др.-ц.-сл. оса, р. *оса*, пол. osa) и лит. vapsà; др.-ц.-сл. форма аориста отъ корня greb—грѣсъ получилась изъ *grēb-s-om; такимъ-же образомъ аористъ чисъ (чьтѫ 1 s. praes.) образовался изъ *keit-s-om; формы 2 s. praes. *vēsi, *dasi (др.-ц.-сл. вѣси, даси) получились изъ *vēd-si (ср. 3 pl. др.-ц.-сл. вѣдѧтъ), *dad-si (3 pl. дадѧтъ). Слѣдов. группа tsl, dsl должна была дать sl: *čit-slo >*čislo (др.-ц.-сл. число, р. *число*); *gǫdsli >*gǫsli (др.-ц.-сл. гѫсли, р. *гусли*): ср др.-ц.-сл. гѫдѫ, р. *гудѣть*; группа tsm дала такимъ-же образомъ sm: др.-ц.-сл. чисмѧ *(знакъ)* изъ *čitsmę ср. корень čьt-, čit (р. *вы-чит-аю, с-чит-аю*).

3. Группа ks (изъ ks или gs съ и.-евр. s) измѣнялась въ kch и затѣмъ въ ch: аор. *rēk-s-om (ср. др.-ц.-сл. рекѫ) даетъ *rēchъ (др.-ц.-сл. рѣхъ); аор. *gēg-s-om (ср. др.-ц.-сл. жегѫ 1 s. praes. изъ *gegǫ) даетъ *žēchъ и затѣмъ *žachъ (др.-ц.-сл. жахъ).

Такія же формы находимъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ другихъ слов. языковъ, что и указываетъ на праславянскій характеръ всѣхъ указанныхъ выше измѣненій.

4. Группа kst измѣнилась въ st: 2 pl. aor. *rēkste дало *rēste (др.-ц.-сл. рѣсте).

5. Группа pt и bt (>pt) упрощается въ t: *dolbto даетъ *dolto, откуда—др.-ц.-сл. длато, р. *долото* (ср. *dьlbǫ—др.-ц.-сл. длъбѫ, р. *долби-ть*); *tep-ti inf. (при *tepǫ 1 s. praes.) даетъ *teti (др.-ц.-сл. тети—тепѫ); *greb-ti (при *grebǫ) даетъ *greti (др.-ц.-сл. грети – гребѫ).

6. Группа kt упрощается въ t: прасл. *pletǫtь 3 pl. praes. (др.-ц.-сл. плетѫтъ, др.-русс. *плетуть*, пол. plotą, серб. plètū) изъ *plektǫtь,—ср. лат. plecto; прасл. *pętъ (др.-ц.-сл. пѧтъ, русс. *пятый*, пол. piąty и т. д.) изъ *penktos,—ср. лит. peñktas. Общій принципъ, лежащій въ основѣ всѣхъ этихъ упрощеній—стремленіе къ открытому слогу.

Если группа kt стояла предъ палатальнымъ гласнымъ, то результаты были иные: въ такомъ случаѣ на мѣстѣ kt находимъ во всѣхъ слов. языкахъ то-же, что и на мѣстѣ сочетанія tj, т. е. въ др.-ц.-сл. št, въ русскомъ č, въ зап.-словянскихъ c и т. д.; отсюда ясно, что группа kt предъ палатальнымъ гласнымъ совпала въ праслов. съ группой tj, т. е. дала, вѣроятно, k′t′, затѣмъ t′t′, т. е. долгое t′. Такъ, *noktь дало въ др.-ц.-сл. ношть, въ русс. *ночь*, въ пол. и чеш. noc: ср. лит. naktìs. Такимъ же образомъ форма infin. *rek-ti дала въ др.-ц.-сл. рештн, въ пол. rzec.

Тѣ-же результаты получались отъ измѣненія группы gt предъ палатальнымъ гласнымъ: ср. др.-ц.-сл. могѫ—моштн, р. *могу—мочь,* пол. mogę—moc и т. д.

Если серб. форма vrćći (infin.) отражаетъ фонетическій результатъ измѣненія группы cht предъ палатальнымъ гласнымъ (1 s. praes. vŕšem подъ вліяніемъ 2 и 3 s. vŕšēš, vŕšē—ср. др.-ц.-сл. крьхѫ) т. е. восходитъ къ прасл. *verchti, то должно думать, что ch предъ взрывнымъ t измѣнялось въ также взрывной k, а потому cht давало то-же, что и kt; при этомъ возможно, что ch явилось въ формѣ *verchti нефонетически подъ вліяніемъ 1 s. praes. *vьrchǫ, такъ-какъ корень этого слова vers-, vьrs-, а s послѣ r, повидимому, не измѣнялось въ группѣ -rst.

Изъ предыдущаго ясно, что въ формѣ 2—3 s. praes., 1—2 pl. глагола *pletǫ мы ожидали бы въ др.-ц.-сл. плештешн, плештетъ, плештемъ, плештете и т. д., въ русскомъ—плечешь, плечетъ и т. д.; слѣд. формы *pleteši, *pletetъ и т. д. (др.-ц.-сл. плетешн, р. *плетешь* и т. д.) должно считать нефонетическими,—возникшими подъ вліяніемъ *pletǫ, *pletǫtь.

7. Въ формѣ infin. отъ *pletǫ не находимъ того измѣненія, что въ формѣ *rek-ti: изъ *plekt-ti получилось *plesti (др.-ц.-сл. плестн, р. *плести,* чеш. plesti, пол. pleść и т. д.), что объясняется болѣе раннимъ измѣненіемъ группы t-t въ st: *plekt-ti >*pleksti, откуда затѣмъ *plesti такъже, какъ *rěste 2 pl. aor. изъ *rěk-s-te (др.-ц.-сл. рѣсте отъ 1 s. рѣхъ). Это послѣднее измѣненіе,—tt въ st,—относится къ дословянской эпохѣ:

ср. прасл. *metǫ—*mesti (др.-ц.-сл. метѫ—мести, р. *мету—мести*, пол. miotę—mieść и т. д.) и литов. metù—mèsti (бросать), *vedǫ—*vesti (др.-ц.-сл. ведѫ—вести, р. *веду—вести*) и лит. vedù—vèsti (то-же значеніе); такъ-же получились существительныя *solstь, *volstь, *strastь изъ *sold-tь, *voldtь, *stradtь (ср. др.-ц.-сл. сласть, власть, страсть, р. *сласть* съ *ла* церковнаго происхожденія; *волость, страсть* и др.-ц.-сл. сладъкъ, владѫ, страдати, русск. сóлодъ, малор. солóдкий, *володѣть, страдать*).

8. Группы pn, bn, tn, dn, упрощаются въ n: прасл. *sъnъ (др.-ц.-сл. сънъ, р. *сонъ*, пол. и чеш. sen, серб. sân) изъ *sъpnъ, ср. *sъpati (др.-ц.-сл. съпати, р. *спать*). греч. ὕπνος; прасл. *gъnǫti (др.-ц.-сл. гънѫти, р. *гнуть*, пол. gnąć) изъ *gъbnǫti: ср. др.-ц.-сл. съгыбати, рус. *сгибать*; прасл. *svьnǫti изъ *svь-tnǫti (др.-ц.-сл. освьнѫти, серб. osvànuti): ср. др.-ц.-сл. свитати, р. *свѣтать* (ѣ подъ вліяніемъ *свѣтъ*); прасл. *pręnǫti (др.-ц.-сл. въспрѧнѫти, р. *воспрянуть*): ср. др.-ц.-сл. прѧдати, р. (*конь*) *прядетъ* (*ушами*).

9. Группа ss дала s: *jesi изъ *es-si (др.-ц.-сл. єси, чеш. jsi, др.-р. *еси* и т. д.): ср. *jes-mь, *jes-tь.

10. Группа dm дала m: прасл. *damь (др.-ц.-сл. дамь, русс. дамъ, пол. dam) изъ *dad-mь; *věmь (др.-ц.-сл. вѣмь, пол. wiem, чеш. vím) изъ *věd-mь: ср. *dadętь, *vědętь (др.-ц.-сл. дадѧтъ, вѣдѧтъ); прасл. *plemę (др.-ц.-сл. племѧ, р. *племя*) изъ *pledmę: ср. *plodъ (др.-ц.-слов. плодъ, русс. *плодъ*).

Въ числительномъ *sedmь, *sedmъ (порядковое) (др.-ц.-слов. седмь, седмъ, р. *седьмой*, пол. siedem, siódmy) dm, быть можетъ, восходитъ не къ bdm,—но къ—bdьm съ очень рано исчезнувшимъ ь (греч. ἕβδομος).

11. Группа bv дала v: *obelkǫ (др.-ц.-сл. облѣкѫ), *obolko (др.-ц.-сл. облако, р. *оболоко*) изъ *ob-velko, *ob-volko: ср. *velkǫ (др.-ц.-сл. влѣкѫ, русс. *волоку*).

12. Группа skn упростилась въ sn: *tis-nǫti изъ *tisk-nǫ-ti (ср. рус. *тиснуть*, пол. cisnąć, др.-ц.-сл. тиснѫти) при *tisk-a-ti (др.-церк.-слов. тискати, р. *тискать, тиски*, пол. ciskać); *blьsnǫti изъ *blьsk-nǫti (др.-ц.-сл. бльс-нѫти, р. *блеснуть*, пол. blsnąć) при *blěskъ (др.-ц.-сл. блѣскъ, р. блескъ, правильнѣе *блѣскъ*, пол. blask).

13. Въ группѣ sr въ праслов. развилось t между s и r: прасл. *struja (др.-ц.-сл. строуѩ, р. *струя*): ср. съ лит. sravà (*струя крови*); др.-инд. srávati (*течетъ*), прасл. *ostrъ (др.-ц.-сл. остръ, р. *острый*): ср. съ лит. aštrùs; прасл. *pьstrъ (др.-ц.-сл. пьстръ, русс. *пестрый*, чеш. pstrý) изъ *pьs-rъ—того же корня, что и *pьs-a-ti, *pisati (др.-ц.-сл. пьсати, р. *писать*), греч. ποικίλος (*пестрый*); *sestra (др.-ц.-сл. сестра) изъ *sesra: ср. лит. seser̃s gen. s. (nom. sesů).

Примѣчаніе. Педерсенъ предполагаетъ измѣненіе группы dd въ z: I. F. XXVI, 292 с. Предположеніе, основанное на 2 этимологіяхъ,—шатко; ср. Ж. М. Н. Пр. 1910 № 7, 201 с.

§ 60. Сравненіе отдѣльныхъ словянскихъ языковъ позволяетъ предполагать, что уже въ прасловянскую эпоху могли произойти нѣкоторыя измѣненія въ области количества и ударенія.

Такъ, напримѣръ, языки сербскій, словинскій, чешскій, польскій (въ послѣднемъ слѣдомъ долготы нѣкоторыхъ гласныхъ является закрытое произношеніе ихъ), кашубскій—сходятся въ томъ, что гласные, полученные долгими изъ индо-европ. праязыка, являются въ нихъ сократившимися въ извѣстныхъ условіяхъ по отношенію къ мѣсту ударенія.

Сокращеніе произошло въ нихъ: 1) въ конечномъ открытомъ слогѣ: *bābā>*bāba, *trāva>*trāva; 2) предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ (*drūžína>*družína); 3) подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ трехсложныхъ словъ (*jā́goda>*jàgoda); 4) за два слога предъ удареніемъ (*kūpováti>*kupováti). Возможно, что нѣкоторыя изъ этихъ сокращеній произошли уже въ праслов. эпоху. Ср. Шахматовъ «Къ исторіи звуковъ» и т. д. (1903 г.) 47 и слѣд.

Примѣчаніе. Въ области ударенія можно предполагать уже въ праслов. перемѣщеніе ударенія съ конечныхъ и срединныхъ ъ, ь на предшествующій слогъ: (серб. шток. krâl, чак. král, русск. *коро́ль*—gen. s. чак. krală, русск. *короля'*; серб. чак. kònj, шток. kȍnj,—g. s. чак. konjà, р. *конь—коня*; серб. шток. ȕzmeši—ȕzme—др.-р. во́зьметъ изъ *vъzьmetъ'. Повидимому, уже въ праслов. языкѣ въ позднѣйшую эпоху его жизни, ъ и ь могли быть ударяемыми лишь въ начальномъ слогѣ слова.

Впрочемъ, для церк.-слов. языка эти замѣчанія не могутъ имѣть значенія, такъ-какъ дошедшіе до насъ памятники не даютъ твердаго матеріала для сужденій о количествѣ и удареніи въ др.-ц.-сл. языкѣ.

II. Звуки древне-церковно-словянскаго языка.

§ 61. Древне-церковно-словянскому языку были извѣстны слѣдующіе звуки:

А. Гласные. 1. *Полнаго образованія.*

a) твердые (велярные): а, о, ѫ, оу, ꙑ.

b) мягкіе (палатальные): є, ѣ, и, ѧ.

2. *Неполнаго образованія* (редуцированные въ количественномъ отношеніи):

a) твердый ъ,

b) мягкій ь.

B. Сонорные: 1. *Плавные* р, л (слоговые и неслоговые);

2. *Носовые* н, м.

C. Шумные согласные. 1. *Взрывные:*

a) губные б, п,

b) зубные т, д,

c) задне-небные к, г.

2. *Длительные:*

a) губной в,

b) зубные с, з,

c) язычно-небные ш, ж, (j?)

d) задне-небный х,

3. *Аффрикаты:* ц, ѕ, ч.

Отношеніе звуковъ древне-церковно-словянскаго языка къ праслословянскимъ.

§ 62. Древне-церк.-слов. языкъ въ своей звуковой системѣ въ общемъ довольно близокъ къ праслов. языку; отступленія отъ этого послѣдняго въ звукахъ сравнительно немногочисленны.

Гласный а др.-ц.-сл. языка, вообще говоря, соотвѣтствуетъ праслословянскому *a*: др.-ц.-сл. трава изъ прасл. *trava (русск.—трава, чеш. tráva, серб. tráva, пол. trawa и т. д.), др.-ц.-сл. мати изъ прасл. *mati (русск. мать, чеш. mati и т. д.).

Кромѣ того въ др.-ц.-сл. находимъ а въ сочетаніяхъ ра, ла въ соотвѣтствіи праславянскому *о* въ сочетаніяхъ or, ol предъ согласнымъ: др.-ц.-сл. брада изъ прасл. *borda (русс. *борода*, пол. broda, чеш. brada, серб. bráda); глава изъ прасл. *golva (русс. *голова*, чеш. hlava, пол. głowa, серб. gláva); ср. ниже § 72.

Гласные о, ѫ, оу восходятъ къ прасл. o, ǫ, u: др.-цер.-слов. нога изъ прасл. *noga (р. *нога*, пол. noga, чеш. noha, серб. nòga); др.-ц.-сл. мѫка изъ прасл. *mǫka (пол. mǫka, чеш. mouka, р. *мука*, серб. múka); др.-ц.-сл. оухо изъ прасл. *ucho (р. *ухо*, пол. ucho, чеш. ucho и т. д.). Должно замѣтить. что двойное написаніе оу для звука *u* не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній на природу этого гласнаго: это двойное написаніе механически перенесено изъ греческаго письма *(ου)*.

Гласный ꙑ соотвѣтствуетъ, вообще говоря, праславянскому *у*: бꙑти изъ прасл. *byti (русс. *быть*, пол. być, серб. bȉti, чеш. býti и т. д.); кромѣ того въ др.-ц.-славянскомъ гласный ꙑ является на мѣстѣ прасл. ъ въ положеніи предъ j: др.-ц.-сл. мꙑѭ изъ *mъjǫ (ср. р. *мóю*); объ этомъ явленіи подробнѣе см. ниже, въ § 69.

Гласные є, и (также і), ѧ соотвѣтствуютъ праславянскимъ e, i, ę. др.-ц.-сл. берѫ изъ прасл. *berǫ (рус. *беру*, чеш. beru и т. д.); др.-ц.-сл. видѣти изъ прасл. *viděti (р. *видѣть*, пол. widzieć, чеш. viděti и т. д.); др.-ц.-сл. мѧта изъ прасл. *męta (пол. mięta, р. *мята*).

Гласный и является въ др.-ц.-сл. также на мѣстѣ прасл. ь въ положеніи предъ j: др.-ц.-сл. виѭ изъ прасл. *vьjǫ (р. *вью*), др.-ц.-сл. шиꙗ изъ прасл. *šьja (р. *шея*); подробнѣе объ этомъ явленіи см. въ § 69.

Гласный ѣ соотвѣтствуетъ, вообще говоря, прасл. ě: др.-цер.-слов. лѣто изъ прасл. *lěto (р. *лѣто*, пол. lato, чеш. léto и т. д.); кромѣ того ѣ въ др.-ц.-славянскомъ является на мѣстѣ праслов. e въ сочетаніяхъ рѣ, лѣ изъ прасл. er, el въ положеніи предъ согласнымъ: др.-цер.-слов. брѣгъ изъ прасл. *bergъ (р. *берегъ*, чеш. břeh, пол. brzég, серб. brêg); др.-ц.-сл. млѣко изъ прасл. *melko (серб. mléko, чеш. mléko, пол. mléko, р. *молоко*—вслѣдствіе измѣненія на русской почвѣ el въ öl, затѣмъ въ ol, откуда *оло*); подробнѣе объ этомъ см. ниже, въ § 72.

Др.-ц.-сл. ъ, ь соотвѣтствуютъ праславянскимъ ъ, ь: др.-ц.-сл. сънъ изъ прасл. *sъnъ (русс. *сонъ*, чеш. sen, пол. sen, серб. sân); др.-ц.-слов. дьнь изъ прасл. *dьnь (р. *день*, чеш. den, пол. dzień, серб. dân).

Трудно, сказать былъ ли др.-ц.-слов. языку извѣстенъ неслоговой i въ соотвѣтствіи праславянскому длительному согласному j; этотъ i̯, или же j, выражается первой частью такъ-называемыхъ йотованныхъ начертаній гласныхъ: ꙗ, ѥ, ю (изъ юу), ѩ, ѭ; ср. ниже, § 73.

§ 63. Др.-ц.-сл. сонорные р, л, м, н соотвѣтствуютъ праславянскимъ r, l, m, n; при этомъ др.-ц.-словянскому языку, какъ и праславянскому, r, l были извѣстны какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ употребленіи, сонорные же н, м только въ неслоговомъ: ср. уже приведенныя выше—др.-ц.-сл. трава, лѣто, сънъ, млѣко изъ прасл. *trava, *lěto. *sъnъ, *mlěko.

Слоговыми были др.-ц.-сл. р, л въ соотвѣтствіи прасл. сочетаніямъ ьr̥, ьl̥ (ъr̥, ъl̥),—ср. ниже, § 71.

Какъ въ праславянскомъ, сонорные r, l, n, m могли быть въ др.-ц.-словянскомъ не только твердыми, но и смягченными: др.-ц.-сл. морѥ изъ прасл. *moŕe (болѣе раннее *morje); др.-ц.-сл. полѥ изъ прасл *poľe (раньше *polje) и т. д.

Кромѣ того въ др.-ц.-словянскомъ существовало смягченное l въ сочетаніяхъ бл, пл, вл, мл на мѣстѣ праслов. b+j, p+j, v+j, m+j: др.-ц.-сл. землꙗ изъ прасл. *zemja (русс. *земля*, пол. ziemia, чеш. země, серб. zèmla), др.-ц.-сл любл҄ѭ изъ прасл. *ljubjǫ (рус. *люблю,* пол. lubię) и т. п.; ср. ниже, § 75.

Др.-ц.-сл. взрывные п, б, д, т, к, г соотвѣтствуютъ прасл. p, b, d, t, k, g: ср. вышеприведенные примѣры полѥ, берѫ, видѣти, брѣгъ, мѫка. При этомъ рядомъ съ задне-небными к, г древне-цер.-словянскому языку были извѣстны также передненебные к҃, г҃ въ иностранныхъ (греческихъ) словахъ, какъ анг҃елъ, еванг҃елиѥ, параск҃евг҃иꙗ и т. д.; для г҃, какъ мы видѣли при ознакомленіи съ глаголической азбукой (введеніе, стр. 16), въ глаголицѣ имѣлся особый знакъ: Ⰼ.

Зубные т, д могли быть твердыми и смягченными, а именно смягченными они были въ сочетаніяхъ шт, жд, получившихся въ др.-цер.-словянскомъ языкѣ изъ праслов. t', d' (d' изъ dj, t' изъ tj и kt): нѫжда, свѣшта, ношть изъ прасл. *nǫdja, *světja, *noktь, ср. ниже, § 78.

Длительный губной в (ц.-слов.) соотвѣтствуетъ праславянскому v: ср. приведенное выше др.-ц.-сл. вилѫ. Соотвѣтствующій глухой ф (f) также былъ извѣстенъ др.-цер.-словянскому языку, но лишь въ чужихъ (греческихъ) словахъ: фарисеи, филиппъ и т. п.

Длительные зубные с, з соотвѣтствуютъ праславянскимъ s, z: ср. приведенныя выше сънъ, землꙗ. Зубной с въ др.-ц.-сл. является также на мѣстѣ прасл. ch въ группѣ chv- предъ i и ě изъ дифтонговъ: др.-ц.-сл. власви—nom. pl. отъ влъхвъ; ср. объ этомъ явленіи ниже, въ § 81.

Язычнонебные ш, ж восходятъ къ прасл. š, ž: ср. нашь, пишѫ, лижѫ изъ прасл. *našь, *pišǫ, *ližǫ; жена изъ прасл. *žena (гдѣ ž изъ болѣе древняго ǧ): ср. русс. *нашъ, пишу, лижу, жена*, пол. nasz, piszę, liżę, żona и т. д.).

Длительный задненебный χ соотвѣтствуетъ праславянскому ch: ср. вышеприведенное оухо. Рядомъ съ задненебнымъ χ въ др.-ц.-сл. существовало передненебное χ въ чужихъ (греческихъ) словахъ, какъ архиереи, архисунагогъ. Аффрикаты ч, ц, ѕ восходятъ къ прасл. č, c, dz: оучити изъ прасл. *učiti (русс. *учить*, пол. uczyć, чеш. učiti и т. д.); овьца изъ прасл. *ovьca (русс. *овца*, пол. owca, чеш. ovce и т. д.); ноѕѣ nom. dual. изъ прасл. *nodzě (ср. др.-пол. nodze). Аффрикаты ц, ѕ являются въ др.-ц.-сл. языкѣ также на мѣстѣ первоначальныхъ к, г въ группѣ kv, gv предъ палатальными гласными: ср. ниже, § 81.

Такимъ образомъ, въ звуковой системѣ др.-ц.-словянскаго языка находимъ слѣдующія отличія отъ системы прасл. звуковъ:

1) новое а въ группахъ ра, ла изъ прасл. or, ol предъ согласнымъ;

2) новое ѣ въ группахъ рѣ, лѣ изъ прасл. er, el предъ согласнымъ;

3) новое ꙑ на мѣстѣ прасл. ъ предъ j;

4) новое и на мѣстѣ прасл. ь предъ j;

5) группы пл, бл, мл, вл на мѣстѣ праcловянскихъ pj, bj, mj, vj;

6) передненебные к, г, χ и глухой губной длительный ф—въ заимствованныхъ словахъ;

7) группы шт, жд со смягченными т, д на мѣстѣ праcловянскихъ t′, d′ изъ tj, kt, dj;

8) сочетанія цв, ѕв, св на мѣстѣ первоначальныхъ праcловянскихъ kv, gv, chv предъ палатальнымъ гласнымъ.

Формы чередованія гласныхъ въ др.-ц.-словянскомъ языкѣ.

§ 64. Др.-ц.-сл. языкъ сохранилъ большинство формъ праслов. чередованія гласныхъ безъ всякаго измѣненія; такъ прасл. чередованіе o—e—ь (или звуковой нуль) является и въ др.-ц.-сл. въ видѣ чередованія о—е—ь (или нуль), прасл. чередованія ě—i—ь (i), u—ju—ъ (y) —въ видѣ чередованій ѣ—и—ь, оу—ю—ъ; чередованіе ǫ—ę въ видѣ чередованія ѫ—ѧ и т. д. Примѣры этихъ чередованій изъ др.-ц.-слов. языка уже даны въ § 36 и слѣд.

Здѣсь необходимо отмѣтить лишь тѣ незначительныя измѣненія, которымъ подверглись праславянскія формы чередованій въ др.-ц.-сл. языкѣ.

Такъ-какъ прасл. сочетанія or, ol, er, el предъ согласнымъ являются въ др.-ц.-сл. языкѣ въ видѣ сочетаній ра, ла, рѣ, лѣ предъ согласнымъ, то праславянскому чередованію or—er, ol—el соотвѣтствуетъ въ др.-ц.-словянскомъ чередованіе ра—рѣ, ла—лѣ.

При этомъ ступень редукціи въ этихъ чередованіяхъ является въ древне-церковно-словянскомъ въ видѣ рь (ръ), ль (лъ), что могло обозна-

чать сочетанія r̥, l̥+ь (ъ) неслоговое (ср. по этому вопросу ниже, § 71). Такимъ образомъ, праславянскому отношенію *vorchъ—*verchti—*vьr̥chǫ соотвѣтствуетъ др.-церк.-славянское врахъ — врѣшти — врьхѫ.

Далѣе, на мѣстѣ праслов. ь въ положеніи предъ j въ др.-ц.-слов. является і, поэтому прасл. чередованіе (ě)—і—ь (изъ oi—ei—i въ положеніи предъ согласнымъ) является въ др.-ц.-словян. въ видѣ отношенія (ѣ)—и—и: бити — биѭ изъ прасл. *biti—*bьjǫ, вити - виѭ изъ прасл: *viti—*vьjǫ.

Такимъ-же образомъ праслов. чередованіе y : ъ въ *myti : mъjǫ (ср. русск. *мою*) является въ др.-ц.-сл. въ видѣ отношенія ꙑ : ꙑ въ мꙑти — мꙑѭ, крꙑти — крꙑѭ и т. п.,—въ силу измѣненія ъ въ положеніи предъ j въ ꙑ (ср. ниже, § 69).

Замѣчанія объ отдѣльныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ др.-ц.-словянскаго языка.

§ 65. Гласный *a*, судя по показаніямъ дошедшихъ до насъ памятниковъ древне-церковно-слов. языка, существовалъ въ этомъ языкѣ не только послѣ согласныхъ, но и въ началѣ слова и послѣ гласныхъ, т. е. безъ предшествующаго j или і неслогового.

Въ глаголическихъ памятникахъ, какъ извѣстно, нѣтъ особаго знака для сочетанія ja или i̯a, которое выражается въ кирилловскомъ алфавитѣ знакомъ ꙗ; на мѣстѣ этимологическаго ja (или i̯a) въ глаголическихъ памятникахъ находимъ знакъ ⰰ, который въ то-же время соотвѣтствуетъ кирилловскому ѣ.

Но рядомъ съ ⰰ въ значеніи ꙗ въ глаголическихъ памятникахъ находимъ въ томъ же значеніи и простое, нейотованное а, какъ внутри слова, такъ и въ началѣ слова; при этомъ въ началѣ слова а на мѣстѣ ꙗ находимъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ не только послѣ паузы, что было бы понятно (ср. выше § 58), но и внутри фразы.

Въ Кіевскомъ Миссалѣ встрѣчаемъ два раза а (союзъ) послѣ паузы (V 5, 16). Въ Маріинскомъ Ев. начальное а находимъ въ словахъ авие— при ѣвие (1 разъ), авити, авлѥние, авѣ—рядомъ съ ѣвити, ѣвление, ѣвѣ, азъ рядомъ съ ѣзъ (1 разъ), аште,—рядомъ съ ѣште, агода, аице, али (союзъ); слова ꙗко, ꙗкъ, ꙗма, ꙗможе, ꙗрость, ꙗръ, ꙗрьмничь встрѣчаются только съ ѣ, какъ и различныя образованія отъ корня ꙗд- (изъ ěd-). При этомъ формы глагола авити находимъ (съ а) не только послѣ паузы, но и въ срединѣ фразы: ѣко плъть и кръвъ (sic) не ави тебѣ (Мар. Ев. 56, 13) и т. п.

Въ Зографскомъ Ев. также находимъ ѣвити и авити, а (союзъ), аште, авие, аица, авꙑ, но ѣко.

Въ Glag. Cloz. пишется а (союзъ), а не, аште, аштотъ, авие, азъ, агньць,—рядомъ съ ѩгньць, но ѩвити, ѩкл҄ѩти, ѩвѣ, ѩдъ, ѩдро, ѩсли, ѩсти, ѩзва, ѩко, ѩрость.

Въ Ассем. Ев. аби, авити—обычны,—при рѣдкомъ ѩви,—азъ, агньць, аница.

Конечно, греческія слова съ начальнымъ *α* сохраняютъ свою форму какъ въ глаголическихъ, такъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: анћелъ, апостолъ и т. п.

Если а на мѣстѣ ꙗ въ глаголическихъ памятникахъ не представляетъ собою графической неточности такъ же, какъ и а въ значеніи ꙗ, то, очевидно, первоначальныя условія употребленія а и ꙗ (а послѣ паузы, ꙗ внутри фразы) въ языкѣ дошедшихъ до насъ памятниковъ уже не имѣли значенія.

Въ кирилловскихъ памятникахъ сочетаніе ја или ја имѣетъ для своего выраженія особый знакъ—ꙗ; тѣмъ не менѣе и здѣсь находимъ факты того-же характера, что и въ памятникахъ глаголическихъ: въ Саввиной книгѣ находимъ исключительно абиѥ, агньць, агода, азъ, аще, али (союзъ); аще; при этомъ а является не только послѣ паузы, но и внутри фразы: и абиѥ, речетъ емоу абиѥ (64^b), и аще что... (56^b), и азъ камъ... (67) и т. п.; съ другой стороны, въ Саввиной книгѣ употребляется исключительно глаголъ ꙗвити въ различныхъ формахъ, исключительно ꙗко и ꙗкоже, ꙗзва, ꙗможе, ꙗрьмьникъ, ꙗсли, ꙗсти (ꙗмь, ꙗстъ, ꙗдите, ꙗдѧтъ и т. д.),—при ѩдь, ѩмъ, ѩдѣхъ, ѩшѧ, ѩдъшихъ (Щепкинъ Савв. книга, указатель). Въ Остромировомъ Ев. всегда пишется а, абиѥ, азъ, аница, аще; въ Хиландарскихъ Листкахъ находимъ а послѣ паузы (II 13б 12), аще въ сочетаніи: да аще (Аа 5—6); Въ Листкахъ Ундольскаго нѣсколько разъ встрѣчается а послѣ паузы: абиѥ и азъ. Такимъ образомъ, подборъ словъ, которыя пишутся съ а въ началѣ слова, болѣе или менѣе однороденъ въ глаголическихъ и кирилловскихъ памятникахъ, и возможно, что это согласіе отдѣльныхъ памятниковъ содержитъ въ себѣ общее указаніе относительно древне-церк.-словянскаго языка: повидимому, въ немъ нѣкоторыя слова обобщились въ формѣ съ начальнымъ а, которая употреблялась и послѣ паузы, и въ срединѣ фразы.

Примѣчаніе. По наблюденію Соболевскаго, колебаніе а и ꙗ относится исключительно къ словамъ съ начальнымъ гласнымъ, получившимся изъ первоначальнаго а или ја, но не изъ ě: Сборникъ въ честь Ягича 204—205 с.с. Дѣйствительно, вѣрные примѣры колебанія ꙗ—а въ словахъ съ ꙗ изъ ě указать трудно; такъ происхожденіе а въ азъ—ꙗзъ является спорнымъ (ср. Бернекеръ Slav. Etym. Wörterb. 35 с.). Однако нельзя отрицать возможности возникновенія по аналогіи авити—ꙗвити и т. п. а при ꙗ изъ ě тамъ, гдѣ рядомъ съ этимъ ꙗ не было ѩ, какъ въ ꙗсти—сънѣсти.

Внутри слова въ др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ ѧ безъ предшествующаго j или ị послѣ гласнаго, въ силу его вторичнаго исчезновенія,—въ формахъ g. s. m.—n. прилагательныхъ опредѣленныхъ, какъ добрааго, въ глагольныхъ формахъ вьзиаатъ, съзираатъ и т. п. (Мар. Ев.), а также въ такихъ формахъ, какъ сѣание Мар., Савв. Остр., дѣание Glag. Cloz., дѣати Мар., любодѣание Мар. Остр., чаание Мар. Остр. Савв. Отнести эти факты, касающіеся положенія ѧ внутри слова, къ первоначальнымъ чертамъ др.-ц.-сл. языка, т. е. къ языку Кирилла и Меѳодія, врядъ ли можно съ полной увѣренностью.

§ 66. Древне-церк.-славянское ѣ не можетъ быть опредѣлено, какъ звукъ, болѣе или менѣе точно. Въ глаголической азбукѣ для обозначенія ѣ находимъ знакъ, который въ то-же время служитъ для выраженія сочетанія ја (ịа); если предположить, что это единство знака для двухъ различныхъ по происхожденію звуковыхъ величинъ отражаетъ лишь неточность слухового воспріятія составителя глаголицы, то фактъ этотъ во всякомъ случаѣ указываетъ на значительную близость въ говорѣ составителя глаголицы между ѣ и ꙗ; различіе между ними, несомнѣнно, было, такъ какъ предъ ѣ въ значеніи ꙗ въ глаголическихъ источникахъ согласный снабженъ иногда значкомъ мягкости (кои҆ꙗ и т. п.), тогда-какъ предъ ѣ въ значеніи ě этотъ знакъ мягкости на предшествующемъ согласномъ не ставится (нѣмъ и т. п.); возможно, что это различіе было лишь въ томъ, что предшествующій гласному ѣ (изъ прасл. ě) согласный не былъ въ такой мѣрѣ смягченнымъ, какъ предъ ꙗ; быть можетъ, напримѣръ, др.-ц.-сл. ѣ представляло сочетаніе неслогового *e* и слогового *a* или же неслогового *ь* и слогового *a*. Возможно также, что слоговая часть ѣ была не тожественнымъ гласному а, но близкимъ ему акустически широкимъ ä. Въ кирилловскихъ памятникахъ для звука ě существуетъ особый знакъ ѣ, отличный отъ ꙗ, но это не противорѣчитъ тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать на основаніи глаголической графики. Въ кирилловскихъ памятникахъ находимъ, напр., на мѣстѣ этимологическаго ꙗ послѣ смягченныхъ согласныхъ р, л—ѣ. Такъ, въ Савв. книгѣ: морѣ g. s., творѣше, особенно же послѣ л,—волѣ n. s., землѣ, тьлѣ и т. д.; въ Хиланд. л.л. погоублѣ(ѭщи), разарѣетъ. Отражаетъ ли этотъ фактъ измѣненіе согласныхъ р, л изъ смягченныхъ въ полумягкіе, вслѣдствіе чего слогъ лꙗ, рꙗ совпалъ со слогомъ рѣ, лѣ, или же здѣсь отражается измѣненіе послѣ указанныхъ согласныхъ *a* въ направленіи къ ѣ, но указанные факты, повидимому, также указываютъ на близость др.-ц.-славянскаго ѣ и ꙗ.

Примѣчаніе. Ср. Лескинъ въ Arch. XXVII, 2, 165 с.; Щепкинъ, Разсужденіе, 275 с.; Фортунатовъ, Составъ Остромирова Евангелія 3 с. (Сборникъ

статей въ честь Ламанскаго). Фортунатовъ понимаетъ написанія лѣ на мѣстѣ ла въ томъ смыслѣ, что «буква ѣ выражала а съ предшествовавшей ему переходною мягкою гласною е или ь неслоговое, развивавшееся при переходѣ отъ смягченной согласной къ а».

§ 67. Гласный е, подобно гласному а, существовалъ въ др.-ц.-славянскомъ языкѣ безъ предшествующаго j или i̯ не только послѣ согласнаго, но и въ началѣ слова. Въ глаголической азбукѣ е безъ предшествующаго j (i̯) и съ таковымъ вообще не различаются: ихъ выражаетъ одинъ и тотъ-же знакъ. Отчасти ту-же черту находимъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: въ Хиланд. листкахъ ѥ обычно замѣнено знакомъ е и въ началѣ, и внутри слова; въ Листкахъ Ундольскаго е имѣетъ значеніе е и ѥ; въ Савв. книгѣ ѥ употребляется сравнительно рѣдко. Но въ Супрасльской рукописи, гдѣ въ началѣ слова и внутри слова послѣ гласнаго обычно употребляется ѥ, въ извѣстныхъ случаяхъ находимъ е въ началѣ слова: въ словѣ есе въ началѣ слова при ѥсе внутри слова: ср. Meillet въ «Сборникѣ статей по словяновѣдѣнію» II в. (1906 г.), 388 стр. Несомнѣнно, въ такихъ случаяхъ въ живомъ произношеніи, дѣйствительно, слышалось *е* безъ предшествующаго i̯ или j. Въ Остромировомъ Ев., также отличающемъ е отъ ѥ, находимъ е въ началѣ слова въ слѣдующихъ примѣрахъ: єда, єдꙁка, єгда, єи, єꙁєро, єльма, єтєръ, єщє (при ѥщє). Относительно Остромирова Ев. трудно, конечно, сказать, отражаютъ ли приведенные примѣры черту языка писца, или же произношеніе оригинала. Слова єда, єи, несомнѣнно, относятся къ числу такихъ, которыя обычно употребляются въ началѣ фразы. Слова єтєръ, єꙁєро, по правильному замѣчанію Меллье (loc. cit.), были чуждыми живому языку русскаго писца, который зналъ на ихъ мѣстѣ нѣкꙑи, ѻꙁєрѹ.

Примѣчаніе. Трудно согласиться съ Меллье, по мнѣнію котораго глаголическая графика (Э = е и ѥ) предполагаетъ произношеніе *е* послѣ согласныхъ такое, какъ въ русскомъ (*небо*) и польскомъ (niebo); предположеніе такого южно-слов. говора IX вѣка врядъ ли можно обосновать (Götting. gelehrt. Anzeig. 1910 № 5, 367—368 с.с.).

§ 68. Гласные ъ, ь опредѣлены выше (§ 3), какъ редуцированные въ количественномъ отношеніи, т. е. болѣе краткіе въ сравненіи съ краткими гласными.

Примѣчаніе. Въ этомъ же смыслѣ Фортунатовъ и изслѣдователи его школы употребляютъ терминъ «ирраціональные» гласные; по вопросу о терминологіи ср. Ягича въ Arch. XXII, 553 с., Ляпунова въ Ж. М. Н. Пр. 1900, № 6, 390 и сл. Въ старой научной литературѣ по отношенію къ др.-церк.-слов. ъ, ь употреблялись термины «глухой», и «полугласный» («dumpf», «Halbvocal»,— конечно, далеко не отличающіеся точностью; въ болѣе новой литературѣ упо-

требляются кромѣ термина «ирраціональный» и «редуцированный» также термины «überkurz», «schwach», «слабый», «полукраткій». Ни одинъ изъ указанныхъ терминовъ, конечно, не можетъ быть признанъ идеальнымъ, т. е. вполнѣ точно опредѣляющимъ природу звуковъ ъ, ь; да и врядъ-ли можно съ полной увѣренностью опредѣлить эту природу. Однако, принимая во вниманіе нѣкоторыя явленія, связанныя со звуками ъ и ь въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ (исчезновеніе ъ, ь въ извѣстныхъ условіяхъ; измѣненіе въ малорусскомъ сънъ въ сон при ПОП,—затѣмъ піп,—изъ попъ), наиболѣе вѣроятнымъ должно признать, что главное отличіе ъ и ь отъ иныхъ гласныхъ лежало въ количественной сторонѣ, а не въ сторонѣ экспираторной и не въ качественномъ моментѣ, изъ котораго склоненъ исходить Ягичъ въ Arch. XXII, 559 с. Терминъ «редуцированный» считаю болѣе подходящимъ, такъ какъ терминъ «редукція» принятъ въ фонетикѣ, тогда какъ терминъ «ирраціональный» взятъ изъ области математики.

I. Редуцированные ъ и ь, полученные изъ праслованскаго тѣмъ говоромъ, который легъ въ основу др.-церк.-словянскаго языка,—можно думать,—*сохранялись въ немъ, какъ особые звуки* ъ *и* ь, *во всѣхъ положеніяхъ въ ту эпоху, когда изготовлялся словянскій переводъ богослужебныхъ книгъ.*

Древнѣйшій по языку памятникъ древне-церковно-словянской письменности,—Кіевскій Миссалъ, еще сохраняетъ въ общемъ это старое состояніе словянскихъ языковъ, которое съ увѣренностью можно предполагать для IX вѣка: въ немъ всюду правильно находимъ ъ и ь тамъ, гдѣ ихъ можно ожидать въ соотвѣтствіи праслованскимъ ъ и ь,—напр. на мѣстѣ i и u другихъ индо-европейскихъ языковъ; ни разу на протяженіи всего памятника, состоящаго изъ 7 листовъ (14 страницъ) ъ и ь не пропущены на письмѣ, ни разу не замѣнены эти знаки какими-либо другими. Такъ, въ Кіевскомъ Миссалѣ читаемъ: **чьстыѫ, чьсть, чьстимъ, чьстьнаго** и т. п.,—отъ корня **чьт-** (русское *чту*), въ которомъ ь соотвѣтствуетъ гласному i въ авест. čistiš=мысль; далѣе,—въ Кіев. М. находимъ: **вьсѣхъ, вьсего, вьсѣ, вьсе(могы)** и т. д.—всегда съ сохраненіемъ ь, которое соотвѣтствуетъ правильно литовскому i въ visas *(весь)*; **отьми, (въ)ньмемъ,** въ которомъ ь соотвѣтствуетъ i въ литовскомъ imù—imti; такимъ же образомъ правильно сохраняетъ Кіев. М. старые ъ, ь и въ другихъ случаяхъ: **кръве, въплътити, оупъвание, любъвь, мьшѣ** (лат. missa), **зълока, дьни** и т. д. И между собой ъ и ь, обыкновенно, не смѣшиваются,—ъ находимъ тамъ, гдѣ въ родственныхъ индо-европ. языкахъ слышится u (**кръве** ср. съ лит. krùvinas—*кровавый)*, а ь стоитъ въ соотвѣтствіи съ i этихъ языковъ. Только въ двухъ примѣрахъ въ Кіев. М. находимъ ъ на мѣстѣ болѣе стараго ь: **въсѣхъ** на 7 л. (2 раза)—вм. **вьсѣхъ** (лит. visas). Въ Надписи 993 г. находимъ: **отьца, оусъпъш(ихъ), сътво(ренiѣ).**

II. Не то, однако, видимъ въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ др.-цер.-слов. языка: въ нихъ уже находимъ рядъ измѣненій въ области ъ и ь, изъ которыхъ важнѣйшія встрѣчаемъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ.

Эти измѣненія, наблюдаемыя въ др.-цер.-словянскихъ памятникахъ, суть слѣдующія.

1. На мѣстѣ болѣе древняго ъ находимъ ь и, наоборотъ,—на мѣстѣ болѣе древняго ь—ъ: вмѣсто тьма—тъма и вмѣсто зълѣ—зьлѣ.

2. Въ извѣстныхъ условіяхъ знаки ъ и ь пропускаются на письмѣ вовсе, что обозначаетъ исчезновеніе звуковъ ъ и ь въ этихъ условіяхъ въ произношеніи: вмѣсто вьсего, зълока пишется всего, злока.

3. Въ иныхъ условіяхъ знаки ъ и ь замѣняются знаками о и е, что обозначаетъ измѣненіе въ этихъ условіяхъ звуковъ ъ и ь въ звуки *о* и *е* въ живомъ произношеніи: вмѣсто вьсь пишется весь, вмѣсто любъвь—любовь.

То-же исчезновеніе ъ и ь въ извѣстныхъ условіяхъ и измѣненіе ихъ въ гласные полнаго образованія произошло, какъ извѣстно, и въ русскомъ, а также въ другихъ словянскихъ языкахъ: ср. русс. *все* изъ прасл. *vьse, *весь* изъ прасл. *vьsь, *зло* изъ прасл. *zъlo и *золъ* изъ прасл. *zъlъ.

Звуковыя явленія, которыя отражаются въ указанныхъ выше фактахъ пропуска ъ и ь и замѣны ихъ знаками о и е въ др.-ц.-слов. памятникахъ, конечно, не относятся уже къ кирилло-меѳодіевскимъ оригиналамъ и не характеризуютъ др.-ц.-слов. языкъ Кирилла и Меѳодія; въ этихъ фактахъ большинства др.-ц.-слов. памятниковъ отражаются болѣе позднія явленія X—XI вѣковъ, имѣвшія мѣсто въ различныхъ болгарскихъ говорахъ.

III. *Условія, въ которыхъ имѣли мѣсто эти звуковыя явленія, могутъ быть точно опредѣлены:*

1. ъ и ь (звуки) исчезали въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ слогъ съ гласнымъ полнаго образованія (т. е. не съ ъ или ь), при условіи неударяемости этихъ ъ, ь; такимъ образомъ вьсé, вьсѧ́, вьнѣ́, кътó, зълó, оупъвáние, сълáти, сказáти и т. п. измѣнялись въ все, всѧ, внѣ, кто, зло, оупвание, слати, сказати и т. д.

2. ъ и ь не могли исчезать, а измѣнялись въ *о*, *е* (или ъ сохранялось, какъ ъ) въ тѣхъ случаяхъ, а) когда за ними слѣдовалъ слогъ опять таки съ ъ или ь или же съ і и у изъ ь, ъ (предъ j); b) когда ъ или ь были ударяемыми, причемъ обыкновенно первое и второе условіе совпадали. Такимъ образомъ вьсь, дьнь, зълъ, сълъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ измѣнялись въ вес(ь), ден(ь), зол(ъ), сол(ъ), какъ въ силу положенія

перваго ъ, ь предъ слогомъ съ ъ, ь, такъ и въ силу ударяемости. Точно такъ-же дьнию измѣнялось въ дению, ибо и во второмъ слогѣ получилось изъ ь въ положеніи предъ j и въ количественномъ отношеніи было такимъ же, какъ и ъ, ь. Указанныя условія, очевидно, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что измѣненіе ъ, ь въ о, е было обусловлено потерей въ послѣдующемъ слогѣ: превращеніе ъ, ь или и въ неслоговые звуки или же ихъ исчезновеніе вызывало измѣненіе предшествующаго ъ, ь въ о, е. Отсюда ясно, что выше сдѣланное опредѣленіе условія перехода ъ, ь въ о, е должно быть болѣе точно формулировано слѣдующимъ образомъ: ъ, ь переходитъ въ о, е предъ слогомъ съ ъ, ь (или и изъ ь), если за этимъ слогомъ не слѣдуетъ опять таки слогъ съ ъ, ь; въ самомъ дѣлѣ, въ формѣ правьдьна—ь во второмъ отъ конца слогѣ, находясь предъ слогомъ съ полнымъ гласнымъ (а) становился неслоговымъ или исчезалъ; а потому предшествующее ь переходило въ е—праведъ(ь)на; но въ формѣ правьдьнъ,—раньше всего ослабились конечные ъ, ь,—второе отъ конца ь усилилось въ силу звуковой потери въ конечномъ слогѣ, а потому третье отъ конца ь не могло уже усилиться: оно находилось уже предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія; слѣдовательно, форма правьдьнъ должна была дать—правден(ъ); такимъ же образомъ форма дьнии должна была дать—дини, ибо конечное и изъ jь стало неслоговымъ, предшествующее и (изъ ь предъ j) усилилось, а потому ь находилось предъ слогомъ полнаго образованія и должно было исчезнуть. Въ формѣ ръпътъ среднее ъ должно было дать о въ силу положенія предъ слогомъ съ ъ, первое же въ силу ударяемости.

Примѣчаніе. Возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствіемъ къ исчезновенію ъ и ь могла быть природа сосѣднихъ согласныхъ, составлявшихъ съ ъ (ь) звуковую группу.

IV. Звуковое явленіе, указанное подъ 1, объясняетъ между прочимъ то обстоятельство, что въ др.-ц.-слов. памятникахъ ъ и ь смѣшиваются на письмѣ; это происходило α) отчасти въ силу дѣйствительныхъ измѣненій въ произношеніи этихъ звуковъ, отчасти же β) въ силу причинъ графическаго характера.

α) Дѣйствительныя измѣненія въ произношеніи ъ и ь можно предполагать, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда ъ замѣняется чрезъ ь предъ мягкимъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, а ь замѣняется чрезъ ъ предъ твердымъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія; такимъ образомъ, вмѣсто стараго бъдѣти, бънѣ, зълѣ находимъ бьдѣти, бьнѣ, зьлѣ, а вмѣсто стараго правьда—правъда. Въ этихъ случаяхъ ъ и ь, находясь предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія,—могли подвергаться вліянію послѣдующаго слога еще прежде, чѣмъ стали исчезать:

твердое ъ предъ мягкимъ слогомъ измѣнялось въ мягкое ь, а мягкое ь предъ твердымъ слогомъ—въ твердое ъ.

Примѣчаніе. О кьнѣ ср. Zubatý Сборн. Ягича, 396 с.

β) Графически ъ и ь могли смѣшиваться въ такомъ же положеніи (предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія) въ силу того, что въ произношеніи писца они уже не существовали т. е. исчезли, и писецъ не имѣлъ живого критерія для правильной постановки этихъ традиціонныхъ знаковъ. Болѣе правильной является постановка ъ и ь въ концѣ слова, чѣмъ внутри,—отчасти потому, что конечное ъ или ь опредѣляло цѣлую грамматическую категорію, отчасти же потому, что критеріемъ иногда служило различіе мягкости конечнаго согласнаго (предъ старымъ ь, затѣмъ исчезнувшимъ) и твердости его (предъ ъ, затѣмъ исчезнувшимъ); мягкость же конечнаго согласнаго поддерживалась аналогіей: кост(ь), гост(ь), сол(ь), сохраняли мягкость конечнаго согласнаго въ виду того, что она поддерживалась формами кости, гости, соли (gen. dat. loc. s.), гдѣ конечные согласные были мягки предъ и.

По отношенію къ смѣшенію ъ и ь слѣдуетъ добавить, что данныя нѣкоторыхъ памятниковъ позволяютъ предположить измѣненіе ь въ ъ подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ (ш, ж).

V. Такимъ образомъ мы видимъ, что исчезновеніе ъ и ь, а также ихъ взаимная мѣна, съ одной стороны, и измѣненіе въ гласные полнаго образованія (о, е) съ другой—зависятъ отъ причинъ фонетическаго характера, опредѣляются извѣстными звуковыми условіями. Однако и въ данномъ случаѣ, какъ и вообще въ языкѣ, дѣло не обошлось безъ вмѣшательства психологическаго фактора въ видѣ такъ называемой аналогіи.

Согласно выше установленнымъ условіямъ исчезновенія и вокализаціи (т. е. перехода въ о, е) ъ и ь, форма правьдьнъ должна была дать праведенъ, форма же правьдьнъіи—форму праведнъіи; взаимодѣйствіе этихъ формъ создало форму праведенъ (Мар. Ев. 3, 2) или, иначе говоря, подъ вліяніемъ формы праведнъіи явилось праведенъ вмѣсто фонетической правденъ. Форма сънъмъ должна была фонетически дать снемъ, но рядомъ съ этой формой (сънемъ Мар. Ев. 176, 27) находимъ и форму сънмь (Мар. Ев. 302, 9); эта форма могла явиться подъ вліяніемъ формъ сънма, сънмоу, гдѣ ь правильно выпалъ предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія.

VI. Описанныя выше явленія, связанныя съ судьбой ъ и ь, какъ уже было отмѣчено, относятся къ древне-болгарскимъ говорамъ болѣе поздняго времени. Однако явленія эти содержатъ въ себѣ нѣкоторыя указанія относительно др.-ц.-словянскихъ ъ, ь кирилло-меѳодіевской эпохи: различная судьба, которую имѣли ъ, ь въ зависимости отъ того, слѣдо-

валъ ли за нимъ слогъ съ ъ (ь) или съ гласнымъ полнаго образованія,— позволяетъ думать, что ъ и ь въ этихъ различныхъ положеніяхъ не были вполнѣ одинаковы и въ эпоху, болѣе древнюю. Возможно, что уже въ болѣе древнюю эпоху ъ и ь въ конечномъ слогѣ ослабѣли въ количественномъ отношеніи, а предшествующее имъ ъ и ь усилились: конечное ъ въ формѣ правьдьнъ, быть можетъ, уже въ кирилло-меѳодіевскую эпоху было неодинаковымъ въ количественномъ отношеніи съ ь предшествующаго слога.

Примѣчаніе. Фортунатовъ предполагаетъ, что «изъ общеславянскаго языка перешли въ отдѣльные славянскіе языки ирраціональныя гласныя ъ и ь двухъ видовъ по количеству: бóльшаго и меньшаго количества». Изв. (1908) XIII, кн. 2, 5 с. прим.; ъ и ь бóльшаго количества Фортунатовъ предполагаетъ въ положеніи предъ слогомъ съ ъ или ь (или і изъ ь предъ j).

VII. Указанныя въ предыдущемъ изложеніи явленія взаимной мѣны ъ и ь, ихъ полнаго исчезновенія и перехода въ о, е,—вмѣстѣ или порознь—замѣчаются во всѣхъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ церк.-слов. памятникахъ, за исключеніемъ Кіев. Миссала, который, какъ мы видѣли, отступаетъ отъ правильной постановки ъ и ь лишь въ двухъ случаяхъ замѣны ь черезъ ъ.

1. *Взаимная мѣна* ъ и ь лишь въ немногихъ памятникахъ болѣе или менѣе ясно отражаетъ въ себѣ извѣстные фонетическіе процессы болѣе ранней эпохи.

Яснѣе всего законъ измѣненія ъ въ ь предъ мягкимъ слогомъ и ь въ ъ предъ твердымъ, установленный впервые Ягичемъ,—проведенъ въ Зографскомъ Евангеліи. Такъ. здѣсь находимъ въврати, дъврати, пъврати, зъдати, въдока, въдокица, тъма и т. д. вмѣсто первоначальныхъ вьрати, дьрати, пьрати, зьдати, вьдока, тьма и т. д. Съ другой стороны въ Зогр. Ев. находимъ вьдѣти, зьлѣ, зьли, дьнѣ, дьнѣма и т. п. вмѣсто въдѣти, зъли, дънѣ и т. д. *Такимъ образомъ, мягкій слогъ, слѣдовавшій за* ъ, *измѣнялъ его въ* ь, *а твердый слогъ, слѣдовавшій за* ь, *мѣнялъ это* ь *на* ъ.

При этомъ необходимо принять во вниманіе два обстоятельства: а) ъ и ь оставались безъ измѣненія, если за ними слѣдовалъ слогъ опять таки съ ъ или ь: вѣрьнъ не измѣнялось въ вѣрънъ; дьнъ не измѣнялось въ дънъ; b) законъ измѣненія ь въ ъ предъ твердымъ слогомъ, а ъ въ ь предъ мягкимъ слогомъ не проведенъ въ Зографскомъ Ев. вполнѣ послѣдовательно: такъ, суффиксъ -ьск- не мѣняетъ своего ь предъ твердымъ гласнымъ, формы дъшти, възъпити, въдє, вънѧть и др. не мѣняютъ своего ъ на ь.

Первое изъ указанныхъ обстоятельствъ, повидимому, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что ассимилирующему вліянію послѣдующаго слога

подвергались лишь ъ, ь слабые, т. е. находившіеся предъ слогомъ съ полнымъ гласнымъ, которые впослѣдствіи исчезали; ъ и ь въ слогѣ предъ ъ, ь достигали нормальной краткости и не подвергались вліянію послѣдующаго слога.

Второе обстоятельство показываетъ, что измѣненіе ъ въ ь и наоборотъ, въ зависимости отъ послѣдующаго слога, не относится къ эпохѣ писца Зографскаго Ев.; это звукоизмѣненіе, вѣроятно, болѣе послѣдовательно отражалось въ графикѣ оригинала Зографскаго Ев., а подъ перомъ писца первоначальная правильность сильно пострадала, ибо для него ъ и ь въ этихъ случаяхъ уже не были звуками живыми,—онъ произносилъ брати, вдова, зли, двѣ и т. д.

Законъ измѣненія ъ въ ь и ь въ ъ въ зависимости отъ качества слѣдующаго слога, дѣйствовавшій въ эпоху, болѣе раннюю сравнительно съ дошедшими до насъ др.-ц.-слов. оригиналами, отражается также въ Мар. Ев., въ Glag. Cloz., въ Син. Молитв., а изъ кирилловскихъ памятниковъ въ Савв. книгѣ и Супрасльской рукописи. Во всѣхъ этихъ памятникахъ рядомъ со значительнымъ количествомъ примѣровъ, подтверждающихъ правило, можно указать немалое число отступленій, причемъ полнаго согласія въ характерѣ отступленій между отдѣльными памятниками нѣтъ. Но это еще разъ подтверждаетъ мысль, что въ фактахъ Зогр., Мар., Клоц., Син. Мол., Савв., Супр. отражаются дѣйствительные факты языка *болѣе ранней эпохи*. Подробная характеристика фактовъ отдѣльныхъ памятниковъ дана Лескиномъ въ Arch. XXVII, 1, 3, 4 вып., 1—41, 321—350, 481—513 с.с.

Другого рода мѣна ъ и ь, отражающая дѣйствительно фонетическіе процессы болѣе ранней эпохи, это—замѣна ь черезъ ъ послѣ согласныхъ ш, ж, ч, жд, щ: шъдъ, длъжъникъ, вышънихъ, начънѫтъ, киждъ, тъщъно и т. п. вмѣсто шьдъ, длъжьникъ, вышьнихъ, начьнѫтъ, киждь, тъщьно. Это измѣненіе не зависитъ отъ характера слѣдующаго слога и вызвано было, повидимому, самымъ характеромъ предшествующаго согласнаго, т. е. способомъ его артикуляціи.

Явленіе это документируется Саввиной книгой: ср. Щепкина Разсужденіе 150 и сл., Лескина въ Arch. XXVII, 15 и сл. То-же отражается и въ графикѣ Маріинскаго Евангелія и Glag. Cloz.; въ Мар. Евангеліи: брачъниi, кънѣштънее, грѣшънѣемь, длъжъникъ, хождъшоу и т. п.; ср. Arch. XXVII 336 с.; въ Glag. Cloz.: чъто (всегда), нашъ, мѫжъ, сѫштъ, рождъ. Въ Синайскомъ Молитвенникѣ то-же наблюдается послѣ ж и ш, но послѣ ч, жд, шт старое ь сохраняется: ср. Arch. XXVII, 31—32 с.с.

Иные памятники смѣшиваютъ ъ и ь и внѣ указанныхъ выше условій, т. е. независимо отъ характера слѣдующаго слога или предшеству-

ющаго согласнаго: таковы изъ глаголическихъ памятниковъ Ассеманіево Ев. и Синайская псалтырь; изъ кирилловскихъ—небольшіе Хиландарскіе отрывки сохраняютъ большею частью и старое ъ, и старое ь: кънигамъ, тъщеѭ, чьтение, вьсего, благодатьное и т. п., но въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣняютъ старое ь черезъ ъ: тъмоѭ, непъщевавше, грѣховъное, равъно и т. п.; въ Листкахъ Ундольскаго эта замѣна ь черезъ ъ является обычной: въсѧ, полъза, пъшеница, коупъно, слъньце и т. п.; Македонскій листокъ употребляетъ на мѣстѣ ъ и ь исключительно ь.

2. Исчезновеніе ъ и ь какъ въ концѣ слова, такъ и внутри—предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія замѣчается за исключеніемъ Кіевскаго Миссала во всѣхъ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ. Такъ, уже въ Зограф. Ев. находимъ: многъ, мнѣ, псати, кто и т. п. (вмѣсто мъногъ, мънѣ, пьсати, къто). То-же наблюдается въ Мар. Ев., Glag. Cloz., Ассем. Ев., Синайск. Пс., Син. Молитв., Савв. кн., Супрасл. рук., Листкахъ Ундольскаго, Македонскомъ листкѣ. Очень рѣдко пропускается ъ, ь въ Остр. Ев., особенно во 2-й части, для которой можно предполагать непосредственно др.-ц.-слов. оригиналъ (съ 24 л.): всего 6 случаевъ въ евангельскомъ текстѣ; почему можно думать, что др.-ц.-слов. оригиналъ Остромирова Ев. не зналъ вовсе пропуска ъ, ь (ср. Фортунатова «О составѣ Остромирова Ев.» 6—20 сс.). Въ Хиландарскихъ листкахъ пропускъ ъ, ь всегда обозначается надстрочнымъ знакомъ: правдоѭ, пшеницѫ и др. Такая постановка надстрочнаго знака на мѣстѣ пропущеннаго ъ или ь наблюдается и въ другихъ др.-ц.-слов. памятникахъ.

Пропускъ ъ и ь въ концѣ слова замѣчается сравнительно съ пропускомъ ихъ въ срединѣ гораздо рѣже; чаще другихъ пропускаетъ конечные ъ, ь писецъ Ассеманіева Евангелія; наоборотъ, писецъ Саввиной книги (также Остромирова Ев.) не пропускаетъ ихъ вовсе. Изъ этого однако нельзя сдѣлать заключенія, что въ языкѣ писца Саввиной книги конечные ъ и ь еще существовали. (Иначе—Щепкинъ, Разсужденіе 224 с.). Постановка этихъ знаковъ въ концѣ словъ въ древне-церк.-слов. памятникахъ, внѣ сомнѣнія, была своего рода грамотностью.

3. Постановку е и о на мѣстѣ болѣе древнихъ ъ и ь въ извѣстныхъ условіяхъ находимъ въ большинствѣ памятниковъ. Различіе между отдѣльными памятниками въ данномъ случаѣ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ однихъ—на лицо какъ замѣна ь/е, такъ и замѣна ъ/о, въ иныхъ же имѣется лишь первая; однако есть и такіе памятники, которымъ неизвѣстна ни та, ни другая замѣна. Различія эти отражаютъ діалектическія различія въ древне-болгарскомъ языкѣ, которыя наблюдаются и въ языкѣ современномъ: въ однихъ говорахъ ъ, въ извѣстномъ положеніи достигавшій нормальной краткости,—сохранялся,

какъ ъ, въ другихъ говорахъ — переходилъ въ о; въ третьихъ, болѣе архаическихъ, не было и перехода ь въ е.

Въ Зографскомъ Ев. находимъ кѣсенъ, шедъ, темьницѫ—изъ кѣсьнъ, шьдъ, тьмьницѫ и такъ-же: любокь, црькокь, народо-сь, рабо-тъ изъ любъкь, црькъкь, народъ-сь, рабъ-тъ; впрочемъ, и то, и другое (ь/е и ъ/о)—очень рѣдко.

Въ примѣрахъ народо-сь, рабо-тъ—ъ, формально конечное,—въ живой рѣчи являлось срединнымъ, такъ-какъ мѣстоименная форма (тъ, сь) тѣсно примыкала къ предыдущему слову, составляла съ нимъ одно цѣлое.

Въ Маріинскомъ Ев. замѣна ь/е и ъ/о представлена болѣе частыми примѣрами; и та, и другая замѣна встрѣчается также въ Glag. Cloz., Ассем., Син. Молитв., Син. Пс. Въ параллель вышеуказаннымъ примѣрамъ Зографскаго Ев. можно поставить встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ вокализацію конечнаго ъ предлоговъ, которые въ живой рѣчи также составляли одно цѣлое со слѣдующей именной формой: ко мнѣ изъ къ-мьнѣ. Въ противоположность глаголическимъ памятникамъ, которые, оставляя въ сторонѣ Кіевскій Миссалъ, всѣ знаютъ замѣну ъ/о рядомъ съ замѣной ь/е,—кирилловскіе памятники представляютъ иную картину: въ Савв. книгѣ замѣны ъ/о нѣтъ вовсе, замѣна ь/е также не представлена несомнѣнными примѣрами (е въ формѣ именемь, людехъ, людемъ—можетъ быть, морфологическаго происхожденія); въ Супр. рук. замѣны ъ/о почти не находимъ (на всю рукопись можно указать лишь: любокънъіи, смококьнааго, крѣпокъ), а замѣну ь/е находимъ лишь въ первой части памятника; въ Хиландарскихъ листкахъ и листкахъ Ундольскаго находимъ лишь переходъ ь/е; впрочемъ, стараго ъ въ положеніи, допускающемъ переходъ въ о, въ этихъ отрывкахъ (Хиланд. и Унд.) не находимъ; въ Македонскомъ листкѣ замѣны ъ/о и ь/е не наблюдается; и древ.-цер.-слов. оригиналъ Остромирова Ев., повидимому, не зналъ перехода ъ/о и ь/е, такъ-какъ первый сказывается въ Остромировомъ Ев. лишь въ 3 случаяхъ формы смококьница, а вѣрныхъ примѣровъ второго нѣтъ.

Примѣчаніе. По вопросу объ ъ, ь ср. Ягича Studien über das Zographos-evangelium Arch. I—II, его-же Die irrationalen Vocale въ Arch. XXII (1900), Щепкина, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги 1899 г., Лескина, Noch einmal ъ und ь in den altkirchenslavischen Denkmälern въ Arch. XXVII, 1—40 сс. Die Vocale ъ und ь in den Codices Zographensis und Marianus ibid. 321—350 сс., Die Vocale ъ und ь im Cod. Suprasliensis ibid. 481—513.

Въ послѣдней работѣ въ Arch. XXVII Лескинъ предложилъ новое объясненіе явленіямъ взаимной мѣны ъ и ь въ зависимости отъ твердости или мягкости послѣдующаго слога. По мнѣнію Лескина (345 с.), означенная мѣна знаковъ ъ и ь на письмѣ относится къ той эпохѣ, когда уже ъ и ь не произносились вовсе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они писались, что это графическое явленіе обозначаетъ скорѣе *извѣстное измѣненіе согласныхъ*: кѣрьна и кѣрьни дали

vě́ŕna и vě́ŕni со смягченнымъ r; подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога ŕ отвердѣло, что и выражалось написаніемъ вѣрѫна; такимъ же образомъ написаніе ӡьлѣ выражало źlě въ которомъ z смягчилось уже послѣ выпаденія ъ подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога; при этомъ нѣкоторые согласные не подвергались такому смягченію подъ вліяніемъ слѣдующаго слога, почему и находимъ, напримѣръ, въ Зографскомъ Ев., ь на мѣстѣ ъ предъ мягкимъ слогомъ болѣе или менѣе послѣдовательно лишь послѣ извѣстныхъ согласныхъ (в, к, ӡ, д). Хотя пониманіе Лескина и соблазняетъ своей простотой и тѣмъ, что объясняетъ непослѣдовательность въ проведеніи замѣны ъ чрезъ ь послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, однако оно врядъ ли вѣрно: 1) всей непослѣдовательности, какую находимъ въ Зогр. и другихъ памятникахъ по отношенію къ взаимной мѣнѣ ъ и ь, гипотеза Лескина все равно не объясняетъ; почему напр. правилу замѣны ь чрезъ ъ предъ твердымъ слогомъ не подчиняются въ Зогр. формы съ суффиксомъ -ьскъ?—объясненіе всякаго рода отступленій отъ основного правила кроется, по всей вѣроятности, въ томъ, что фонетическій законъ, о коемъ идетъ рѣчь, относится не къ эпохѣ писцовъ Зогр., Мар., Савв., Супр., а къ болѣе ранней. 2) Если такъ, то гипотеза Лескина мало вѣроятна, такъ-какъ трудно относить выпаденіе ъ и ь въ вѣрьна, ӡълѣ и т. п. къ эпохѣ болѣе ранней,—къ оригиналамъ Зогр. или Мар. Ев. Наконецъ 3) Лескинъ упускаетъ изъ виду факты, которые объяснимы лишь съ точки зрѣнія дѣйствительнаго измѣненія ъ въ ь и ь въ ъ въ зависимости отъ характера слѣдующаго слога: есть данныя, указывающія что ь изъ ъ предъ мягкимъ слогомъ или наоборотъ (ъ изъ ь предъ твердымъ) переносилось въ положеніе, въ коемъ оно не могло исчезнуть. Такъ, въ Савв. книгѣ находимъ кьпль вмѣсто кʌпль, которому соотвѣтствуетъ средне-болгарское кѥпль, и которое, очевидно, получилось подъ вліяніемъ кьпля, кьплю и т. д. Такимъ же образомъ объясняются средне-болг. сѫдовъ, крьтопъ вмѣсто ожидаемыхъ сѫдевъ, крьтепъ (изъ сѫдьвъ, крьтьпъ)—подъ вліяніемъ сѫдъва, крьтъпа (ъ изъ ь предъ твердымъ слогомъ); сюда же относится ново-болг. *везми* изъ вьӡьми (вмѣсто въӡьми). Въ русскомъ языкѣ такое толкованіе могутъ получить *тонкій* (изъ тънъкъи подъ вліяніемъ тънъкъ изъ тьнъкъ), *деберъ* (изъ дьбрь, а это изъ дъбрь, что въ свою очередь изъ дъбрь: ср. городъ *Добрянескъ* нашихъ лѣтописей). Подробнѣе объ этомъ см. Щепкина Разсужденіе 209 с. и Фортунатова въ Изв. XIII т. 2 кн. 4 и сл.

§ 69. На мѣстѣ прасл. ъ, ь въ положеніи предъ j въ др.-цер.-словянскихъ памятникахъ находимъ отчасти ъ, ь, отчасти же ы, и. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что факты эти отражаютъ извѣстное звуковое измѣненіе ъ, ь подъ вліяніемъ послѣдующаго j, и вопросъ можетъ быть лишь относительно характера и условій этого звукоизмѣненія, а также относительно пониманія того колебанія, которое находимъ въ графикѣ др.-церк.-словянскихъ памятниковъ.

Измѣненіе ъ въ ы и ь въ и датируется въ цѣломъ рядѣ грамматическихъ категорій: такъ, полныя формы прилагательныхъ *dobrъ+jь, sinь+jь измѣнились въ добрыи, синии; такъ-же формы род. мн. ч. *dobrъ+-

jіchъ, *sinь+jichъ дали добрыихъ, синиихъ; форма имен. мн. ч. именъ м. р. основъ на -i *gostьje дала гостиѥ, форма род. мн. тѣхъ же именъ *gostьjь дала гостии; форма именъ ср. р. *izbavjenьje и т. п. дала избавлениѥ; формы им. ед. *bratrьja, *sǫdьji, *mlъnьji дали — братрия, сѫдии, млънии; форма твор. пад. *kostьjǫ измѣнилась въ костиѭ; въ глагольныхъ формахъ примѣрами могутъ служить биѭ изъ *bьjǫ, мыѭ изъ *mъjǫ (ср. русск. бью, мóю).

I. Однако рядомъ съ формами, въ которыхъ на мѣстѣ прасл. ъ, ь находимъ ы, и,—въ древ.-церк.-славянскихъ памятникахъ существуютъ и формы съ ъ, ь.

Такое колебаніе между ь и и находимъ уже въ Кіев. Миссалѣ: рядомъ съ чьстьѭ, милостьѭ, помоцьѭ,—милостиѭ, избавлениꙗ, спасение, издрѣшение; рядомъ съ заповѣдьи gen. pl. (гдѣ ьи, несомнѣнно, означаетъ ь+и)—людии.

Въ Зографскомъ Ев., по наблюденіямъ Лескина Handbuch[4], 43 с.,— сочетаніе ьи очень рѣдко, представлено лишь единичными примѣрами (больи им. ед. ч. м. р. сравн. ст.); относительно иныхъ соединеній (ьѥ, ьѭ, ьꙗ или иѥ, иѭ, иꙗ) памятникъ распадается на двѣ части: въ Ев. Матѳея и Іоанна ь—лишь въ единичныхъ случаяхъ, въ Ев. Марка и Луки правописаніе колеблется между и и ь съ предпочтеніемъ послѣдняго.

Въ Маріинскомъ Ев. находимъ также колебаніе между и и ь, но съ преобладаніемъ перваго: знамение, лиѣти и т. п. при бьенъ, дьньѥ и т. п.; въ то же время здѣсь находимъ формы белеи, дьнеи и т. п., гдѣ е явилось на мѣстѣ ь.

Въ Glag. Cloz. находимъ: болии им. ед., житии мѣстн. ед., божиѣ, божию, но паданьѥмь, оумиленьѥмь, повелѣньѥмь, при испытанимь, блисцанимь.

Ассеманіево Ев. знаетъ только и: братиѣ, прѣположение, оучение и т. п. Синайск. Псалтырь колеблется между ь и и; въ Син. Молитвен. находимъ обычно -ии (и изрѣдка и) при -ьи, -ью, но -иѥ, -иѣ, -иꙗ, -иѭ; Саввина книга за немногими исключеніями послѣдовательно проводитъ и; Супрасльская рукопись колеблется между ь и и; въ Хиландарскихъ листкахъ преобладаетъ -иꙗ, -иѥ, -иѥмь, -иѭ, -ию, -ии, но встрѣчается нѣсколько случаевъ -ьꙗ, -ье, -ьимь (диꙗколъ, оучение, наказыченье, дьꙗкола); въ формѣ gen. pl. основъ на i—въ Хиланд. листкахъ находимъ -ии и просто и, получившееся изъ стяженія (заповѣди).

Анализъ примѣровъ, относящихся къ сочетаніямъ ъ+j представляетъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ различныя глаголическія начертанія ı, и входятъ въ составъ буквы, означающей одинъ звукъ ы

(изъ прасл. y), и потому приходится рѣшать вопросъ, обозначаетъ ли данное начертаніе одинъ звукъ ъı или сочетаніе ъ+jи.

Примѣчаніе. Глаголическое ⱛ, обыкновенно, передаютъ кирилловскимъ и, глаголическое ⰺ — кирилловскимъ ı, а глаголическое ⰹ — знакомъ ι, вмѣсто котораго мы будемъ употреблять знакъ і.

Въ Кіевскомъ М. находимъ формы: вьсемогꙑи и милостивꙑ, вьсемогꙑ, вѣчьнꙑ; въ послѣднихъ 3 формахъ ъı, несомнѣнно, обозначаетъ сочетаніе ъ+и (ъ+ji), такъ какъ одинъ звукъ ъı (лат. буква y) обозначается въ этомъ памятникѣ написаніемъ ꙑи (напр. нꙑи, тꙑи, вꙑити).

Въ Зогр. Ев. очень часто—добръі, злъі и т. п. при болѣе рѣдкомъ богатъı, благъı; повидимому, ъі должно читать, какъ ъ+и (ъ+ji), и изъ такихъ формъ получились и встрѣчающіяся въ Зографск. Ев. формы на -ои: сватои; между тѣмъ формы богатъı, благъı, очевидно, представляютъ въ своемъ ъı—одинъ звукъ ъı (лат. буква y), получившійся чрезъ стяженіе ъıи; написанія ъі встрѣчаются и въ формахъ косвенныхъ падежей: живъімь, мрътвъіхъ и т. п.

Примѣчаніе. Нѣтъ основанія видѣть въ ъі послѣднихъ формъ сокращенное написаніе ъıі, какъ думаетъ Лескинъ Handbuch[4], 102 с. въ виду того, что въ основахъ -jo послѣдовательно пишется иı: вѣдь и въ nom. s. написаніе -ьи очень рѣдко, тогда какъ ъі очень часто.

Маріинское Ев., въ противоположность Зографскому Ев., обычно употребляетъ формы типа добръıи и добръı, — въ послѣдней формѣ ъı представляетъ, очевидно, результатъ стяженія ъıи; однако, встрѣчаются въ Мар. Ев. и формы типа сватои, гдѣ -ои получилось изъ ъі. Интересные примѣры измѣненія ъ въ ъı Мар. Ев. даетъ по отношенію къ конечному ъ, когда оно находилось въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ ji: въı-истинѣ изъ *vъ-jistinĕ, поставитъı-и изъ *postavitъ+jь и т. п. Если послѣдняя форма параллельна по образованію формѣ сватъıи изъ *svętъ-jь, то формѣ болеи изъ *boljь+jь параллельно сочетаніе прѣдаме-и Маріинскаго Ев.—изъ *perdamь+jь: ср. Glag. Cloz. прѣдамı-и.

Въ Ассеманіевомъ Ев. параллельно формамъ на -ии употребляются, обычно, формы на ъıи; тутъ же находимъ, какъ и въ Мар. Ев., примѣры ъıи изъ ъ+jь въ тѣсномъ сочетаніи словъ: оуви҄жтъı-ı, възлъı-и.

Въ Син. Пс. при формахъ на ъıи и ъı, получающееся изъ стяженія ъıи, находимъ формы лѫкавои, благои, извѣдои. Въ Син. Молитв. часты формы на ꙑи при еще болѣе частыхъ на -ъı и рѣдкихъ на ъıи. Саввина книга предлагаетъ формы на ъı, получившееся путемъ стяженія изъ ъıи, и параллельное и въ мягкихъ основахъ.

Супрасльская рукопись знаетъ формы на ъи: благъи, славьнъи и т. п., тогда какъ одинъ звукъ, получившійся изъ прасл. у, обозначается знакомъ ы.

II. Какъ же должно понимать всѣ вышеприведенные факты?

Въ такихъ написаніяхъ, какъ болии изъ *bolјь-јь, синии изъ *sinјьјь, костиѭ изъ *kostьјǫ, биѭ изъ *bьјǫ и т. п., очевидно, отражается фонетическое измѣненіе, которое, вѣроятно, было извѣстно и др.-церк.-словянскимъ оригиналамъ. Это звукоизмѣненіе можно формулировать, какъ *переходъ редуцированнаго* ь *въ положеніи предъ* ј *въ гласный* і, переходъ, являющійся результатомъ ассимиляціи звука ь послѣдующему ј. Въ результатѣ такой же ассимиляціи ъ послѣдующему ј получилось ы. Однако это измѣненіе заключалось, повидимому, только въ измѣненіи ъ, ь въ звуки болѣе закрытые, и не касалось количественной стороны звуковъ ъ, ь: они оставались редуцированными; такъ можно думать въ виду того, что въ живыхъ словянскихъ языкахъ, знающихъ то-же измѣненіе ъ, ь въ *у*, *і* предъ ј, эти у, і въ извѣстныхъ условіяхъ исчезли вовсе: ср. русскія *бью, костью, ученье, братья* и т. п. (=b'ju, kost'ju и т. д.). На то же указываютъ и факты самого др.-цер.-слов. языка: въ Мар. Ев. находимъ крение на мѣстѣ первоначальнаго крьние, въ Glag. Cloz.—крокиѭ на мѣстѣ кръвиѭ т. е. предъ слогомъ съ и изъ ь—ъ и ь трактуются такъ же, какъ и предъ слогомъ съ редуцированными ъ, ь.

Редуцированные ꙑ и и, подобно редуцированнымъ ъ и ь, въ зависимости отъ положенія, могли быть сильными и слабыми. Сильными они были подъ удареніемъ или въ слогѣ предъ гласными редуцированными; въ такомъ положеніи они достигали полной краткости.

Такимъ образомъ, ы изъ ъ въ первомъ слогѣ словъ кръіѭ, мъіѭ, повидимому, было сильнымъ подъ удареніемъ и достигало полной краткости; такими же были ы и и въ формахъ добръіи, синии изъ *dobrъ-јь, *sinјьјь въ виду того, что конечное и изъ јь стало неслоговымъ; то-же нужно признать относительно gen. pl. заповѣдии, костии, гостии и т. п.

Однако въ др.-ц.-слов. памятникахъ, какъ ясно изъ предыдущаго, встрѣчаемъ и формы типа добръи, боль-и, заповѣдьи, гостьи; такъ какъ мы не встрѣчаемъ формъ кръѭ, мъѭ, а исключительно кръіѭ, мъіѭ, то врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что формы эти,—гостьи, добръи и т. п.,—нефонетическаго происхожденія: подъ вліяніемъ формъ гостьмъ, гостьхъ могла возникнуть форма гостьи, подъ вліяніемъ заповѣдьмъ, заповѣдьхъ—форма заповѣдьи и подъ вліяніемъ краткихъ формъ прилагательныхъ добръ, синь могли возникнуть формы добръи, синьи, съ нефонетическими ъ, ь. Эти формы затѣмъ давали доброи, синеи, гостеи, заповѣдеи.

Такого же нефонетическаго происхожденія приведенная выше форма прѣдаме-и Маріинскаго Ев. при фонетической прѣдами-і (Glag. Cloz.).

По предположенію Шахматова, редуцированные ъі, и были сильными также въ положеніи предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, когда этотъ слогъ былъ ударяемымъ, слѣдовательно въ такихъ формахъ, какъ свиния (ср. русск. *свинья́*). Предположеніе это весьма вѣроятно, хотя доказать его въ отношеніи къ древне.-церк.-словянскимъ фактамъ нѣтъ возможности; на мѣсто ударенія въ др.-ц.-слов. памятникахъ твердыхъ указаній нѣтъ, да и аналогія могла очень рано переносить сильное редуцированное и изъ формъ типа *svinijá въ формы типа *brátija.

Во всѣхъ иныхъ положеніяхъ т. е. 1) не подъ удареніемъ, 2) не предъ слогомъ съ ъ, ь и 3) не предъ ударяемымъ слогомъ—можно предполагать *слабые* редуцированные ъі и и: напр. въ формахъ гостиѥ им. мн. ч., братрия, чьтиѫ, кръвиѭ, брьниѥ, плътиѭ. Относительно слабаго редуцированнаго и мы и замѣчаемъ въ др.-церк. слов. памятникахъ колебаніе между и и ь, которое, вѣроятно, объясняется иначе, чѣмъ двойственность формъ свѧтъіи и свѧтъи, синии и синьи, гдѣ ъ и ь—происхожденія нефонетическаго.

Можно предположить, что и редуцированное слабое или совпало съ ь, или же акустически было близко къ слабому редуцированному ь настолько, что явилось на письмѣ обозначеніе его чрезъ ь; при этомъ путаницу въ графику писцовъ внесло взаимное вліяніе формъ съ и слабымъ и сильнымъ и несоотвѣтствіе фактовъ оригинала, отражавшаго иной говоръ, фактамъ собственнаго говора писца. Такъ, подъ вліяніемъ формы гостьи могла явиться форма гостьѥ вмѣсто гостиѥ; или наоборотъ, если предположить совпаденіе и слабаго съ ь, могло имѣть мѣсто вліяніе формъ типа свиния съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ на формы типа братия съ удареніемъ на первомъ; въ говорѣ писца могло существовать свиньия, явившееся подъ вліяніемъ свиньѩ им. мн. ч. (ср. рус. *свинья́—сви́ньи*), тогда какъ въ говорѣ оригинала существовало свиния; это несоотвѣтствіе могло вызвать неустойчивость въ правописаніи данныхъ группъ вообще; писецъ, въ виду свиния своего оригинала на мѣстѣ свинья своего говора, могъ писать братия рядомъ съ правильнымъ братья. Въ формѣ биѫ, биѥши -и во всякомъ случаѣ (подъ удареніемъ или предъ удареніемъ) было сильнымъ, но въ формѣ сложной съ предлогомъ, прѣбиѭ съ удареніемъ на предлогѣ (ср. малор. подíбје) и было слабымъ, и потому рядомъ могли стоять формы биѭтъ и прѣбьѭтъ; взаимное ихъ вліяніе могло создавать формы бьѭтъ и прѣбиѭтъ (Мар. Ев.).

Такимъ же образомъ возможно было взаимное вліяніе именныхъ формъ съ и сильнымъ и съ и слабымъ, въ зависимости отъ мѣста ударенія,—какъ житиѥ и видѣньѥ: ср. русск. *житьё, шитьё, враньё,* и *видѣ́нье, учéнье*; въ русскихъ говорахъ встрѣчается *прѣполовенье́*; если въ русскихъ формахъ *житьё, шитьё* слабое ь, потомъ исчезнувшее, могло явиться подъ вліяніемъ формъ *учéнье, колóтье*, то, наоборотъ, подъ вліяніемъ житиѥ и т. д. съ и сильнымъ могли явиться и такія др.-цер.-слов. формы, какъ спасениѥ Кіевскаго М., оучение Хиланд. листковъ. Колебаніе между ь и и могло въ силу такихъ же причинъ явиться и въ твор. п. ед. ч. формъ костиѭ, милостиѭ, плътиѭ: ср. русск. *ми́лостью* и *ночью́* (чакавское nоćún, pomoćún).

По отношенію къ сочетанію ии (ijі) можно предполагать вмѣстѣ съ Шахматовымъ очень раннее фонетическое стяженіе группы въ и: жити мѣстн. ед. ч. Мар. Ев.; къ отечьстки Ассем. Ев., къ црстки бжи Савв., съди, мл҄ъни им. ед. ч. Савв. кн., на распѧтихъ Савв. кн. и т. п.

Примѣчаніе. Шахматовъ („Къ вопросу о различеніи іота и неслогового і“ Р. Ф. В. 1903 г.) относитъ это стяженіе къ „общеславянскому языку“, какъ „общеславянскимъ“ считаетъ и измѣненіе ъ, ь предъ j въ y, і: великорусское -ой, бѣлор. -эй онъ выводитъ изъ общесл. yį̯, iį̯. Не отрицаемъ возможности такого объясненія и праславянскаго происхожденія измѣненія ъ, ь+j въ y, і+j: такое измѣненіе знаютъ болгарскій, сербскій, словинскій, малорусскій, чешскій, польскій, лужицкій. Положеніе Шахматова о томъ, что і изъ ь было сильнымъ предъ ударяемымъ слогомъ подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ: напр. болгарскими *сфиния, змия, лъжия* и т. п. Различіе между и сильнымъ предъ удареніемъ и слабымъ послѣ ударенія можно объяснять гипотезой Шахматова, что предъ ударяемымъ слогомъ было і неслоговое, а послѣ ударенія j: въ самомъ дѣлѣ на такое различіе указываетъ, напримѣръ, польскій языкъ: łajać, tajać (русс. *лáять, тáять*) и bać się, śmiać się съ потерей і неслогового и стяженіемъ (ср. р. *бояться, смѣяться*). Подробнѣе по данному вопросу—въ указанной статьѣ Шахматова; ср. также Ляпунова, Изслѣдованіе 119 и сл.

§ 70. Праслов. ǫ, ę сохранялись въ др.-ц.-слов. языкѣ, какъ носовые о, е; это ясно изъ анализа глаголическихъ начертаній для носовыхъ звуковъ: первую часть глаголическаго ⰻ (ǫ) составляетъ буква о, первую же часть глаголическаго ѧ (ę)—буква є. Вторая часть этихъ знаковъ—Ⰵ первоначально, повидимому, обозначала носовой характеръ гласнаго, и знакъ ЭⰅ одинаково обозначалъ ѧ и ѩ, (какъ Э обозначало є и ѥ): въ древнѣйшемъ церк.-слов. памятникѣ—Кіевскомъ М. находимъ именно такое употребленіе этого знака; въ другихъ памятникахъ онъ употребляется лишь для обозначенія ѩ, а вторая часть его—для обозначенія ѧ. Ту-же, болѣе древнюю, стадію развитія глаголической графики, что и

Кіевскій Миссалъ, отражаютъ Синайская Псалтырь, Охридское Ев., Пражскіе Отрывки.

Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ др.-ц.-слов. языка находимъ факты, указывающіе на измѣненія въ первоначальномъ употребленіи носовыхъ ǫ и ę. Однако факты эти не характеризуютъ языка первоначальныхъ кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ; они отражаютъ явленія болѣе поздней эпохи, относящіяся къ говорамъ писцовъ.

Уже въ Кіевскомъ М. находимъ форму небесьскоуѭ твор. п. ед. ч.; однако здѣсь врядъ ли можно видѣть замѣну ѭ чрезъ оу—въ виду того, что вообще говоря носовые въ Кіевскомъ М. употребляются вполнѣ правильно; скорѣе здѣсь оу является опиской вмѣсто о т. е. небесьскоѭ: ср. вѣчьноѭ въ томъ же памятникѣ (Грунскій «Памятники и вопросы» III, 28 с.).

Въ другихъ памятникахъ замѣчаемъ или случаи замѣны ѫ чрезъ оу и о, ѧ—чрезъ є, или же случаи смѣшенія ѧ и ѫ.

Въ Зографскомъ Евангеліи, кромѣ обыкновенныхъ знаковъ для носовыхъ, встрѣчается еще особый знакъ носового Ѧ, который употребляется въ одной опредѣленной категоріи случаевъ, а именно въ формѣ им. ед. м. р. прич. наст. вр., оканчивающихся обыкновенно на ꙑ: вмѣсто градꙑ, живꙑ, сꙑ, ѣдꙑ, несꙑ находимъ формы съ указаннымъ знакомъ, замѣняющимъ обычное ꙑ. Тотъ-же знакъ и въ такихъ же формахъ находимъ въ Маріинскомъ Ев., причемъ въ послѣднемъ памятникѣ встрѣчаются и формы сѫ, живѫ, а также градѧ съ обыкновеннымъ знакомъ ѧ; въ Клоц. Сб. находимъ въ соотвѣтствіи этимъ формамъ градѧ, въ Син. Молитв. живѧ и сѫ, въ Син. Пс. градѫ, въ Савв. кн. живѧ, сѧ, въ Супр. жьрѧ, бѣдѧ.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ данныхъ формахъ старое ꙑ было вытѣснено дѣйствительно носовымъ гласнымъ подъ вліяніемъ формъ видѧ, глаголѭ и т. п.

Однако трудно рѣшить вопросъ, какого именно характера носовой гласный здѣсь произносился.

Ягичъ, — Зографск. Ев. XXIV, — склоненъ предполагать въ этихъ формахъ глухой звукъ, какой имѣемъ на мѣстѣ ѫ въ современномъ болгарскомъ языкѣ. Лескинъ, — Handbuch[4] 85 с.,— полагаетъ, что указанныя формы Зогр. и Мар. Ев. возникли въ ту эпоху, когда на мѣстѣ ѫ явился гласный съ характеромъ ъ. Щепкинъ,—Разсужденіе 89 с.,—видитъ въ особомъ знакѣ Зографскаго и Маріинскаго Ев. ę безъ предшествующей мягкости. Предположеніе Лескина о столь раннемъ измѣненіи ѫ въ гласный съ характеромъ ъ, во всякомъ случаѣ, не обосновано и невѣроятно.

Примѣчаніе. Въ Зографскомъ Ев. Ягичъ,—Зографск. Ев. XX с.,—отмѣчаетъ слѣдующіе примѣры неправильнаго употребленія ѫ и ѧ: 1) оужасише (вм. -шѧ), 2) етъ (вм. ѩтъ), 3) отамѧѭштааго (вм. оте-), 4) ваштьдьнъ (вм. ве-), 5) во врема своѧ (вм. свое), 6) что вѣаша ѥже глаша вм вѣаше), 7) крьсташта nom. pl. masc. gen. вм. крьсташте, 8) оучашта—такая же форма, 9) вꙑвъша—та же форма, 10) сноке ваша вм. каши, 11) ми вм. мѧ, 12) си см. сѧ, 13) чисти вм. части, 14) придѫтъ вм. прѧдѫтъ, 15) вада вм. вида, 16) осѫдатъ вм. осѫдитъ. 17) скврънатъ вм. скврънитъ, 18) сълазатъ вм. сълазитъ, 19) оузьритъ вм. оузьратъ. 20) водꙑ възлѣплѫштѭѭ вм. -штаꙗ, 21) вьземлѭ part. praet. act. (вм. -ѩ), 22) июдеѭ вм. июдеѩ, 23) градоуштю вм. градѫштю. 24) иноудоу вм инѫдоу, 25) отъ тоудоу вм отътѫдоу, 26) андрѣоу вм. андрѣѫ. Грунскій,—Сборн. 83 № 3, 25 с.,—прибавляетъ: 27) приѩше вм. -шѧ. 28) ї обь...мъ е...възлагаѩ рѫцѣ на нѥ, 29) въ лъже вльнеии, 30) мѫдънаа при моудитъ въ иномъ мѣстѣ, 31) сѣди при сади. Изъ этихъ примѣровъ многіе должны быть исключены: 5, 6, 7, 8, 13, 15—описки; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, имѣетъ мѣсто неправильное пониманіе писцомъ текста; такъ, въ 28) писецъ могъ написать е, ѩе въ виду предшествующаго ...ѣко отрочѧ; сомнительно значеніе тѣхъ случаевъ, гдѣ на мѣстѣ ѧ являеся и или наоборотъ; опиской является, быть можетъ, и 29); если писецъ списывалъ строка въ строку, то -же вм. жѫ могло явиться въ виду же въ концѣ сосѣдней строки. Случаи 30) и 31) должны быть исключены, такъ какъ въ формѣ сѣди имѣется смѣшеніе основъ сѣд- и сад-, а корень мѫд- имѣетъ параллель съ оу- моуд-. Въ Маріин. Ев. довольно часто встрѣчается смѣшеніе ѫ и оу, ѭ и ю: мѫжѭ вм. мѫжю, къ немѫ, грѣшьнѫ дат. ед. ч. м. р., вѣрѫѭште, вм. вѣроу-, лѫвъве, къ коупѣли, люблю, вьметаемоу вин. ед. ч. ж. р. и т. п.: см. Ягича Маріин. Е., 423 с. Нѣсколько случаевъ замѣны ѫ чрезъ о въ Мар. Ев., вѣроятно,—описки: начертанія ѫ и о въ глаголицѣ близки. Случаи смѣшенія ѣ и ѧ въ Мар. Ев.,—съвѣзавъше (вм. съвазавъше) и вѣсѧ, сѣдѣштемъ (вм. сѣдаштемъ),—по-видимому,—описки, а иные случаи, указанные Ягичемъ, имѣютъ иное значеніе: ср. Фортунатова „О составѣ Остромирова Ев.“ 57 с. Единичное (и ѩсѧ и) юноша вм. юношѫ Марк. XIV, 51, вѣроятно,—описка. Въ Ассем. Ев находимъ нѣсколько примѣровъ ѧ на мѣстѣ ѫ и наоборотъ: плачашти, лъжаште, приемлатъ, въсплачатъсѧ, помажатъ и, съ другой стороны,—творѩштѭѭ (вм. твораштѭѭ), отъстоѩштѭѭ (вм. отъстоѩштѭѭ). Въ Синайской Псалтыри о на мѣстѣ ѫ встрѣчается настолько часто, что возможно предполагать въ этомъ отраженіе діалектическаго произношенія ѫ, какъ о, которое наблюдается въ извѣстной части говоровъ современнаго болгарскаго языка. Въ Синайск. Молитв. встрѣчаемъ иногда о, оу вм ѫ: отрокѫ вм. ѫтрокѫ, лоуцѣ вм. лѫцѣ; ѧ на мѣстѣ ѣ—въ приматалъ. Въ Glag. Cloz. наблюдается смѣшеніе ѫ и оу: моукꙑ, моуцѣ, моука, разлючаете и др.,—ср. изданіе Вондрака 5 с. Въ Савв. кн. достовѣрными можно признать лишь два случая смѣ-

шенія ѫ и ѧ: стоѭщѧ вм. стоѭщѭ и ѭ вм. ѩ acc pl.,—ср. Разсужденіе Щепкина 72 и сл. Въ Супрасл. рукоп. встрѣчаются случаи оу вм. ѫ, какъ кажоуштоу, миноувъшоу, дръзноувъ, имоуштоуоумоу и, наоборотъ, сѫштѫ вм. сѫштоу; впрочемъ, большая часть этихъ случаевъ похожа на описки; є вм. ѩ въ єзꙑкъ, обадишє (см. шѧ); иные (единичные) случаи ѧ вм. ѣ, ѩ вм. ѭ—скорѣе всего описки; ср. Лескина Handbuch[4] 39 с.

Фортунатовъ предполагаетъ случаи смѣшенія оу и ѫ въ др.-церк.-слов. оригиналѣ Остромирова Ев.: „О составѣ Остромирова Ев.“ 52 и сл.

При анализѣ примѣровъ смѣшенія носовыхъ гласныхъ съ чистыми должно исключить случаи, въ которыхъ имѣло мѣсто чередованіе ǫ и u, ę и ě въ корнѣ еще въ праславянскомъ: таковы нѫжда и ноужда, гнѫшати и гноушати, сѫмьнѣти и соумьнѣти, мѫд- и моуд-, помѧнѫти и помѣнѫти. Точно такъ-же нѣтъ смѣшенія ѫ и ѧ въ тꙑсѫшта при тꙑсѧшта: ср. серб. tȉsuća, но р. *тысяча*.

§ 71. Въ соотвѣтствіи праслов. сочетаніямъ ьr̥, ьl̥, ъr̥, ъl̥ (со *слоговыми* r, l), которыя имѣли мѣсто между согласными, въ др.-цер.-слов. памятникахъ находимъ сочетанія рь, ръ, ль, лъ. Въ русскомъ языкѣ, въ соотвѣтствіи тѣмъ же праслов. сочетаніямъ, находимъ сочетанія съ праславянскимъ порядкомъ звуковъ и съ *е*, *о* на мѣстѣ прасл. ь, ъ.

Такимъ образомъ, др.-ц.-словянскому съмрьть, твръдъ соотвѣтствуетъ р. *смерть, твердъ*; др.-ц.-сл. скръбь—р. *скорбь*; др.-ц.-сл. вльк—р. *волкъ*; въ соотвѣтствіи др.-ц.-слов. длъгъ—русск. *долгъ*.

Примѣчаніе. Въ Зогр. Ев. пишется вльк, такъ-же въ Савв., что древнѣе, чѣмъ влъкъ Маріинскаго Ев.: ср. польское wilk.

Предъ нами является вопросъ: что именно скрывалось подъ др.-ц.-словянскими написаніями въ указанныхъ случаяхъ?

Тѣ-же написанія рь, ръ, ль, лъ находимъ въ др.-ц.-сл. памятникахъ и въ тѣхъ сочетаніяхъ, кои соотвѣтствуютъ праславянскимъ—rь, rъ, lь, lъ и русскимъ *ре, ро, ле, ло*. Такъ др.-ц.-сл. кръвь, вьс-крьсъ, плъть, сльза соотвѣтствуютъ русскимъ *кровь, воскресъ, плоть, слеза*.

Однако написанія ръ, рь, лъ, ль въ случаяхъ первой категоріи (сьмрьть—р. *смерть* и т. п.) и въ случаяхъ второй категоріи (кръвь—русск. *кровь* и т. п.) имѣли неодинаковое значеніе. На это указываютъ данныя самихъ древне-церк.-слов. памятниковъ.

Въ Кіевскомъ Миссалѣ еще нельзя подмѣтить никакого различія между примѣрами первой и второй категоріи; ъ и ь не подвергаются въ этомъ памятникѣ никакимъ измѣненіямъ и не смѣшиваются между собою ни въ такихъ случаяхъ, какъ кръвь—кръви, ни въ такихъ, какъ съмрьть—съмрьти; пишется правильно кръви, въплътити (ср. русск. *крови, вопло-*

тить), а также: скврьностии (ср. р. *екверность*), оутврьді (ср. р. *утвердить*), срьдьцѣ (рус. *сердце*), дрьжимъ (р. *держимъ*), скръбии (р. *скорбный*). Въ словѣ напльнені-ь Кіевскаго Миссала является болѣе старымъ, чѣмъ о изъ ъ въ русскомъ *полный*: ср. лит. pìlnas.

Обращаясь къ Зографскому Ев., замѣчаемъ уже нѣкоторое различіе между тѣми группами ръ, рь, лъ, ль между согласными, которымъ соотвѣтствуютъ русскія сочетанія *ор*, *ол*, *ер*, *ел*, и тѣми, кои имѣютъ своимъ соотвѣтствіемъ русскія *ро*, *ло*, *ре*, *ле*.

1. Въ группахъ ръ, лъ, рь, ль изъ праславянскихъ *rъ, *lъ, *rь, *lь (русс. *ро, ло*, *ре*, *ле*), если въ слѣдующемъ слогѣ стоятъ опять таки ъ, ь,—ъ и ь всегда строго различаются, никогда не смѣшиваются между собою: пишется бръвь (р. *бровь*), кръвь (р. *кровь*), плъть (р. *плоть*), брьние, дрьколь (р. *дреколье*), скрьжьтъ (р. *скрежетъ*), трьхъ (р. *трехъ*); это различіе бóльшею частью сохранено и въ тѣхъ случаяхъ, когда сочетаніе ръ (рь, лъ, ль) стоитъ предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, хотя въ этихъ случаяхъ изрѣдка находимъ уже смѣшеніе ъ и ь: правильно пишется въ заимствованномъ изъ греческаго языка словѣ крьстъ -ь и такъ-же пишется съ ь глаголъ крьстити, правильно пишется бльштати (ср. р. *блестѣть*), кльнѫ (р. *клену* правильнѣе, чѣмъ *кляну*), трьми (ср. р. *тремя*), пльвати (русс. *плевать*); однако находимъ и въскръснѫти вмѣсто ожидаемаго въс-крьснѫти.

Значеніе этихъ фактовъ понятно: въ разсматриваемыхъ группахъ ъ и ь имѣли ту-же судьбу, что и послѣ иныхъ согласныхъ (ср. § 68); въ положеніи предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія они были слабыми, и потому ь предъ твердымъ слогомъ могло измѣняться въ ъ; но въ положеніи предъ слогомъ съ ъ, ь ъ—и ь въ указанныхъ сочетаніяхъ ръ (рь, лъ, ль) были сильными и потому смѣшиваться не могли.

2. Если бы написанія ръ, рь, лъ, ль въ словахъ второй категоріи (прасл. ъr̥, ьr̥, ъl̥, ьl̥, рус. *ор, ол*, *ер*, *ел*) означали въ древне-церк.-славянскихъ памятникахъ то-же самое, что и въ словахъ первой (см. 1) категоріи, то ожидали бы столь же строгаго различенія между ъ и ь и тутъ,—въ томъ положеніи, когда далѣе слѣдуетъ ъ, ь. Однако этого какъ разъ и не находимъ: въ Зогр Ев. пишется пръвъ и прьвъ,—правильно, конечно, второе (ср. русс. *первый*), сръдьце и срьдьце (ср. русс. *сердце*), съмръть вмѣсто болѣе правильнаго съмрьть (р. *смерть*), пръстъ вм. прьстъ (р. *перстъ*). Такія же формы найдемъ и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ: Мар. сръдьце, сръдце, съмръть; Glag. Cloz. сръдьци, сръдца, съмръть; Син. Мол. сръдьце; наоборотъ, въ Савв. кн. находимъ скрьбь вм. скръбь. Такое же неразличеніе ъ и ь найдемъ, конечно, въ этихъ сочетаніяхъ

и предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, т. е. съмрѫти, жрѫтка, дрѫжати,—какъ въ Зогр. Ев., такъ и въ другихъ памятникахъ.

Ясно, что въ случаяхъ второй категоріи написанія рѫ, рь, лѫ, ль обозначали не то, что въ случаяхъ первой категоріи. Выводъ этотъ подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ: въ случаяхъ первой категоріи ъ и ь въ положеніи предъ слогомъ съ ъ и ь (или i+j) могутъ измѣняться въ др.-ц.-сл. памятникахъ въ о, е, какъ и послѣ иныхъ согласныхъ: въ Мар. Ев. находимъ крение изъ *brъnье, въскресъ изъ болѣе древняго вьскрьсъ, въ Glag. Cloz. находимъ крестъ изъ крьстъ, крокиѭ изъ прасл. *krъvьjǫ, въскресъшюмоу изъ вьскрьсъшюмоу, въ Асс. Ев.—въскресъ, въ Син. Пс. крение, слезъ (изъ сльзъ), вьскресъ, крокь, плоть (изъ плъть), поскрежьштетъ изъ поскрьжьштетъ, въ Син. Мол. крение, слезъ.

Между тѣмъ ни въ одномъ изъ указанныхъ памятниковъ, несмотря на ихъ значительный объемъ, нельзя указать положительно ни одного примѣра, гдѣ бы такому измѣненію въ такомъ же положеніи подвергся ъ или ь въ сочетаніяхъ рѫ, рь, лѫ, ль второй категоріи, т. е. изъ прасл. *ъr̥ и т. д. (русск. *ор* и т. д.); невозможно какое нибудь *скробь, чревъ* изъ скрѫбь, чрьвь. Изъ этого ясно, что въ написаніяхъ скрѫвь, чрьвь, пльнъ, тврьдъ, съмрьть и т. п. ъ и ь не обозначали слоговыхъ звуковъ, которые въ силу ослабленія конечныхъ ъ, ь могли усилиться и измѣниться въ гласные полнаго образованія.

Слогъ образовали въ этомъ сочетаніи р, л; т. е. рѫ, лѫ, рь, ль, въ такихъ словахъ (русск. ор, ол, ер, ел) обозначали слоговые р, л, сопровождавшіеся слабымъ гласнымъ элементомъ, переходнымъ неслоговымъ звукомъ, который обозначался буквами ъ и ь. Вѣроятно, полумягкій слоговой r̥ (l̥), сопровождавшійся мягкимъ переходнымъ гласнымъ, обозначался написаніемъ рь (ль), а твердый слоговой r̥ (l̥)+твердый переходный гласный—написаніемъ рѫ (лѫ). Ср. 1) Фортунатовъ «О составѣ Остромирова Ев.» 22 с. 2) Meillet въ Gött. g. An. 1910 г., № 5, 370 с. Итакъ, на основаніи анализа фактовъ др.-ц.-сл. памятниковъ можно думать, что праслов. сочетанія ъr̥, ьr̥, ъl̥, ьl̥ (съ неслоговымъ ъ, ь) въ др.-ц.-сл. языкѣ являлись съ перестановкой въ видѣ r̥ъ, r̥ь, l̥ъ, l̥ь—также со слоговыми r, l и неслоговыми ъ, ь. Эти сочетанія (r̥ъ и т. д.) въ словахъ *skr̥ъbь и т. п. не были вполнѣ тожественными съ сочетаніями rъ и т. д. въ *krъvь, *krъvi, но тѣ и другія были въ извѣстной степени сходными на слухъ, чѣмъ и объясняется одинаковое изображеніе ихъ въ др.-церк.-словянской письменности.

Примѣчаніе. Относительно болѣе поздней эпохи въ др.-церк.-слов. письменности можно предположить отожествленіе сочетаній r̥ъ и сочетаній rъ въ живомъ произношеніи писцовъ, какъ основаніе одинаковаго правописанія.

Въ текстахъ XI вѣка—въ Маріинскомъ Ев., Клоц. Сб., Ассем. Ев., Синайск. Пс., Синайск. Мол., Супр., Савв.—первоначальное различіе между ъ и ь въ формѣ типа кръви, крьста, плъти утрачено. Въ Мар. пишется кръстиша, кръщтъше, слъзами, дръколъми—съ ъ вм. ь (ср. соотвѣтствующія русскія формы); въ Glag. Cloz.—кръстѣ (и подъ вліяніемъ такихъ формъ—кръстъ), въ Ассем. кръстити, въскръснѫти, въ Син. Псалт. воскръснѫти, въскръсни и наоборотъ—крьви вм. кръви; въ Хил. л.л. кръщение, кръстивъсѧ; въ Савв. книгѣ—крьве, крьви при кръви, кръво-, пльть при плъть и слъзами при сльзами; въ Супр. рук. скръжетъ, кръщтениꙗ и пльть; и даже въ Надписи 993 г читаемъ на кръстѣхъ. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно предполагать, что въ этихъ фактахъ отражается измѣненіе первоначальныхъ группъ ръ и т. д. съ неслоговыми r, l — въ группы со слоговыми r̥, l̥ и неслоговыми ъ, ь и позже въ слоговые r̥, l̥. Такое предположеніе поддерживается и нѣкоторыми иными фактами: 1. Въ памятникахъ XI вѣка встрѣчаемъ, правда небольшое, количество случаевъ пропуска ъ, ь въ разсматриваемыхъ группахъ на письмѣ; такъ въ Мар. Ев. Ягичъ отмѣчаетъ,—крвъ, крстителѣ, оутрни; то-же—и въ группахъ ръ, рь и т. д. изъ прасл. ъr̥, ьr̥ и т. д.: милосрдоутѭ, милосрдовавъ, свврнѧштаа, о цркви Мар. Ев. 133 с. Въ Glag. Cloz. находимъ крстъ (2 раза), крста (2 раза), кретѣ; въ группахъ ръ, рь изъ прасл. ъr̥, ьr̥ — то-же: црквь, въ цркві.

2. Сами по себѣ приведенные случаи настолько немногочисленны, что могли бы быть приняты за описки, если бы на измѣненіе группъ ръ, рь и т. п. въ слоговое r̥ не указывалъ также Македонскій листокъ,—памятникъ, по палеографическимъ примѣтамъ, XI вѣка: въ немъ находимъ написанія вьрхь, пьлти, дьрзостиѭ, дьрзь, гьрдь, дьльжаѥ; въ формахъ 1, 3, 4, 5, 6 написанія ьр, ьлъ обозначаютъ r̥, l̥, явившіяся изъ старыхъ сочетаній ръ, лъ съ искони слоговыми r̥, l̥, (ср. русск. верхъ, дерзкій, гордый, долгъ): форма пьлти показываетъ, что такое-же l̥ явилось и на мѣстѣ стараго лъ съ неслоговымъ l.

Для XII—XIII вѣка r̥, l̥ на мѣстѣ прасл. rъ, lъ, rь, lь въ болгарской письменности уже не подлежитъ сомнѣнію. Явившись первоначально предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, эти слоговыя r̥, l̥ затѣмъ проникли и въ тѣ положенія, гдѣ фонетически получилось ро, ре, ло, ле т. е. подъ вліяніемъ крви, крста со слоговымъ р явилось и крвь, крстъ, вытѣснивъ фонетическое кровь (или кръвь со слоговымъ нормальной краткости ъ), крестъ. Отражаетъ ли кръстъ Сборника Клоца живое kr̥st, или же р представляетъ лишь графическую аналогію, рѣшить трудно.

По отношенію къ Савв. книгѣ, изъ которой выше было приведено скрьвь, должно замѣтить, что написаніе рь въ этомъ памятникѣ вообще сильно преобладаетъ надъ ръ, какъ въ примѣрахъ типа кръви, такъ и въ примѣрахъ типа скръви, что Щепкинъ объясняетъ особой природой слогового р, получившагося въ тѣхъ и другихъ сочетаніяхъ.—Разсужденіе, 219 с.

Ср. по данному вопросу — о сочетаніяхъ плавныхъ съ ъ, ь — Ляпунова: Изслѣдованіе 245 и сл., Шахматова: Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи, 1 и сл., 137 и сл., 178 с., Лескина: Handbuch[4] 32—37 сс. и Grammatik 64 с.

§ 72. Изъ прасл. сочетаній or, ol, er, el между согласными въ др.-ц.-сл. языкѣ получились сочетанія ра, ла, рѣ, лѣ между согласными, т. е. въ этихъ сочетаніяхъ произошло удлиненіе гласнаго о, е и перестановка. То-же находимъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ, въ языкахъ сербскомъ, словинскомъ и чешскомъ.

Такъ: др.-ц.-сл. брада, серб. bráda, слов. bráda, чеш. brada (прасл. *borda);
др.-ц.-сл. градъ, серб. grâd, слов. grâd, чеш. hrad (прасл. *gordъ);
др.-ц.-сл. брѣгъ, серб. brêg, слов. brêg, чеш. břeh (прасл. *bergъ);
др.-ц.-сл. глава, серб. gláva, слов. gláva, чеш. hlava (прасл. *golva);
др.-ц.-сл. млѣко, серб. mléko, слов. mléko, чеш. mléko (прасл. *melko).

Въ чешскомъ языкѣ старое ě въ сочетаніяхъ rě, lě дало е. Въ польскомъ языкѣ изъ прасл. or, ol получились сочетанія rō, lō, а изъ сочетаній er, el—rē, lē, откуда затѣмъ ro, lo, re, le,—съ сокращеніемъ долготы, или же ró, ló, łé, lé, гдѣ ' означаетъ закрытый характеръ гласныхъ о, е,—съ сохраненіемъ долготы, слѣдомъ которой является въ настоящее время закрытое произношеніе; ср. Кульбакива въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. 73 т. 48 стр. Сходную судьбу имѣли данныя сочетанія и въ лужицкихъ языкахъ: ср. луж. brjóh (изъ *breg), hroch, broda, hlos, mloko изъ mleko.

Въ русскомъ языкѣ, въ соотвѣтствіи приведеннымъ формамъ, какъ извѣстно, имѣемъ *полногласныя* формы: *борода, городъ, берегъ, молоко.*

Не ту судьбу имѣли прасл. сочетанія or, ol, er, el въ началѣ слова. Здѣсь, говоря вообще, во всѣхъ языкахъ имѣла мѣсто перестановка. Въ серб. языкѣ изъ начальнаго or, ol —получилось ra, la: rásti, lâkat (прасл. *orsti, *olkъtь), то-же—въ словинскомъ; въ русскомъ находимъ *ра, ла* и *ро, ло*: ср. великор. *робить, робкій, робъть, ростъ, ровный, локоть, лодка* и,—съ другой стороны,—*рало, ратай, лакомый, лань.* Ту-же двойственность обнаруживаютъ и зап.-слов. языки: чеш. rob, пол. rob, верхнелуж. robota; чеш. role, пол. rola, луж. rola; чеш. rovný, пол. równy, нижне-луж. rowny; чеш. loket, пол. łokieć, в.-луж. łokć, а съ другой стороны—чеш. rádlo, пол. и луж. radło; чеш., пол. и н.-луж. rataj, чеш. lákati, пол. łakomy, в.-луж. łačny.

Эту двойственность ra/ro, la/lo въ русскомъ и зап.-слов. языкахъ объясняютъ различно: ср. Tore Torbiörnsson, Die Gemeinslavische Liquidametathese I (1901); Эвдзелинъ, Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову, 560 и слѣд.

Для начальныхъ сочетаній er, el несомнѣнныхъ примѣровъ указать нельзя.

Др.-ц.-сл. языкъ въ судьбѣ начальныхъ праслов. сочетаній *or, *ol примыкалъ къ другимъ южно-слов. языкамъ, т. е. имѣлъ на ихъ мѣстѣ

ра, ла, каковое находимъ обычно въ др.-ц.-сл. памятникахъ: ракъ, ралиꙗ, расти — растѫ, растъ, ладии, лакъть, рало, ратаи, лакати — лачьнъ — лакота, ланита.

При этомъ, однако, встрѣчаемъ въ единичныхъ случаяхъ группу ал-: въ Зогр. къ алдии Марк. I, 19 при — къ ладии Марк. 1, 20; въ Мар. алчѫща, алчѫштеи, алчѫштѧѩ (Ягичъ, Мар. Ев. 478 с.), Остром. възалкахъ 121ª, 121ᵍ, 151ᵇ, 122ª, възалка 127ᵇ, 261ᵇ, възалка 93ᵛ, алча 239ᵇ, алчѫща 121ᵇ, 122ª, 161ᵛ, 152ᵛ; възалъкати 20ª, — ср. възлака Зографъ.; въ Супр. алченъ, алчъба, альчька (Leskien, Handbuch[4] 32 с.); въ Син. Эвхол. алък-, алъч- 69ᵇ, 90ª, 103ᵇ, 104ª, Савв. алчѫща, алъчѫщеи (Щепкинъ, Савв. кн. 153 с.); въ иныхъ памятникахъ ц.-слов. письменности встрѣчается также алънии при ланий (или алъньи, ланьи). Условія возникновенія этихъ формъ безъ перестановки не выяснены; нужно думать, что первоначальными среди варіантовъ съ алъ-, ал-, ал- — являются варіанты съ ъ, который отражалъ неполнаго образованія звукъ, развившійся между л и слѣдующимъ согласнымъ и обусловившій отсутствіе перестановки. Кромѣ указанныхъ отступленій отъ обычныхъ др.-ц.-сл. ра, ла изъ начальныхъ or, ol должно отмѣтить примѣры съ ро: въ Супр. находимъ рокъ, рокота, роз-, розвѣ, ровьнъ (при ракъ, развѣ, равьнъ: ср. Leskien, Handbuch[4], 32 с.). По отношенію къ Супрасл. рукописи можно допустить въ данномъ случаѣ вліяніе словянскихъ говоровъ, относящихся къ западнымъ или восточнымъ вѣтвямъ: ср. Вондракъ въ Sitzungsber. 122 т., Облакъ въ Arch. XV, 338 и сл. Въ Зогр. и Син. Пс. находимъ: розга — при разга, раждие. (Зогр. Іоа. 15. 4, 6; Син. Пс. 215, 7, изд. Гейтлера).

Примѣчаніе. То обстоятельство, что прасл. or, er при перестановкѣ получило удлиненіе *о* въ *а* и *е* въ ě, указываетъ на глубокую древность этого измѣненія праслов. сочетаній; обыкновенно, считаютъ южно-слов. и чешское ra, la, rě, lě діалектическимъ явленіемъ праславянской эпохи. При этомъ въ наукѣ существуетъ теорія, что различные рефлексы праслов. сочетаній or, ol, er, el въ отдѣльныхъ слов. языкахъ, т. е. южно-слов. ра, ла, пол. ro, lo, русск. *оро, оло*, кашубское ar, — всѣ прошли чрезъ посредствующую ступень r̥o, l̥o со слоговыми r, l; по этой теоріи, слѣдовательно, и др.-ц.-слов. ра, ла получилось непосредственно изъ r̥o, l̥o: Torbiörnsson Die gemeinslav. liquida—metathese I—II (1901, 1903 гг.). Теорію эту, однако, не считаемъ доказанной; ср. по этому вопросу Tore Torbiörnsson'a въ B. B. XXX (1906 г.), 62—99 сс., гдѣ указана и вся предшествующая литература; также Brückner'a въ K. Z. XLII (1908 г.) 39—52 сс. и Torbiörnsson въ Mat. i prace IV т. (1909 г.) 25 и сл. Объ алъкати ср. K. Z. XXXVIII, 314 с., Фортунатовъ „О составѣ Остром. Ев." 21 с. Относительно жладѫ, встрѣчающагося въ Супр. при жлѣдѫ (изъ *želdǫ) — ср. Meillet въ Götting. gelehrt. Anz. 1910, № 5, 372 с.: предполагается измѣненіе el послѣ смягченныхъ č, ž, š въ ŏl, откуда затѣмъ ol и, наконецъ, la. Относительно др.-цер.-слов. чловѣкъ ср. Leskien'a Gramm. 62 с., Шахматова

Къ исторіи звуковъ. 1903 г. 58 с. Русск. *человѣкъ*, пол. człowiek, в.-луж. čłowjek предполагаютъ прасл *čelvěkъ; въ соотвѣтствіи этой прасл. формѣ ожидали бы въ др.-ц.-сл., болг., серб., словин., чешскомъ группы čla, однако въ др.-церк.-слов. находимъ чловѣкъ, въ серб. čovek, въ словен. člóvęk, въ чешск. člověk. Лескинъ выводитъ др.-ц.-сл. чловѣкъ изъ *čьlověkъ. Но др.-ц.-сл. памятники говорятъ противъ этой гипотезы: они не знаютъ вовсе формы съ ь. Шахматовъ предполагаетъ прасл. *čelvěkъ въ двухъ варіантахъ: съ сокращеніемъ l въ силу положенія предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ и съ долгимъ l подъ вліяніемъ формы зват. пад. *čelvěče; форма čelvěkъ, сохраняя долготу подъ вліяніемъ čelvěče, — измѣнялась въ čelvěkъ съ краткимъ удареніемъ ě; изъ формы čelvěkъ Шахматовъ ведетъ русскую полногласную форму, а изъ формы čelvěkъ—др.-ц.-сл и южно-слов., чеш. člo-: предполагается, что группа ra, la фонетически получалась лишь изъ or̄, ol̄. изъ or, ol должно было получиться ro, lo и въ южно-словянскихъ языкахъ, и въ чешскомъ. Предполагается также, что законъ сокращенія долготы подъ удареніемъ въ третьемъ отъ конца слогѣ (*čelvěče) дѣйствовалъ позже закона сокращенія предъ ударяемымъ долгимъ слогомъ. Объясненіе страдаетъ искусственностью.

§ 73. Вопросъ, что именно имѣлось въ древне-церк.-словянскомъ языкѣ — j или же i неслоговое, не можетъ быть рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону: анализъ графики древне-церк.-словянскихъ памятниковъ не даетъ для этого никакихъ опредѣленныхъ указаній. Въ глаголицѣ йотація при гласныхъ є, а, и, ь не обозначается вовсе: ѥ выражается простымъ є, ꙗ - знакомъ ѣ; первоначально не знала глаголица особаго знака и для ѩ (ср. выше, § 70); знаки глаголицы, соотвѣтствующіе кирилловскимъ ю и ѭ, неясны. Въ кириллицѣ находимъ йотацію выраженной при а (ꙗ), є (ѥ), оу (ю), ѧ (ѩ) и ѫ (ѭ); при этомъ ясно, что j или i̯ въ этихъ сложныхъ знакахъ выраженъ знакомъ ı, который въ отдѣльномъ употребленіи выражалъ i слоговое. Отсутствіе въ глаголицѣ и кириллицѣ особаго знака для j, на которое указываетъ Meillet, объясняется естественнѣе всего отсутствіемъ такого знака въ греческомъ алфавитѣ, и дѣлать изъ этого отсутствія какія-либо заключенія о природѣ др.-ц.-сл. рефлекса праславянскаго j (i̯) было бы рисковано. Наличность въ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ такихъ формъ, какъ сѣание, чаание; добрааго, доброуоумоу, добраго, доброумоу, получившихся изъ *dobra-jego, *dobru-jemu, или формъ: подобаатъ, вѣроуоуте, бываатъ изъ *podobajetъ, *věrujete, *byvajetъ,—указываетъ, что др.-церк.-слов. языкъ получилъ изъ праславянскаго въ извѣстныхъ условіяхъ не j, а i неслоговое; это i неслоговое затѣмъ исчезало, слѣдствіемъ чего была ассимиляція гласныхъ: ае измѣнялось въ аа, оуе — въ оуоу, откуда затѣмъ а, оу.

Примѣчаніе. Ср. по данному вопросу Meillet во II вып. «Статей по славяновѣдѣнію» (1906 г.) 390 с.; Шахматова—«Къ вопросу о различеніи йота и

неслогового і въ исторіи славянскихъ языковъ» (изъ Р. Ф. В. 1903 г.); Шахматовъ предполагаетъ, что «въ общеславянскомъ языкѣ» было į предъ ударяемымъ гласнымъ и j предъ неударяемымъ Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія др.-ц.-сл. языкъ получилъ изъ прасловянскаго—j въ однихъ случаяхъ и і неслоговое—въ другихъ. Гипотеза Шахматова поддерживается фактами польскаго языка: ср. пол. tajać, łajać и русс. *таять*, *лаять*, но bać się, śmiać się, — съ исчезновеніемъ і неслогового и стяженіемъ, — и русск. *бояться*, *смѣяться*.

§ 74. Праслов. r', l', n', получившіеся изъ rj, lj, nj, повидимому, были и въ др.-церк.-слов. языкѣ смягченными. Въ глаголическихъ памятникахъ эта мягкость выражается надстрочнымъ знакомъ надъ указанными согласными или тѣмъ, что послѣ нихъ ставится знакъ йотованнаго гласнаго: послѣднее имѣетъ мѣсто предъ а, оу, ѫ и ѧ въ тѣхъ памятникахъ, которые различаютъ ѧ и ѩ. Такимъ образомъ, въ Зогр. Ев. находимъ море, сочетаніе ŕа выражается написаніемъ рѣ (форма кесара предполагаетъ им ед. кесарь); слогъ ŕu выражается обычно написаніемъ рю, слогъ ŕǫ—написаніемъ рѭ; иногда находимъ и надстрочный знакъ, и йотованный гласный. Такъ-же въ Мар. Ев. находимъ написанія рѣ, рю, рѭ; въ Ассем. рѣ (кесара, лазара предполагаютъ кесарь, лазарь), рѭ, рю при рѣдкомъ роу.

Въ кирилловскихъ памятникахъ—тѣ-же два пріема обозначенія мягкости указанныхъ согласныхъ: надстрочный знакъ и соединеніе съ йотованными гласными. Въ Савв. книгѣ обычно являются написанія рѣ, лѣ, нѩ; въ Супр. рук. при обычномъ рѣ находимъ однако столь же обычное роу и преобладающее рѫ. Въ Остр. Ев. случаи необозначенія мягкости при л, н весьма рѣдки, но при рѣ нерѣдко встрѣчается ра, обычно роу (рѣдко рю), преоблададаетъ рѫ. Приставной значекъ мягкости при л, написанія рѣ, лѣ, нѣ—находимъ въ Хиланд. Отр. Судя по этимъ даннымъ, можно предполагать, что исконная мягкость р, л, н (изъ rj, lj, nj) не въ одинаковой мѣрѣ сохранялась въ говорахъ, отразившихся въ нашихъ памятникахъ: нѣкоторое отвердѣніе р, повидимому, относится къ весьма древней эпохѣ въ жизни болгарскихъ говоровъ.

§ 75. Прасл. сочетанія губной (b, p, v, m) +j имѣли не вполнѣ одинаковую судьбу въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ. Въ начальномъ слогѣ слова группа *губной* +j во всѣхъ словянскихъ языкахъ измѣнилась въ сочетаніе *губной* +l смягченное: ср. готск. biuds и русс. *блюдо*, серб. bl'udo, пол. bludo, или лит. spiáuju—spiáuti и русс. *плюю*, серб. pl'ujem, пол. pluję и т. д. Но внутри слова между отдѣльными словянскими языками замѣчается различіе: въ зап.-слов. языкахъ (пол., чеш., луж., кашуб.) не находимъ измѣненія группы *губной* +j въ группу *губной* +l: пол. lubię, ziemia, чеш. země, луж. zemja; въ языкахъ же вос-

точной и южной вѣтви находимъ то-же, что и въ начальномъ слогѣ слова: рус. *земля, люблю, капля* и т. п., серб. zeml'a, словен. zemlja. Большинство говоровъ современнаго болгарскаго языка сближается въ этомъ пунктѣ не съ сербскимъ, словинскимъ и русскимъ, какъ можно было ожидать, а съ зап.-словянскимъ (сочетанія *губной* +l' встрѣчаются въ зап.-болгарскихъ говорахъ).

Древне-церк.-слов. памятники въ этомъ отношеніи даютъ слѣдующій матеріалъ. Въ Кіевскомъ Миссалѣ находимъ исключительно сочетанія *губной* +л̑ предъ гласными и, ь, е, ѭ: прıемлı, земльскаѣ, избавлениѣ, прıемлемѧ, прıемлѭще. Въ Зогр. (древняя часть), Мар., Сб. Клоц, Син. Тр., находимъ сочетанія *губной* +и и *губной* +ь (Зогр. ꙗвьшаса, дивьше сѧ, корабь при коупль, погоубль, корабль), но предъ гласными е, ѣ (=ꙗ), ѩ, ѭ, ю — сочетаніе *губной* +л является почти безъ исключеній: въ Зогр. находимъ 1 разъ лишь приставени́е; форма благословенѧ, вѣроятно,— нефонетическаго происхожденія. Въ Ассем. и Син. Пс. находимъ губной безъ л̑ и предъ иными гласными, помимо ь, и, т. е. сочетанія ве (=вю), вѣ (=вꙗ), вѩ, вѭ; въ Син. Пс. находимъ также написанія: земѧѣ, земѧѩ, иѣковью, глоумѧениѣ. Савв. книга знаетъ сочетанія *губной* +е (=ю), *губной* +ѣ (=ꙗ), *губной* +ѩ (ѧ) и написанія земьѧ, земьѭ. Въ Супр. сочетанія *губной* +л сравнительно рѣдки, и обычны написанія -вьѩ, -пьѩ, -вье, -пье, -вье, -вьѭ, -пью и т. п. Въ Остром. употребленіе сочетаній губной +л̑ очень выдержано (отступленіе: земьскаꙗ 1 разъ и основа корабиц- 3 раза). Хиланд. л. имѣютъ сочетанія губной +л̑ (но корабь).

Такая картина распредѣленія фактовъ позволяетъ думать, что говоръ, легшій въ основу кирилло-меѳодіевскаго перевода, и внутри словъ измѣнилъ прасл. сочетанія *губной* +j въ сочетанія *губной* +л̑ (ср. Кіев. М., Остром. Ев.). Если и другіе болгарскіе говоры IX в. имѣли тѣ-же сочетанія, то, судя по показаніямъ Зогр., Мар., Клоц., Син. Тр., они потеряли это л̑ изъ j прежде всего въ положеніи предъ гласными и, ь, а затѣмъ уже и предъ иными гласными (Асс., Син. Пс., Савв., Супр.). Значеніе написаній Супр. рук. типа—вье, вьꙗ и т. п.—не вполнѣ ясно: возможно, что эти написанія обозначали сочетанія -bi̯e, -bi̯a, -vi̯e, -vi̯a, въ которыхъ b̥, v относились къ одному слогу, а i̯ было въ началѣ слѣдующаго слога (т. е. сочетаніе—вью произносилось приблизительно, какъ рус. современное *бью*).

Примѣчаніе. Фактическій матеріалъ изъ древне-церк.-слов. памятниковъ собранъ въ статьѣ Орѣшкова «Отношенията на старобългарскитѣ паметници къмъ епентетично л» въ Извѣстия на семинара по славянска филология при университета въ София, кн. II 1907 г., 1—65 с.с. Тамъ же указана литература вопроса.

§ 76. Согласные ш, ж, по своему происхожденію мягкіе (ср. § 53, 57 п. 7), можно считать таковыми и по отношенію къ древнѣйшей эпохѣ въ жизни др.-церк.-слов. языка. Древнѣйшій по языку памятникъ, Кіев. М., имѣетъ въ большинствѣ случаевъ написанія шѣ: мьшѣ (7 разъ), нашѣ (4 раза), доушѣми, но при этомъ съгрѣшати (2 раза) и папежа.

Написанія шѣ, жѣ можно встрѣтить и въ другихъ памятникахъ, глаголическихъ и кирилловскихъ, но уже рѣдко: обычными являются написанія жа, ша; напр. Зогр. Ев. оужасише, мъножаиша, каша, Мар. Ев. каша, доуша, слышати, оужасъ, Cloz. доуша, послоушаи, оужасеса, Савв. каша, слыша-, оужасаитеса, Хиланд. притѧжание, дша, (стѧ)жавъ, слышати и т. д.

Эти написанія, повидимому, указываютъ на отвердѣніе въ говорахъ, отразившихся въ этихъ памятникахъ,—согласныхъ ш и ж. При этомъ въ тѣхъ же памятникахъ, въ которыхъ преобладаютъ написанія ша, жа, а также обычны шѧ, жѧ, шѫ, жѫ,—обыкновенно, пишется послѣ ш, ж—ю, а не оу: Зогр. мѫжю, Мар. шюмъ, жюпелъ, Савв. шюма, шюца, рекъшю, въпадъшю.

Этотъ фактъ графики др.-церк.-слов. памятниковъ объясняется или тѣмъ, что предъ ю согласные ш, ж дольше сохраняли мягкость, чѣмъ предъ иными гласными, или же тѣмъ, что буква ю въ этихъ написаніяхъ выражала гласный, качественно отличный отъ оу,—а именно извѣстнаго рода ü (объясненіе Фортунатова, ср. Щепкина Разсужденіе 291 с.). Это предположеніе не относится къ Супрасл. рук. и оригиналу Остромирова Ев.: въ этихъ памятникахъ находимъ обычно жоу, шоу (въ Остр. Козловскій отмѣчаетъ лишь въздавъшю). Въ Ассем. находимъ мѫжоу, о шоуѭ и шюма, о шюѭ (нѣсколько разъ).

§ 77. На-ряду съ ш, ж, получившимися еще въ праславянскую эпоху изъ s+j, z+j или изъ ch, g въ положеніи предъ j и палатальными гласными, въ др.-ц.-сл. языкѣ находимъ ш, ж новаго происхожденія: они получаются изъ с, з въ положеніи предъ смягченными согласными. Такъ, въ Кіев. М. находимъ вължюблении V b, 5 изъ възлюблении, бежнего же VI, 15 изъ без нѥго же; въ Зогр. Ев. иж-нѥго, Марк. I, 26, вължюблѧ Іоа. XIV, 21; въ Мар. Ев. беж нѥго 314, 4 (по изд. Ягича), иж-нѥѩ 184, 7, иж-нѥго 118₁₀, 209₇, помышлѥние, помышлѩти — всегда: ср. мысль, мыслити; послѣднія формы (мысль, мыслити) показываютъ, что такое измѣненіе согласныхъ с, з въ ш, ж имѣло мѣсто лишь предъ сильно смягченными согласными л҄, н҄ (изъ lj, nj).

§ 78. Др.-церк.-слов. группы шт, жд—различнаго происхожденія.

1. Онѣ получились изъ прасл. сочетаній tj, dj, а шт, кромѣ того, изъ группы kt въ положеніи предъ палатальнымъ гласнымъ. Одинаковая судьба

въ др.-ц.-сл. и въ другихъ слов. языкахъ группъ tj и kt въ указанномъ положеніи даетъ указаніе на процессъ измѣненія данныхъ группъ въ прaслов. языкѣ: и группа kt въ положеніи предъ палатальнымъ гласнымъ, и сочетаніе tj, въ силу взаимной ассимиляціи, дали t´ (смягченное) долгое. Такъ-же dj дало d´ (смягченное) долгое. Долгіе смягченные t´, d´ имѣли неодинаковую судьбу въ говорахъ праслов. языка; общее условіе ихъ измѣненія заключалось въ томъ, что при условіи долготы зубного палатальнаго взрыва онъ сопровождался суженіемъ въ томъ же мѣстѣ, въ силу чего въ однихъ говорахъ изъ t´, d´ получалось t´s´, d´z´, въ другихъ t´š´, d´ž´. Изъ t´s´, d´z´ получились западно-словянскіе ć, dź, затѣмъ отвердѣвшіе: ср. пол. swieca, miedza изъ *světja, *medja; въ чешскомъ яз. dź кромѣ отвердѣнія упростилось въ z: meze. Изъ t´š´, d´ž´ получились русскіе *ч*, *ж*. Изъ t´š´, d´ž´ должно вести и др.-ц.-сл. **шт**, **жд**: эти сочетанія получились или путемъ перестановки, или же чрезъ посредство š´t´š´, ž´d´ž´.

Примѣчаніе. Посредствующую ступень š´t´š´, ž´d´ž´ предполагаютъ: Вондракъ, Vergl. Gr. 276 с. и Лескинъ. Gramm. 39 с. Перестановку Лескинъ считаетъ невозможной въ виду того, что č (=tš), dž изъ kj, gj не подвергались такой перестановкѣ: однако č изъ kj и dž изъ gj могли быть отличными по артикуляціи отъ группъ t´š´, d´ž´, что признаетъ и самъ Лескинъ; поэтому возникновеніе **шт**, **жд** путемъ перестановки вполнѣ возможно.

2. Др.-ц.-сл. группы **шт**, **жд** получились изъ сочетанія sk, zg въ положеніи предъ j или палатальными гласными не изъ дифтонговъ. Такъ какъ согласный k въ такомъ положеніи измѣнялся въ праcловянскомъ въ č, то изъ sk+j (или палатальный гласный) получилось sč и затѣмъ въ силу ассимиляціи s слѣдующему č — šč. Эта группа šč сохранилась, напримѣръ, въ малорусскомъ и польскомъ языкахъ: ср. малорусс. щирый, пол. szczery изъ прасл. *skirъ: ср. гот. skeirs. Въ др.-ц.-сл. языкѣ эта группа šč упростилась въ št (ибо č=tš, слѣд. šč=štš): **штиръ** (**щиръ**), **иштѫ** (**ищѫ**). Прасл. *dъsk-ica давало въ др.-ц.-слов. **дъштица**; прасл. *blьskěti—**бльштати**. Аналогично этому процессу группа zg+j (или палатальный согласный) давала группу zǧ, т. е. zdž, и затѣмъ žǧ; группа žǧ (ždž) упрощалась въ др.-ц.-сл. въ **жд**: **рождие** изъ *rozgьje: ср. **розга**, **мождань** изъ *mozgěnъ; **иждивение** изъ *iz-givenьje.

3. Сочетанія **шт**, **жд** получались въ др.-ц.-слов. также изъ группъ st+j, zd+j въ силу того, что tj, dj давали t´, d´ и затѣмъ t´š´, d´ž´, слѣдовательно, stj измѣнялось въ st´š´ и затѣмъ š´t´š, a zdj—въ zd´ž´ и затѣмъ въ ž´d´ž; эти группы š´t´š, ž´d´ž´ упрощались въ š´t´, ž´d´. Такъ по-

лучились: др.-ц.-сл. пригвожденъ,—форма причастія отъ глагола пригвоздити, получившаяся изъ prigvozdjenъ, и крьщение изъ *krъstjenьje.

4. Наконецъ, сочетанія шт, жд получаются въ др.-цер.-словянскомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда согласные т, д или группы ст, зд подвергаются вліянію послѣдующихъ сильно смягченныхъ согласныхъ: 1 л. ед. ч. наст. вр. отъ глагола острити—ощрѭ (т. е. оштрѭ)—изъ *ostrjǫ, та-же форма отъ пестрити — пещрѭ — изъ *pestrjǫ, отъ съмотрити — съмощрѭ — изъ *sъmotrjǫ, отъ хꙑтрити — хꙑщрѭ—изъ *chytrjǫ, отъ мѫдрити—мѫждрѭ—изъ *mǫdrjǫ, отъ бъдрити—бъждрѭ—изъ *bъdrjǫ.

Группы шт, жд въ др.-ц.-слов. языкѣ первоначально были такъ-же смягченными, какъ и согласные ш, ж Однако въ памятникахъ находимъ очень часто написанія шта, жда: въ Зогр. ѿпоуштаемъ, ѿвѣштавъ, отемлаштааго, раждаетъ Іоа. XVI, 21 и т. п.; въ Мар. - ѿвѣшта —(всегда), ѿпоушта—(всегда), раждаетъ, раждаатъ (см. указатель Ягича). Но при этомъ въ тѣхъ-же памятникахъ обычны написанія штю (щю), ждю; такъ, напримѣръ, въ Мар. и Савв. находимъ всегда междю, въ Мар. ощютиша, сънъмиштю, ѿпоуштю, книжьштюмоу, имѫштю и т. д., въ Савв. книгѣ ницюмоу, г҃лѭщю и т. п.

Къ этому различію въ обозначеніи первоначально смягченныхъ шт, жд предъ гласнымъ а и предъ гласнымъ оу—приложимо то-же объясненіе, какое дано относительно написаній шю, жю при ша, жа (§ 76).

Особое положеніе среди др.-ц.-слов. памятниковъ занимаетъ Кіев. М., въ которомъ на мѣстѣ шт, жд изъ tj (kt), dj находимъ ц, з (подазь, отъдазь, помоцьѭ и т. п.),—а на мѣстѣ шт изъ sk, st предъ j (или,—при sk,—предъ палатальнымъ гласнымъ)—шч: зашчити, очишчение.

§ 79. Первоначально смягченными были въ др.-ц.-сл. языкѣ и согласные ц, ѕ, ч. По отношенію къ ц, ч наблюдается въ др.-ц.-сл. памятникахъ то-же явленіе, что и относительно согласныхъ ш, ж, шт, жд: частое употребленіе написаній цю, чю при обычныхъ ца, ча. Такъ, въ Мар. Ев. находимъ притъча, притъчами, притъчахъ, чаание, чаати, часъ, чаша и т. д., но чюдо, чюдитисѧ, чюти, чюхъ, чюете и т. д. при рѣдкомъ чоу (чоудити); такъ-же отьца отъца, о҃тца очень часто, овьцамъ, овьцахъ, но отьцю, отъцю, о҃тцю (18 примѣровъ) при отъцоу, о҃тцоу (4 примѣра). То-же, напримѣръ,—въ Савв. книгѣ. Объясненіе этого явленія—то-же, что и выше, въ § 76. Въ Кіев. М. два раза находимъ цѣ: срьдьцѣ II b, 15, VII b, 12. Сочетанія ѕа, ѕоу или ѕѣ, ѕю—сравнительно рѣдки. Въ Зогр. Ев. встрѣчается одинъ разъ ѕа, въ Мар. 4 раза—ѕа, 3 раза ѕоу и 1 разъ ѕю, въ Асс. 4 раза ѕоу и 2 раза ѕа, въ Савв. ѕ замѣнено чрезъ з, при этомъ 2 раза находимъ—за (кънѧза, пѣнѧза): ср. Разсужденіе Щепкина 290 с.

Звукъ ѕ, получившійся изъ прасл. dz, сохранялся въ др.-церк.-слов. языкѣ, т. е. въ языкѣ Кирилла и Меѳодія, какъ особый звукъ, какъ видно изъ того, что въ глаголической азбукѣ имѣется для него особый знакъ, отличный отъ з. Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятникахъ (напр. въ Хиланд. лл.) звукъ этотъ означается особымъ значкомъ при з. Однако въ отдѣльныхъ болгарскихъ говорахъ звукъ этотъ (dz) измѣнился въ з, и это измѣненіе отражается уже въ др.-церк-. слов. памятникахъ.

Изъ глаголическихъ памятниковъ правильнымъ употребленіемъ знака ѕ отличается Ассеманіево Ев., Син. Пс. и поздняя часть Зографскаго Ев.; въ нихъ ѕ употребляется правильно въ такихъ словахъ, какъ ѕвѣзда (ср. пол. gwiazda), ѕѣло, кънѧѕь, стьѕа, и въ формахъ loc. s., nom. pl. мъноѕѣ, мъноѕи, браѕѣ, браѕи, nom. dual. ноѕѣ и т. п.

Наоборотъ, древнѣйшая часть Зогр. Ев., Мар. Ев. употребляютъ нерѣдко вмѣсто ѕ—з: Зогр. мнози, польза, кънѧзь, Мар. пѣнѧзь, пѣнѧзю, нозѣ. Клоц. и Син. Эвхол. обозначаютъ всегда почти звукъ ѕ тѣмъ-же знакомъ, что и звукъ з. Въ крупныхъ кирилловскихъ памятникахъ: Савв. и Супр. также звукъ ѕ обозначается знакомъ з, что указываетъ на упрощеніе въ говорѣ писцовъ dz въ z; Остромирово Ев. знаетъ знакъ ѕ только въ числовомъ значеніи; повидимому, и древне-болгарскій говоръ, отразившійся въ оригиналѣ этого памятника, не зналъ звука ѕ = dz.

Въ Хиланд. листкахъ звукъ этотъ въ двухъ случаяхъ правильно обозначается особымъ з (мъноѕи, ѣѕѣ); этотъ же знакъ извѣстенъ и Листкамъ Ундольскаго и Македонскому листку.

Изъ этихъ данныхъ ясно, что сохраненіе dz и совпаденіе его съ z было въ др.-болгарскомъ языкѣ діалектическимъ явленіемъ: одни говоры потеряли различіе между ѕ и з (dz и z) очень рано, другіе сохраняли его позже, нѣкоторые сохранили до сихъ поръ. При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ развилось новое ѕ (dz) на мѣстѣ прасл. z: такое фонетическое значеніе имѣетъ, очевидно, проѕабе въ Ассем. Ев. (Матѳ. 13, 26) и въ лл. Ундольскаго, такъ-какъ проѕабнѫти находимъ и въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ, напр. въ Болонской Псалтыри (Щепкинъ, Болонская Пс. 209.).

Что касается Кіевскаго Миссала и Пражскихъ листковъ, то въ послѣднихъ, какъ чешской копіи съ др.-ц.-слов. оригинала, естественно не находимъ ѕ,—оно замѣнено черезъ з, а въ Кіевскомъ Миссалѣ нѣтъ вовсе формъ съ праславянскимъ dz.

§ 80. Группа sk въ положеніи предъ ě, i изъ дифтонговъ является въ др.-ц.-слов. памятникахъ, дошедшихъ до насъ, въ видѣ сц или въ видѣ ст. Въ Кіевскомъ М. находимъ небесьсцѣи III b, 23; въ Зогр. Ев.—въ древнѣйшей его части, находимъ преимущественно сц, но изрѣдка и

ст; Мар. Ев. предпочитаетъ сц: земьсции, елеоньсцѣ, морьсцѣемь и т. п., но употребляется и ст: людьстии, архиерѣистии, фарисѣистии, морьстѣи и т. п. Иногда писецъ пишетъ стц: июдеистцѣи,—или же пишетъ ц надъ группой ст (Ягичъ, Мар. Ев. 435 с.). Въ Клоц. Сборникѣ, въ Савв. книгѣ, Син. Мол. послѣдовательно употребляется сц, наоборотъ въ Ассем. и Супр. всегда почти ст; въ Остромировомъ Ев.—ст рядомъ съ сц. Сочетаніе ст является упрощеніемъ сц (=st͡s), которое аналогично упрощенію группы št͡š въ шт въ формѣ иштѫ, иштеши и т. п. (ср. выше, § 78): такъ какъ k предъ палатальными гласными изъ дифтонговъ измѣнялось въ ц, то изъ группы sk въ такомъ положеніи получилось sc: форма мѣстн. п. ед. ч. отъ людьскъ давала людьсцѣ, форма им. мн. — людьсци. Судя по показаніямъ Кіев. М., Зогр. Ев.—первоначальные др.-ц.-слов. оригиналы знали группу сц; нѣкоторые древне-болгарскіе говоры сохраняли эту группу и въXI в., другіе упростили ее въ ст.

Параллельно группѣ sk, группа zg въ положеніи предъ палатальными гласными изъ дифтонговъ давала zd͡z, такъ-какъ g измѣнялось въ такомъ положеніи въ dz (ср. § 54). Группа эта упрощалась въ др.-ц.-сл. языкѣ въ zd такъ-же, какъ группа ždž — въ žd (ср. выше, § 78). Въ этомъ отношеніи въ др.-ц.-сл. памятникахъ нѣтъ колебаній: мѣстн. ед. ч. отъ дрѫзга — дрѫздѣ (Супр.).

Примѣчаніе. Написаніе стц и ст съ ц надъ т Ягичъ, Мар. Ев. 435 с., понимаетъ въ смыслѣ исправленія писцомъ ст своего оригинала на сц своего говора, что весьма сомнительно: скорѣе писецъ выправлялъ проскользнувшую черту своего говора въ угоду оригиналу.

§ 81. Задненебные согласные k, g, если они отдѣлены отъ послѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ согласнымъ v, имѣли различную судьбу въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ; въ западно-словянскихъ группы kv, gv оставались безъ измѣненія: ср. пол. gwiazda, kwiat, чеш. hvězda, květ; въ русскомъ языкѣ и въ южно-словянскихъ группы эти измѣнянялись въ группы цв, ѕв, т. е. k, g подвергались вліянію послѣдующаго палатальнаго слога, несмотря на отдѣлявшее ихъ отъ этого слога v: ср. русс. *цвѣтъ, звѣзда*,—во второмъ примѣрѣ имѣемъ упрощеніе ѕ (dz) въ з; то-же наблюдается въ болгарскомъ и сербскомъ, и то-же находимъ и въ др.-ц.-словянскомъ ѕвѣзда, цвѣтъ. Такимъ-же образомъ др.-церк.-слов. цвилѣти, ѕвиздати соотвѣтствуетъ чешскимъ kvíliti, hvízdati.

Группа chv имѣла ту-же судьбу въ др.-ц.-словянскомъ: им. мн. ч. отъ влъхвъ—влъсви, причемъ встрѣчается форма зват. п. влъшве (Супр. рук.).

Примѣчаніе. Такъ-какъ рядомъ съ цвѣтъ, въ которомъ ě происходитъ изъ дифтонга, стоитъ въ др.-ц.-слов. цвьтѫ—цвисти, гдѣ ь изъ i, а и изъ ī,— то можно предполагать, что измѣненіе группъ kv, gv, chv въ cv, dzv, sv имѣло

мѣсто въ южныхъ и восточныхъ вѣтвяхъ словянскаго языка предъ всякимъ палатальнымъ гласнымъ въ эпоху, сравнительно позднюю. На то-же указываетъ ѕвиздати (звиздати) изъ *gvizd-a-ti (ср. Etym. Wörterb. Бернекера 365 с.). Форму влъшке, въ такомъ случаѣ, пришлось бы считать нефонетической (влъшке при влъхвъ, влъсви по аналогіи отношеній доуше — доухъ — доуси?).

§ 82. Предлоги безъ, възъ, разъ-, изъ въ древнѣйшихъ церк.-слов. памятникахъ пишутся всегда безъ ъ въ концѣ, т. е. являются въ видѣ без, въз, раз, из: ср. напримѣръ въ Мар. Ев. без отца 32_{14} (изд. Ягича), без народа 297_6, из неѩ 2_{19}, из облака 237_8, възведе 58_1, възврати 102_{8-9}, възгласи 73_{3-4}, раздѣлитъ сѧ 125_{24-25}, развраштенъ 237_{27} и т. п. Въ Кіевскомъ Миссалѣ, который въ иныхъ словахъ не знаетъ ни одного случая пропуска ъ или ь,—находимъ: издрѣшениѣ II 10, V 69, изволи II b 12, въздрастетъ III 15, ізбаві III 23, възможемъ III b 12, V 7, V 23, VI 16, възѩли III b 20, избавлениѣ IV 10, избави IV 24, раздрѣшение V 15, въздвігні V 20, избаві V b 14, възвеселіамъ VII 12; ср. съ этими примѣрами: отъдазь VI b 10, надъ оплатъмь III 24 и др., бліз насъ II b 19, отъ грѣхъ I b 14, въ чьсті и т. п.

Эти факты дѣлаютъ несомнѣннымъ, что предлоги без, из, въз, раз были получены др.-ц.-сл. языкомъ изъ прасловянскаго безъ конечнаго ъ, съ окончаніемъ на согласный. Согласный этотъ не отпалъ по общему закону отпаденія конечныхъ согласныхъ въ виду того, что фактически онъ никогда въ живой рѣчи не былъ конечнымъ: предлоги примыкали къ слѣдующей именной формѣ и составляли съ ней одно цѣлое: из-водъі, без-рѫкъі.

Такимъ образомъ, др.-ц.-слов. языкъ получилъ различные группы согласныхъ, состоявшихъ изъ конечнаго з предлоговъ без, раз, въз, из и начальнаго согласнаго именной или глагольной формы. Въ этихъ группахъ затѣмъ происходили различныя измѣненія: ассимиляціи, упрощенія, или же развитіе новаго гласнаго. Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій уже были отмѣчены.

Такимъ образомъ, изъ соединеній из-нѥго, без-нѥго, възлюбленъ получились сочетанія иж-нѥго, беж-нѥго, вължюбленъ.

Соединенія z+g еще въ прасл. давали z+ǧ (dž), откуда затѣмъ въ др.-церк.-словянск. жд (чрезъ посредство ždž): иждена, въждеделение, раждегѫ, иждити — иждивѫ (ср. женѫ — гънати, желати, жегѫ, жити — живѫ). Соединенія z+č давали въ др.-ц.-слов. s+č, затѣмъ š+č и наконецъ št (чрезъ посредство štš): иштистити, бештисльнъ, иштезнѫти, иштадиѥ (ср. чистити, числьнъ, чезнѫти, чадо).

Въ положеніи предъ согласнымъ глухимъ з измѣняется въ с: искоусити, испльнити, исповѣдати, истешти, въскрѣсити, въскжь, въспитѣти, расточити, расхꙑтити, ис-кораблѣ, бес-плода и т. п.

Если послѣдующее за предлогами слово начинается согласнымъ з или с, то конечное з предлога исчезаетъ вовсе: беззаконие изъ беззаконие, расꙑпати, расѣꙗние, расѧждати изъ раз-сꙑпати, раз-сѣꙗние, раз-сѧждати; бе-страха, бе-зълобꙑ изъ без-страха, без-зълобꙑ, и-сънъмишта (Мар. 118₁₇).

То-же происходитъ, если начальнымъ согласнымъ слѣдующаго за предлогомъ слова является ш: раширѣти изъ раз-ширѣти (з + ш, с + ш, ш + ш, ш) ишьдъ — ишьдъше изъ изшьдъ — изшьдъше.

Изъ сочетанія з + ц получается въ силу ассимиляціи с + ц: исцѣлити изъ из-цѣлити. При исцѣлити, исцѣлѣти находимъ однако ицѣлѣ (Мар. Ев. 276₁₆); форма эта получилась при простомъ цѣлѣти подъ вліяніемъ отношеній ишьдъ при шьдъ. Такъ-же нефонетически явились формы бечьсти (Мар. 135₆), ичистити (Ассем.), и-чрека (Мар. 66₂₅), бечисльнъ — изъ из-чистити, без-чьсти, из-чрѣка, без-числьнъ.

Фонетически, какъ мы видѣли (§ 82), группа z+č давала шт, и рядомъ съ указанными формами находимъ иштистити, бештьсти, иштрѣка, бештисльнъ. Форма и-чрѣка и т. п. получились, быть можетъ, подъ вліяніемъ формъ ишьдъ, и-сънъмишта и т. п., форма бечисльнъ подъ вліяніемъ бе-зълобꙑ и т. п.

Наконецъ, въ сочетаніи конечнаго з предлога съ начальнымъ р слѣдующаго слова развивалось новое д: при переходѣ отъ зубного суженія (з) къ слѣдующему р образовался зубной взрывъ (д); такъ получились формы др.-ц.-слов. памятниковъ: издрѣшениѣ Кіевск. Мис., въздрастетъ Кіев. М., без-д-разоума Мар. Ев., въздрастъ Мар. Ев., въздрадоватисѧ Мар. Ев., въздрꙑдати Мар. Ев. и т. п.

При объ (объ), быть можетъ еще въ праслов., было об-, почему въ др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ обетъшати изъ *ob-větъšati: ср. об-ити обидѫ. Рядомъ съ отъ существовало, быть можетъ, от-, въ силу чего находимъ оходити, ошьдъ изъ отходити, отшьдъ.

§ 83. Предлоги въ, съ, къ первоначально оканчивались согласнымъ носовымъ n: прасл. *vъn, *sъn, *kъn,—ср. греч. ἐν, лат. in; др.-и. sám; др.-и. kám.

Въ положеніи предъ гласнымъ конечное n этихъ предлоговъ сохранялось, и такимъ образомъ въ др.-ц.-слов. памятникахъ находимъ правильно вънити, сънити, которыя слѣдуетъ понимать, какъ вън-ити, сън-ити. Сохранялось n и въ положеніи предъ j+гласный, измѣняясь въ ń (смягченное n): вънемь, сънимь, вънемоу, которыя получились изъ *vъn-jemь, *sъn-jimь, *kъn-jemu.

Въ положеніи предъ иными согласными (не предъ j) n сливалось съ предшествующимъ ъ въ носовое ъ (u), которое теряло носовой резонансъ и давало ъ; такъ получились сочетанія къ бозѣ, къ селѣ, сътворити, къ доброу и т. п. изъ *vъn-bodzě, *vъn-selě, *sъntvoriti, *kъn-dobru.

Въ виду такихъ сочетаній, какъ къ бозѣ, къ селѣ и т. п.—н въ сочетаніяхъ кънемь, сънимь, къ-немоу въ сознаніи говорящихъ относилось къ послѣдующему слову, т. е. сочетанія эти дѣлились въ сознаніи говорящихъ на части такимъ образомъ: къ-немь, съ-нимь, къ-немоу. Этимъ объясняется появленіе н въ такихъ сочетаніяхъ, какъ прѣдъ-нимь, отъ него, донелѣже, доньдеже при болѣе старой доидеже (изъ *do-jь-de-že). Такое-же отнесеніе н, принадлежавшаго предлогамъ вън, сън, кън, находимъ въ русскомъ *нѣдра*, серб. njȅdra, чеш. ňádra; послѣдняя форма (чешская) представляетъ комтаминацію формъ jadra и nědra. Форма nědra отвлечена изъ сочетанія vъn-ědra, существовавшаго при jadra.

Примѣчаніе. Ср. Meillet въ Götting. gelehrt. Anz. 1910 г. № 5, 373 с.

Греческія курсивныя минускульныя буквы VIII-IX-X стол.	Глаголическія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X XI стол.		Греческія курсивныя и минускульныя буквы VIII-IX-X стол.	Глаголическія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X-XI стол.		Глаголическія буквы древнѣйшихъ памятниковъ X-XI стол.
		γι				
		κ				
		λ				
		μ με				
		ν				
		ο λ ος γο δο το				
		π πο π υπεξ				
		ρ ρα ρο ρι αρ				
		σ εσ				
		τ το τα τα ται				
		υ ου ȣ				
		φ				
		χ				
		ω				
		σσ σσ σσο εσσι ισσαι				

ХАРЬКОВЪ ЛИТ. ЗИЛЬБЕРБЕРГА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОКРАЩЕНІЯ.

авест.=авестійскій.

Arch.=Archiv für slavische Philologie.

B. B.=Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von Dr. A. Bezzenberger und Dr. Prellwitz.

Бернекеръ, Slav. Etym. Wörterb.=Berneker, Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.

Вондракъ, Vergl. Sl. Gr.=Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen. I—II.

Gebauer, H. Ml.=Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého.

Glag. Cloz.=Glagolita Clozianus (Сборникъ Клоца).

Götting. gelehrt. Anzeig.=Göttingische gelehrte Anzeigen.

греч.=греческій.

Das Ostbulgar.=Miletič, Das Ostbulgarische. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abtheilung. II (1903 г.).

Denkschriften der K. Ak. d. Wiss. phil.-hist. Cl.=Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe.

др.-и.=древне-индійскій.

др.-ц.-сл.=древне-церковно-словянскій.

Ж. М. Н. Пр.=Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

индо-евр.=индо-европейскій.

Изв.=Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

И. Р. А. И.=Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

I. F.=Indogermanische Forschungen.

Изслѣдованія по русскому языку.=Изслѣдованія по русскому языку. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

K. Z.=Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.

K. V. Gr.=Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. 1904 г.

Cloz.=Glag. Cloz. (см. выше).

лат.=латинскій.

латыш.=латышскій.

List. Fil.=Listy Filologické. Praha.

лит.=литовскій.

Ляпуновъ, Изслѣдованіе=Ляпуновъ, Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. 1900 г.

Maced. Stud.=Oblak, Macedonische Studien. Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band CXXXIV.

Мар.=Маріинское Евангеліе.

Mat. i. pr.=Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie.
Meillet, Introduction=Meillet, Introduction à l'etude comparative des langues indoeuropéennes.
M. S. L.=Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
Остр.=Остромирово Евангеліе.
P. Br. B.=Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, herausgeg. von H. Paul, W. Braune und E. Sievers.
прасл.=праславянскій.
Р. Ф. В.=Русскій Филологическій Вѣстникъ.
R. Sl.=Rocznik slaw.=Rocznik slawistyczny. Kraków.
Савв.=Саввина книга (евангельскихъ чтеній).
Сб. Н. У.=Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София.
Сборн. Отд.=Сборн. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.=Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.
Сборникъ статей по славяновѣдѣнію=Статьи по славяновѣдѣнію. Подъ редакціей акад. В. И. Ламанскаго. Изданіе второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.
Сборникъ Ягича=Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin 1908.
Sitzungsber. d. K. Ak. Wien=Sitzungsberichte des Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe.
Sprawozdania Akad.=Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akad. Umiejętności w Krakowie.
Томсонъ, Общ. языков.=Томсонъ, Общее языковѣдѣніе.
Хиланд. лл.=Хиландарскіе листки.
Чтенія И. О. И. и Др. Р.=Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ.
Шахматовъ, «Къ исторіи»=Шахматовъ, Къ исторіи русскаго языка. О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ. 1903.
Щепкинъ, Разсужденіе=Щепкинъ. Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги. 1899 г.
Jagić, Zur Entstehungsgeschichte=Jagić, Zur Entstehungsgeschichte der altkirchenslavischen Sprache.

РЕВНЕ-ЦЕРКОВНО-СЛОВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Проф. С. М. Кульбакина.

I.

Введеніе. Фонетика.

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1911.

С. Кульбакинъ.